

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В.В. Куликов — Разработка земского Положения 1890 г. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Долгов — Мстислав Великий 26

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А.А. Нарышкин — Исторические аспекты формирования государства всеобщего благоденствия североευропейского типа 48

СООБЩЕНИЯ

С.Ю. Краснов — Особенности наказания по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в. 58

В.Н. Дряхлов — Женщина в «Салической Правде» 71

Ф. Ахмедова — Конфликты в большевистской элите Азербайджанской ССР в 20-е гг. XX в. 79

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

В.С. Дударев — Внешняя политика Германии и политические приемы дипломатии Отто фон Бисмарка 88

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- А.Х. Боров** — Кавказская война: проблема общей интерпретации 100

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

- П.А. Искендеров** — Роль дипломатии в истории Балкан 114

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- М.А. Уварова** — Идея свободы и порядка в политической философии Эмиля Оливье 127

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Б.Г. Алиев, А.О. Муртазаев** — Майор И.-Г. Гербер о даргинцах Акуша-Дарго 143

- Л.Ю. Варенцова** — Приказ Большого дворца в Российском государстве в XVII в. 152

- Н.А. Алиева** — Суфийские шейхи Азербайджана XI—XIII вв. 161

- П.Э. Исмаилзаде** — Мужская одежда азербайджанцев в XIX — начале XX в. 167

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С.М. Гаврилова** — Россия и Италия. Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней 173

Разработка земского Положения 1890 г.

В.В. Куликов

Аннотация. В статье исследуется процесс разработки земского Положения 1890 года. Анализируются причины переработки действующего законодательства, дается характеристика позициям участников законопроектной деятельности, прослеживается изменение содержания новых проектов на протяжении 1886—1890 годов. Используются источники конца XIX в., в том числе, архивные документы.

Ключевые слова: местное самоуправление, земство, реформа, контрреформа, Министерство внутренних дел, Государственный совет, законопроект.

Abstract. In this article, the author examines the process of development of the Local Self-Government (zemsky) Regulations of 1890, considers the reasons of the amendment to the existing law as well the legislative actors' opinions, observes the changes made to new (law) projects over a period from 1886 to 1890 and summarizes the conclusions. The sources of the end of the XIXth century including archival documents have been used.

Key words: local self-government, zemstvo (russian system of local self-governement), reformation and restitution, Ministry of the Interior, State Council, legislative proposal.

Земское самоуправление второй половины XIX — начала XX в. до сих пор является примером важнейших исторических достижений российского государства и общества. По своим масштабам и результатам деятельности земства стали одним из ключевых факторов общественного и политического прогресса страны. Земская реформа 1864 г. способствовала развитию местной экономики, образования, здравоохранения. Стали складываться новые формы общественной жизни. В то же время земства с самого начала своей работы подвергались разнообразной критике. Одни полагали, что они крайне несамостоятельны и не обладают потенциалом развития, другие, напротив, утверждали, что земская реформа зашла слишком далеко и опасна для власти.

Куликов Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. E-mail: v-kulikov1@yandex.ru.

Kulikov Vladimir V. — candidate of historical sciences, doctor of law, associate professor, holder of the chair at the Kirov branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА). E-mail: v-kulikov1@yandex.ru.

Столь полярные оценки свидетельствуют о действительных недостатках земского самоуправления. Причем эти недостатки можно было обнаружить во всех, без исключения, сферах земской жизни.

Причины, по которым правительство пошло на пересмотр земского Положения 1864 г., далеко не всегда можно соотнести с реакционными политическими настроениями отдельных государственных деятелей второй половины XIX века. Принятие в 1890 г. нового земского Положения явилось закономерным результатом пересмотра законодательства, которое многие современники считали неудачным. Стереотипная оценка Положения 1890 г., утвердившаяся в советской историографии, не имеет под собой достаточных оснований, так как была связана больше с идеологией, чем с научным анализом.

Земскую реформу 1864 г. еще не успели провести, как уже стали говорить о необходимости общей реформы местного управления. С конца 1860-х гг. в Министерстве внутренних дел с этой целью начался сбор необходимых материалов. С октября 1881 г. эта работа была сосредоточена в Особой комиссии под руководством бывшего председателя Комитета министров М.С. Каханова. Созывая «сведущих людей» или создавая комиссию, МВД не прекращало сбор сведений о деятельности земств. Большой интерес представляет переписка министра внутренних дел с рядом губернаторов во второй половине 1881 года. В письме, разосланном в июле этого года губернаторам, ставилась задача выявить случаи обсуждения земскими учреждениями вопросов, выходявших за рамки их компетенции. Письмо было конфиденциальным. В нем говорилось, что главная цель заключалась в том, «чтобы они (земства. — В.К.) не вторгались в непринадлежащую им область государственного управления»¹. Действительно, часть дворянства, изначально не принимавшая реформы, в середине 1880-х гг. решила, что наступило время реванша. Но оказать решающее влияние на происходившие в стране процессы оно не могло. Правовое преломление степени этого влияния хорошо видно на примере нового земского Положения 1890 года.

В течение 1885—1886 гг. в МВД поступило большое число корреспонденций от дворянских обществ, в которых излагалось понимание ими содержания предстоявших реформ. Послания дворянских собраний, иногда лично начальнику его канцелярии, бывшему земскому деятелю А.Д. Пазухину, во многом однотипны. Главным требованием являлось введение в земствах сословного представительства с перераспределением квот гласных. Тульское дворянство дважды, в 1884 и в 1885 гг., обращалось с письмами к министру Д.А. Толстому с ходатайствами о введении сословного представительства дворян в земствах². Первый раз ходатайство осталось без внимания, то ли потому, что не была завершена работа комиссии Каханова, то ли по причинам бюрократического свойства. Это вынудило тульских дворян напомнить об уже высказанных требованиях. Месяц спустя, 31 января 1886 г., министр получил письмо от смоленского предводителя дворянства Н.А. Хомякова с прошением о формировании первой земской курии не из землевладельцев, а из дворян³. В апреле 1886 г. свои предложения высказал полтавский предводитель дворянства А.В. Мещерский. Он выступал за то, чтобы сделать курии сословными, а гласных от дворянства выбирать прямо на дворянских

собраниях по причине того, что количество дворянских гласных занижено, если брать в расчет площадь принадлежащей им земли ⁴. В губерниях с большой долей дворянского землевладения введение этой нормы привело бы к полному господству дворян в земских собраниях. 23 апреля 1886 г. в министерство вновь поступила корреспонденция из Тулы, на сей раз от предводителя дворянства А.А. Арсеньева. Кроме аналогичных требований в ней можно обнаружить и некоторые новые. Так, повышенное внимание предлагалось уделить уездным земствам, в которых представительство дворян было особенно недостаточным. Это важно потому, что почти все дела местного управления были сосредоточены в уездах, а у дворян не было возможности реально воздействовать на земскую деятельность. Наконец, формулировалось предложение, которое не встречалось даже в материалах совещаний 1886—1890 гг.: предоставить право контроля за управками предводителям дворянства ⁵.

Пожалуй единственное мнение, высказанное в 1886 г. дворянскими обществами вне общей тенденции, принадлежало псковскому дворянскому собранию. Оно ходатайствовало о снижении ценза для землевладельцев, имевших среднее образование, до 100 десятин, а для получивших высшее — до 50 десятин ⁶. Но эта частность лишь подтверждала общие настроения собраний — подчинить земства дворянским обществам. Важно заметить, что конечный вариант новой реформы — Положение 1890 г. — только в некоторой степени совпал с дворянскими притязаниями.

В Петербург поступали и частные записки. В одной из них было высказано радикальное предложение: «Упразднить земские учреждения, заменив их губернским по земским делам присутствием», в котором не должно было быть ни одного представителя земских учреждений, потому что земство, согласно этому проекту, являлось по своему статусу государственным учреждением. За ним оставались отдельные сферы деятельности: народное здравоохранение, страхование строений от огня, дорожная повинность, пожарное дело, ветеринария, подводная и квартирная повинности. Но из ведения земств полностью изымались народное просвещение, народное продовольствие, почтовое дело и право формирования мировых судов ⁷.

В то же время продолжалась переписка центрального аппарата МВД с губернаторами. К 1884 г. главы одиннадцати земских губерний представили в министерство свои соображения по поводу преобразования местных учреждений. В их докладах отмечались в основном недостатки земского устройства, связанные с отсутствием реального административного контроля и негативной ролью, которую играли в земствах лица, принадлежавшие к дворянскому сословию. Вологодский губернатор М.Н. Кормилицын 7 декабря 1886 г. доносил о неудовлетворительной работе земских учреждений, не умевших надлежащим образом вести хозяйство. Начальник губернии приводил примеры, связанные с произвольным распределением земством продовольственных ссуд. В результате этого возникла опасность, что действительно нуждавшиеся могли в итоге оказаться пострадавшими. В Устюжском уезде земство, напротив, несвоевременно приняло решение по раздаче хлеба ⁸. Исчерпав возможности действия в рамках закона, губернатор волевым решением отстранил ряд председателей и членов земс-

ких управ от распределения продовольствия, передав это дело в руки полиции. Губернаторов больше интересовало не увеличение дворянского представительства, а подконтрольность им земских учреждений. Именно такие соображения излагались в письме пензенского губернатора А.А. Татищева Пазухину: «... Подчинить постановления земства правительственному контролю не с одной формальной стороны, а по существу и вместо выборности деятелей, которых земство не умеет или не хочет избирать, определять по назначению от правительства»⁹. Губернатор представил свое видение процессов, происходивших в земстве: «Земство, обещавшее так много радужных надежд в самом начале своего учреждения, на практике обратилось, за весьма редкими исключениями, в арену интриг со своекорыстной целью»¹⁰. Кто же персонально не устраивал губернатора и превращал земские учреждения в «арену интриг»? В Пензенской губернии председатели двух земских управ не вызывали у губернатора «никакого доверия», а в трех уездах управы возглавляли предводители дворянства, что для начальника губернии также было абсолютно неприемлемо. Существовавшее положение дел он очень метко называл «иглом самоуправления». Мнения дворянских обществ и губернской администрации о реформе местного самоуправления порой расходились очень существенно. Эти расхождения в выборе пути развития земского самоуправления между дворянской корпорацией и бюрократией не могли не воздействовать на проектную работу МВД, последующие отзывы на проект министров и на позицию Государственного совета.

Один из инициаторов проекта, Пазухин, используя некоторые материалы комиссии Каханова, в начале 1886 г. составил собственный план реформ, подвергнутый критике рядом государственных деятелей (К.П. Победоносцевым, Н.А. Манасеиным, М.Н. Островским)¹¹. Министров не устраивал, в частности, порядок замещения земских должностей. Для разработки более основательного законопроекта в конце 1886 г. Толстой созвал Особое совещание по обсуждению проекта земской реформы, которое завершило свою работу через год. Характер реакции высшей правительственной бюрократии на первичный проект Пазухина, как и на все последующие, симптоматичен. Он свидетельствует о том, что и в середине 1880-х гг. «реакционные» настроения охватывали только определенную группу лиц, волей судьбы призванных к законотворческой деятельности. Содержательная сторона проекта Особого совещания всегда вызывала критику, но нельзя утверждать, что Толстой стремился лишить земство всякой, в его понимании, самостоятельности, которую министр видел в сохранении принципа выборности при формировании земских собраний. Вместе с тем, представительство от населения в управах (присутствиях) ликвидировалось. «... В случае сохранения выборного начала относительно замещения должностей в составе исполнительных земских органов, — докладывал в конце 1886 г. Толстой императору, — главная цель предпринятого преобразования — введение земских учреждений в общую систему государственного управления осталась бы недостигнутой»¹².

Позиция Пазухина в Совещании изначально не была конструктивной, ведь даже предложение о включении в состав губернского земского собрания крупных землевладельцев без выборов было нере-

алистично. В этом случае на 1948 гласных по проекту приходился бы 1121 подобный собственник. Именно Пазухин ясно выражал общую для части дворянства тенденцию к усилению сословного начала в земствах. Другая составляющая нового проекта — подчинение органов самоуправления административному контролю, практически означавшее их ликвидацию. Первое направление проекта — усиление сословного начала — при всех вариантах имело отрицательное значение, так как привело бы к увеличению количества гласных от дворянства: в одних случаях — реакционного, в других — либерального. Второе же создавало возможность для оптимизации модели земского самоуправления в его взаимодействии с государством. Крайне важно было найти эту целесообразную степень взаимодействия, не уничтожившую самоуправления, но и не сохранявшую его двусмысленное положение. Но, ни по первому, ни по второму направлению Собрание и последующие за ним инстанции не смогли прийти к решениям, которые удовлетворяли бы потребностям развития и совершенствования местного самоуправления.

Собрание достаточно скрупулезно разработало свой оригинальный проект предстоящей реформы. В соответствии с ним, уездное земское собрание по-прежнему формировалось из дворян, лиц, принадлежавших к городским состояниям, и крестьян. В число уездных гласных без выборов проходили крупные земельные собственники, в первую очередь, дворяне-землевладельцы. Предводителям дворянства фактически гарантировалось руководство земскими собраниями и земскими присутствиями (так по новому проекту назывались исполнительные органы земства). Предводитель дворянства мог стать председателем обоих органов одновременно, так как допускалось совмещение этих должностей. Правда, статья 43 предусматривала назначение членов присутствия от всех трех сословных групп¹³. Преобладание дворян в уездных земских собраниях обеспечивалось их выделением в особую избирательную курию и изменением расписания гласных. На заседании 31 января 1887 г. был рассмотрен вопрос о квотах курий. Собрание отошло от их уравнительного в целом определения в Положении 1864 года. В основу расчета тогда было положено количество душевых наделов земли, находившихся в собственности избирателей по курии. Вместо душевых наделов теперь предусматривались полные цензы только для двух курий. Первая, дворянская, посылала одного гласного от 20 полных земельных цензов или от совокупного недвижимого имущества, оцененного в 300 тыс. рублей. Для второй, городской курии, эти нормы увеличивались до 30 земельных цензов или до 450 тыс. рублей. Разницу собрание объясняло «не одинаковой политической правоспособностью» представителей этих сословий. Наконец, по крестьянской курии один гласный в уездное собрание избирался от 3 тыс. ревизских душ¹⁴.

Председателем губернского земского собрания становился либо губернский предводитель дворянства, либо председатель губернского присутствия. Круг лиц, из которых министр внутренних дел мог выбирать кандидатов на должности председателей губернских присутствий, практически не оставлял возможности для других сословий: губернский предводитель дворянства, председатель уездного земского присутствия, член губернского присутствия, земский начальник,

прослужившие в должностях не менее трех лет¹⁵. Разногласия членов Совещания по вопросам, связанным с сословным представительством, были незначительными. Так, В.В. Калачов выступил против включения в состав уездных гласных крупных собственников без выборов, но не нашел поддержки у остальных. Аналогично, поддержанный на этот раз А.Р. Шидловским, Калачов считал нецелесообразным включение крупных земельных собственников в состав губернского земского собрания¹⁶. Впрочем, при обсуждении вопроса о количестве гласных от каждой курии тот же Шидловский выразил особое мнение, в котором утверждал, что в некоторых уездах представительство от дворян являлось недостаточным, а от крестьян, напротив, слишком значительным¹⁷.

В законопроекте, исправленном по заключению Особого совещания, в некоторых статьях сословный принцип формирования земских органов усиливался. В уездах, где проходили дворянские выборы, назначение членов уездного присутствия предусматривало предварительное соглашение с уездным предводителем дворянства. В то же время два члена совещания — Калачов и П.А. Кривский — полагали невозможным совмещение должностей предводителя дворянства и председателя присутствия, но остались в явном меньшинстве. В новом варианте председатель губернского земского присутствия избирался губернатором из числа губернских гласных-дворян или просто дворян, являвшихся членами губернского собрания. Исключения предусматривались только для местности, где не проводились дворянские выборы. Здесь председатель губернского присутствия выбирался из числа членов губернского по сельским делам присутствия, губернского земского присутствия, бывших председателей губернских земских и уездных управ, членов губернских земских управ, прослуживших не менее трех лет¹⁸.

Но статьи различных вариантов проекта, предусматривавшие сословное представительство в земских учреждениях и усиление дворянского влияния, составляли меньшую часть всего законодательного материала, вошедшего в Положение 1890 года. Решение «дворянской» проблемы в земствах было достаточно простым и однозначным. Гораздо больший интерес представляют нормы, которые устанавливали статус земских учреждений, их место в общей системе государственных установлений, порядок административного надзора и взаимодействие земских органов с государственными, а также усиление иерархичности в системе собственно земских учреждений. Если нормы, относившиеся к дворянскому представительству и роли дворянского сословия в земствах, претерпели изменения не принципиального характера, то принципы формирования и функционирования земских учреждений по проекту Особого совещания и Положению 1890 г. расходились весьма существенно.

Изменения в земском избирательном праве касались не только утверждения сословного начала, но и включали другие нормы, прежде всего, цензовые. Вводились единые цензы для первой и второй курий, в том числе и неполные, составлявшие одну десятую часть ценза. Прежние «городские» цензы второй курии исчезли. В то же время крестьян допускали на выборы по двум основаниям: сословному и цензовому. Первую категорию земских выборщиков составляли

крестьяне, владевшие имуществом на сумму более 15 тыс. руб.; вторую — выборщики от сельских сходов и крестьяне, не владевшие полным цензом¹⁹. Кроме избираемых гласных и крупных собственников предусматривалось включение в состав земского собрания представителей отдельных ведомств: государственных имуществ, удельного и духовного. Городская дума каждого города, находившегося в уезде, направляла одного депутата в уездное земское собрание. Возможно было не прямое представительство через поверенных, опекунов, попечителей. Женщины могли уполномочить на участие в выборах мужей, братьев, сыновей, зятьев, не обладавших имущественным цензом. Возрастной ценз понижался до 21 года только для лиц, имевших высшее образование. Не могли участвовать в выборах лица, лишенные по суду прав состояния, осужденные по статьям 169—177 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а также находившиеся под следствием или судом, и бывшие должностные лица, отрешенные от должности в дисциплинарном порядке. Среди «лишенцев» также значились лица, изгнанные из духовного ведомства за пороки или исключенные из состава дворянских обществ. В гласные уездного собрания не допускались чины губернских правлений, прокуроры, полицейские чины, священно- и церковнослужители. За исключением новых имущественных цензов и непропорционального представительства от различных сословий, другие нормы, регулировавшие формирование корпуса земских выборщиков и выборы гласных, стоит признать необходимыми и более определенными, чем прежде.

Существенным отличием проекта в отношении института земских гласных было признание обязательного, по сути государственного, характера их службы. По Положению 1864 г. ни один государственный или общественный орган не имел права принуждать избранного гласного вступить в свою должность. Теперь же предусматривался ряд условий, при которых был возможен отказ от исполнения обязанностей гласного: достижение возраста 60 лет, исполнение обязанностей гласного в течение трех последних трехлетий, исполнение данных обязанностей в других органах самоуправления, нахождение на государственной службе. Двадцатилетний опыт работы земств показал, что даже вступившие в должность гласные относились к своим обязанностям крайне нерадиво, зачастую не являясь на сессии земских собраний. За это предусматривались штрафы, а в случае повторения дело передавалось в суд, который мог наказать гласного запретом избираться на должности, «требующие общественного доверия», на срок от 3 до 10 лет или навсегда²⁰. Установление обязанностей земских гласных весьма болезненно воспринималось общественным мнением. В этом усматривали «казенщину», «бюрократию», но справедливости ради надо согласиться, что эта мера повышала значимость деятельности гласного и способствовала более эффективной работе земства. Большинство Совецания разделяло новый подход к институту гласных: «Раз государство, признавая необходимость содействия местным обывателям, призывает их на земскую службу, то на нее нельзя иначе смотреть, как на повинность, как на государственную деятельность, а такого рода деятельность не может зависеть от воли частных лиц...»²¹

Обсуждение вопроса о земских гласных в целом демонстрирует единодушие участников Совещания. Однако прозвучало предложение лишить права избираться гласными адвокатов, «так как участие этих лиц в земском собрании, по мнению меньшинства Совещания, крайне вредно»²². Заметим, что в проекте в отличие от Положения 1864 г. в числе лиц, лишенных права стать гласными, не было учителей народных училищ. Более существенным представляется несогласие А.Е. Зарина и Кривского с исключением из числа гласных лиц, вступивших в подряды с земством²³. В дальнейшем, в исправленном варианте проекта, некоторые нормы, относившиеся к институту гласных, были незначительно откорректированы. В целом правовое положение земских гласных сильно изменялось, что можно оценивать как положительное явление, хотя их служба по-прежнему оставалась безвозмездной. Но даже введение карательных санкций в отношении гласных казалось членам Совещания не совсем надежной гарантией от срыва земских собраний, и поэтому законность заседаний признавалась при наличии всего одной третьей части гласных при общем числе не менее 10 (для выборов мировых судов — не менее 12)²⁴.

Как уже говорилось, замещение должностей председателя уездного собрания и уездного присутствия, а также формирование самого земского присутствия осуществлялось государственными органами. Присутствие состояло из трех членов, но могло быть увеличено. В приложении к статье 43 говорилось, что члены уездного присутствия могли не иметь права поступления на государственную службу²⁵. Это замечание вызвало в Совещании небольшую дискуссию. В отличие от земских гласных, не являвшихся госслужащими, члены земского присутствия таковыми считались. Пять участников совещания высказывались против возможности, предусмотренной в статье 60 проекта: классный чин за 9 лет службы²⁶. Мнение председателя и четырех других членов Совещания было иным: «А Председатель и четыре члена находят, что при том значении государственной службы, которое придается службе членов уездного земского присутствия, проектируемое право чинопроизводства для лиц, не имеющих прав государственной службы, явится весьма драгоценным правом, одним из стимулов поступления в присутствие, одной из гарантий лучшего состава присутствия»²⁷. Норма была усечена в Положении 1890 г. запретом баллотироваться в члены управ представителям некоторых сословий, например купцам, но сохранялась в части установления девятилетнего срока для получения классного чина.

Аналогично, но с некоторыми отличиями, формировались губернские земские органы. Кроме земских гласных, избравшихся по действовавшему Положению от уездных земских собраний, в его состав отныне входили: уездные предводители дворянства, крупные землевладельцы, а также управляющие местными ведомствами государственных имуществ или удельных контор, представители духовенства и два депутата от городской думы губернского города. В губернии, где отсутствовали дворянские общества, в состав собраний включались в качестве членов председатели губернских и уездных присутствий. На губернских гласных распространялись общие для всех цензовые требования. Формирование губернского присутствия также возлагалось на правительственную администрацию. Трех

членов присутствия по представлению губернатора назначал министр внутренних дел. Предусматривалось присвоение членам присутствий классовых чинов: председателям губернских присутствий — пятого, членам губернских присутствий и председателям уездных присутствий — шестого, все остальным — седьмого. Однако при дальнейшем обсуждении эти чины были признаны слишком высокими, и председатель губернского присутствия в окончательном варианте получил только шестой классовый чин ²⁸.

В проекте более определенно был обозначен круг предметов ведения уездных и губернских земств, при этом выделялись те из них, которые требовали обязательного утверждения губернатора или министра внутренних дел. Земским присутствиям категорически запрещалось приводить в действие такие постановления, пока они не были утверждены министром внутренних дел. Среди данных постановлений трудно найти такие, которые в случае их приостановки действительно ущемляли бы интересы земств: это — постановления о займах земства, которые более чем в два раза превышали двухгодичный земский сбор; о сборах за проезд по земским путям; об открытии ярмарок, длящихся более двух недель; об открытии пристаней; об отчуждении имущества ведомства общественного призрения и об обязанности населения по истреблению вредных животных ²⁹. Часть из них затрагивала интересы государственных ведомств, но в большей степени — права частных лиц. Ведь земские займы, в конечном итоге, ложились бременем именно на земских налогоплательщиков. Обязательные постановления, утверждаемые губернатором, в отличие от вышеперечисленных, касались в основном не отдельных предметов ведения губернского земства, а субординации в действиях губернских и уездных земских учреждений. С разрешения губернатора губернское собрание получало право «издавать обязательные для местных земских учреждений губернии постановления» без указания их предмета, а также давать инструкции уездным земским присутствиям относительно способов исполнения своих постановлений. Значение губернского земства возрастало и за счет расширения компетенции губернского присутствия, которое принимало жалобы на неправильные действия уездных земских присутствий и получало право проводить их ревизию ³⁰. В случае несогласия губернатора с постановлением губернского земства он передавал его на вторичное рассмотрение, а окончательное решение оставалось за министром внутренних дел ³¹. Таким образом, из механизма урегулирования административных конфликтов исключался Правительствующий сенат, что еще раз подчеркивало новый статус земства, рассматриваемого теперь как орган, непосредственно подконтрольный МВД. Данное нововведение явилось, наверно, самым неудачным во всем первоначальном проекте. Расширились и собственные прерогативы губернатора по надзору за земствами. Он получал право проводить периодические или внезапные ревизии земских присутствий, а также наравне с губернским собранием принимать жалобы на действия земских учреждений ³².

Высказывались мнения и относительно значения некоторых должностных лиц земств: «... Председатель губернского присутствия по всей вероятности составляет контингент таких лиц, которые впоследствии будут назначаться на дальнейшие должности по центральному

и местному управлению». В связи с этим, более целесообразным казалось бессрочное назначение председателя земского присутствия. Особенно настаивали на таком правиле для губерний, где не проводились дворянские выборы. В этих губерниях и уездах рекомендовалось назначать председателей губернских земских присутствий не из гласных, а из числа бывших председателей уездных земских управ³³. Недоверие Совещания к гласным, несмотря на новые условия их избрания, удивляет. Именно поэтому в одной из статей (о назначении председателя губернского присутствия) уточняется: его назначение может производиться не только из числа губернских гласных по выборам, а из всех членов собрания, например, из уездных предводителей дворянства.

В заключительном, исправленном, варианте проекта большую часть корректировок статей также нельзя признать очень важной. В частности, в некоторых случаях у губернатора и губернского присутствия появлялась возможность действовать в обход губернского собрания. Так, если собрание не состоялось, присутствие могло делать предложение о внесении в смету нового расхода, которое поступало на рассмотрение губернатору и вне зависимости от его позиции передавалось в МВД. В данном случае в качестве последней инстанции, как и в Положении 1890 г. в случае превышения утвержденной земской сметы, дело передавалось для окончательного разрешения в Госсовет. Ничего нового не вносилось и в порядок представления земствами ходатайств. Уездные земские собрания передавали их в губернское собрание, которое направляло ходатайства губернатору, а далее начальник губернии сам отправлял их по «принадлежности»³⁴. Один из активных участников Совещания, Шидловский, предлагал установить особый порядок отмены распоряжений земских присутствий через специальную административную коллегия. Вызвано это было, вероятно, сохранявшимся восприятием земства как общественного учреждения, находящегося вне системы государственного управления. В конечном итоге предложение так и не нашло поддержки, а для отмены постановлений присутствий устанавливался вариативный порядок. Во время сессий земских собраний такое право предоставлялось им самим, а в перерыве работы постановления отменялись министром внутренних дел по представлению губернатора (для губернских присутствий) и самим губернатором (для уездных присутствий)³⁵.

Во всех вариантах проекта содержалось много норм, требовавших развития и толкования. Например, статья 74 исправленного варианта предусматривала для частных лиц в случае предъявления исков к земству действия по правилам, установленным для казенных управлений³⁶. Из текста не ясно, будет ли в качестве ответчика, в конечном итоге, выступать население, объединенное земским самоуправлением, или ответственность понесет государство, так как земство становилось по сути учреждением «правительственным». Еще одно важное наблюдение заключается в том, что члены Совещания, несмотря на выраженную дворянско-сословную ориентацию, понимали, что новое земское Положение не сможет регулировать все правоотношения в сфере местного самоуправления. Отсутствие развернутого материального земского права становилось слишком очевидным. Поэтому совещание справедливо полагало, что «ближай-

шее указание о сущности и порядке действий земских учреждений определится в особых Уставах (Земских повинностей, Путей сообщения, Строительном, Пожарном, Общественного призрения, Народного продовольствия, Врачебном и других), а также в отдельных узаконениях»³⁷. Однако задача эта решалась правительством недостаточно быстро.

Оба варианта проекта предстояло направить в ряд министерств, а также в Синод и Государственный контроль. Руководители указанных учреждений обязывались «доставить отзывы по этому проекту государственному секретарю»³⁸. Однако высочайшее разрешение на это последовало только 17 декабря 1887 года. Процесс разработки законопроекта затягивался, а, между тем, ему предстояло еще пройти через Государственный совет.

Отзывы на проект Толстой стал получать только с июля 1888 года. Пауза была заполнена сбором дополнительных сведений для доработки и дальнейшего обоснования законопроекта. Товарищ министра внутренних дел К.Д. Гагарин уведомил губернаторов о необходимости в срок до 15 марта 1888 г. представить сведения о сословном составе земских управ со времени введения земских учреждений³⁹. Губернаторы в своих телеграммах давали обширную информацию по вопросу, но удивительно, что МВД на момент работы Особого совещания не имело точных сведений о сословном составе земских учреждений, а значит, основывалось в основном на субъективном восприятии ситуации. Нестабильность социального состава земских собраний и управ была характерна только для губерний, где дворянство фактически отсутствовало. К ним относились Вятская, Олонецкая, Вологодская, Пермская губернии. Но если использовать исследование Н.М. Пирумовой⁴⁰, то трудно считать устойчивой тенденцию вытеснения дворян из земства в других губерниях, особенно при оценке интенсивности процесса. Такое вытеснение имело место, но к 1890 г. этот процесс не приобрел еще характера непосредственной опасности для дворянского сословия. Но нельзя игнорировать и другую причину — явное неудовольствие правительства результатами деятельности ряда земств и их все чаще проявлявшимся фрондерством. Наибольшие проблемы в этом плане возникали именно с «дворянскими» земствами. Напротив, конструктивное взаимодействие губернаторов и земств имело место в губерниях с незначительной долей дворян-гласных. Сошлемся на мнение пермского губернатора В.Д. Лукошкова: «Взгляды наши на различные вопросы не всегда сходились, многие споры доходили до разрешения Правительствующего сената, но за истекший год я не знаю ни одного примера со стороны губернского земства, думаю и земство не укажет со стороны администрации ни одного случая, когда разногласия наши имели бы хотя тень характера личных пререканий»⁴¹. Поэтому условия, в которых происходила работа над проектом, были крайне противоречивыми, что и нашло отражение в мнениях министров и главноуправляющих.

Первым 4 июля 1888 г. Толстому ответил его единомышленник, прославившийся циркуляром о «кухаркиных детях», министр народного просвещения И.Д. Делянов. Свою позицию он изложил уже в самом начале письма: «... В общем не встречаю препятствий к утвер-

ждению в законном порядке составленного Вами проекта нового положения о сих учреждениях»⁴². Конкретное пожелание Делянова было следующим: «... Для большей точности и определенности, я посчитал бы в новой редакции просить указать законы, коими определяется участие земских учреждений в деле народного образования, именно устава учебных заведений»⁴³. Но при этом министр пояснял, что заведование школами должно принадлежать правительству, ограничивая земство функцией хозяйственного участия.

В том же месяце свою оценку высказал министр путей сообщения Г.Е. Паукер. Она мало отличалась от оценки Делянова: «... Я не могу иначе как с полным сочувствием отнестись к основной мысли проекта — установить, что земское дело есть дело государственное, подлежащее ближайшему ведению правительства»⁴⁴. С его отдельными замечаниями можно согласиться. Это касается предложения увеличить трехдневный срок обжалования постановлений земского присутствия до 7 дней для Вологодской, Вятской, Олонецкой и Пермской губерний. Обоснованием послужили большие размеры губерний и плохо налаженная система связи. Выходя за пределы своих ведомственных интересов, министр считал возможным разрешить замещение должностей председателей уездных присутствий лицами городских состояний. Заслуживают внимания и замечания, высказанные по имущественному цензу. Ценность земли и до 1864 г. значительно варьировалась по отдельным губерниям. В связи с вовлечением земель в имущественный гражданский оборот, превращение их в объект купли-продажи, разница еще более возрастала, что было связано с неодинаковыми экономическими условиями в отдельных районах. В некоторой степени недостаток ценности земли компенсировался ее количеством. Разница в земельных цензах могла быть 1:4, что далеко не всегда соответствовало действительности. Именно такой пример и привел министр, когда в одной губернии ценность 200 десятин земли определялась в 25 тыс. руб., а в другой 250 десятин оценивались всего в 8 тыс. рублей⁴⁵.

Замечания остальных министров и глав ведомств нельзя признать слишком благоприятными для проекта, что следует, например, из письма от 9 августа 1888 г. обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева, который критически относился к земскому законодательству 1864 г.: «Думаю, что составители ныне действующего положения увлеклись, — в пору идейных и теоретических увлечений, — идеею представительства в организации земских учреждений»⁴⁶. Концентрация в земском собрании значительного числа лиц, как и отсутствие контроля правительства за персональным составом собраний, приводили, по его мнению, к негативным результатам. Поэтому количество гласных в земских собраниях не должно превышать 25 чел. с одновременным увеличением ценза и возможностью правительства назначать часть гласных. Обращают на себя внимание два момента. В письме отсутствуют какие-либо предложения по усилению дворянского сословия в земствах. Победоносцева этот вопрос не интересовал. Также не получила поддержки идея полного подчинения земства правительству, так как сферой деятельности самоуправления по-прежнему оставались местные общественные нужды: «Для сего необходима известная доля свободы, коей опасаться нечего, если

она будет нераздельно с сознанием ответственности и с возможностью для государственной власти строгого и справедливого осуществления сей ответственности»⁴⁷. Поэтому, считал Победоносцев, не было никакой необходимости вводить земские учреждения в круг правительственных с «характером служебно-чиновничьим и бюрократическим». По сути один из главных идеологов режима не поддерживал ни первое, ни второе направление представленного проекта, настаивая только на усилении и упорядочении административного надзора за органами земского самоуправления со стороны государственных учреждений.

Несколько ранее, 30 июля 1888 г., весьма своеобразная позиция была заявлена государственным контролером Д.М. Сольским, который не считал свое ведомство напрямую относящимся к земским делам, но направил, тем не менее, очень пространное и обстоятельное послание, подтвердив вывод об отсутствии у Совещения полной информации о различных сторонах деятельности земств: «В представлении приводятся общие замечания о неудовлетворительных сторонах деятельности земских учреждений, но почти столь же неполном и неопределенном виде, как они слышатся в частных разговорах»⁴⁸. Вместе с тем, проведя некоторые расчеты или коснувшись упомянутых в представлении цифр, он показал несостоятельность многих аргументов. Факт роста расходной части земских бюджетов даже на 200% еще ни о чем не говорил, так как неизвестными оставались иные условия, приведшие к этому. Реорганизация земского управленческого аппарата, предлагаемая в проекте, оценивалась с прагматической точки зрения. Содержание аппарата земств в конце 80-х гг. XIX в. составляло в год 1370 тыс. руб., при реализации проекта расходы возрастали до 1440 тыс. рублей⁴⁹. Воспользовавшись предоставленной ему возможностью высказаться не только по финансовым, но и по административно-правовым вопросам, Сольский сделал вывод, что новое земство не «будет ни вполне правительственным, ни общественным управлением». Земства нельзя полностью отделить от государства, но также пагубно делать их чисто государственными учреждениями, поэтому надо создавать особый механизм взаимодействия, соединения публичных и общественных интересов. Таким образом, «целесообразное применение этой мысли к законодательству, то есть образованию системы учреждений, правильно осуществляющих связь интересов государственных и местных, есть задача, которую, по моему мнению, нельзя уложить в рамки положения о земских учреждениях, сложившегося под влиянием совершенно других мыслей»⁵⁰. Поэтому впредь, до создания законоположения более общего характера, устанавливающего организацию и порядок местного управления губернии и уездов, достаточно ограничиться частичными изменениями и дополнениями. Признание земского законодательства несовершенным не может служить единственным основанием для его полного уничтожения, между тем, в основе проекта находятся только «общие соображения о неправильности начал, принятых в законе 1864 года»⁵¹. И писал это вполне компетентный современник происходившего.

Пагубность противопоставления земских и государственных начал отмечалась и министром государственных имуществ Островским

в письме от 25 августа 1888 года. Особенно не устраивало его превращение службы земских гласных в государственную повинность и уничтожение выборности земских присутствий. «Было бы весьма прискорбным, если бы результатом новой реформы земских учреждений было возвращение к порядкам прежних губернских комитетов о земских повинностях» — писал он ⁵².

Восьмого сентября 1888 г. государственному секретарю было направлено заключение министра финансов И.А. Вышнеградского. Его общие соображения в значительной степени совпадали с рассуждениями Сольского. Причина плохого состояния дел виделась ему в том, что «предположение об урегулировании законодательным порядком важнейших предметов земского ведения посредством особых уставов не получили осуществления до настоящего времени» ⁵³. Также он не поддерживал мысль о необходимости централизации местного управления, подчинении органов самоуправления правительственным учреждениям. Напротив, польза местному населению, без нарушения объективно необходимого единства управления с государством, по его мнению, могла быть достигнута путем децентрализации и расширения компетенции органов самоуправления. Но это возможно только в случае, «когда общее руководящее начала деятельности этих органов установлены точным и ясным законом». В противном случае слишком многое будет зависеть от субъективных мнений губернаторов, которые подменяют собой закон. Министр поддержал некоторые новации проекта, в частности, исключение из числа выборщиков по второй курии так называемых «оборотников» (в тексте это называется «казусом») ⁵⁴. При назначении же председателей присутствий, по его убеждению, лучше основываться на образовательном цензе. По способу формирования земских присутствий высказался и министр императорского двора и уделов И.И. Воронцов-Дашков, настаивавший на выборах всех членов присутствий, в том числе, повторным голосованием ⁵⁵.

Консолидированное мнение министров к началу осени 1888 г. было в целом неблагоприятным для проекта Совещания, но вряд ли преувеличением будет утверждать, что весьма важной была позиция Министерства юстиции. Министр юстиции Н.А. Манасеин высказался позже остальных — только 31 декабря 1888 года. В проекте он нашел много недостатков. Значение земских собраний, по его мнению, с предоставленными им ныне полномочиями снижалось из-за возможности рассмотрения и решения большинства дел в Министерстве внутренних дел. Земские собрания из распорядительных органов самоуправления превращались в совещательные при представителях правительственной власти. В этом же плане рассматривалась норма о назначении земских должностных лиц. Далее делался совершенно объективный вывод: «... Достижение цели... придать земским учреждениям характер правительственных не может быть обусловлено, по мнению моему, непременно уничтожением всякой самостоятельности земских органов, так же как и отмены выборного порядка замещения должностей земских управ» ⁵⁶. Выборный порядок при формировании земских органов должен безусловно сохраниться. Едва ли не единственным из всех экспертов, Манасеин открыто высказал несогласие с сословным принципом, положенным в основу нового

земства. По его мнению, признание отрицательных фактов в деятельности земства нельзя считать общим явлением. Поэтому недостаточно эффективная деятельность земств имеет иные причины, не совпадающие с теми, что абсолютизируются авторами проекта. «... Считаю долгом высказать, что причина недостатков, замеченных в ходе нашей общей деятельности не коренится... в самом принципе самоуправления» — полагал автор⁵⁷. Таким образом, послания глав министерств и ведомств по поводу проекта, направлявшиеся в течение 1888 г., демонстрировали общее неприятие значительной части предлагавшихся изменений. Очевидно это обстоятельство и предопределило дальнейшее существенное отклонение земского Положения 1890 г. от изначального проекта.

8 января 1889 г. Толстой внес проект на рассмотрение Государственного совета, где тот вызвал самые различные замечания и был отправлен обратно на переработку. Смерть Толстого, последовавшая в 1889 г., лишила проект одного из главных сторонников и вдохновителей. Законопроект подвергся значительному пересмотру. Вариант, разработанный под общим руководством нового министра И.Н. Дурново, по мнению современников, «отличается от первоначального проекта Министерства внутренних дел более слабым творчеством»⁵⁸. Действительно, после возврата проекта Толстого-Пазухина такие «творческие» начинания как превращение земских управ в «земские присутствия», подчиненные местной администрации, были преодолены. В проекте Дурново состав и компетенция земского присутствия весьма незначительно отличались от установленного Положением 1890 года. Только важные вопросы, например, такой, как увеличение земского обложения, окончательно разрешались министром внутренних дел. Другие постановления губернского собрания, с которыми губернатор был не согласен по соображениям целесообразности, переносились в губернское присутствие и решались им в последней инстанции. Право отмены постановлений губернского по земским делам присутствия предоставлялось Сенату по представлению министра внутренних дел. Сам состав присутствия включал: губернатора, вице-губернатора, председателя казенной палаты, окружного прокурора, губернского предводителя дворянства и председателя губернской земской управы. Лица, подчиненные губернатору, составляли в присутствии большинство, к тому же на отдельные заседания могли приглашаться с правом решающего голоса начальники различных управлений, например, государственных имуществ и удельного⁵⁹. Недостатки системы административного надзора и соответствующих процедурных норм, тем не менее, не должны были затемнять их фактическое отсутствие в первоначальном проекте МВД. Появление присутствия как административно-надзорного органа было связано с изменением характера исполнительных органов. Полный отказ от выборного начала при формировании земских управ был признан нецелесообразным. В случае неутверждения председателя или членов управы на вакантное место министром внутренних дел назначалось лицо, не обязательно являвшееся гласным⁶⁰. С небольшой поправкой данная норма вошла в новое земское Положение. Требование по сословному цензу для председателей земских управ полностью снималось, хотя предусматривался ценз государственной служ-

бы. Для членов земских управ он не был обязательным. Правительственная комиссия не была уверена в правильности предлагаемого варианта: «По собственному признанию составителей пересмотренного проекта, выборы нередко дают негодных людей, а правительственные назначения охлаждают к земским делам»⁶¹. По проекту Дурново, председатель и члены земской управы, будучи государственными служащими, подвергались дисциплинарным взысканиям, замечаниям и выговорам министра внутренних дел и предавались суду не по решению Сената, а тем же министром. Закономерно усиливалась и единоличная власть председателя земской управы, имевшего право не соглашаться с мнением большинства, представляя дело губернатору и губернскому присутствию. Усиливалась и власть председателя земского собрания во вверенном ему органе. До сих пор инициатива рассмотрения любых вопросов исходила от всех гласных, включая председателя. В новом проекте такое право имел только председатель, и гласные предварительно обращались к нему со своими предложениями, которые могли быть отвергнуты. Порядок обжалования отказа председателя не был предусмотрен⁶².

Изменения в избирательном праве по второму проекту связывали в основном с необходимостью привлечения к управлению наиболее подготовленной, по мнению составителей, категории избирателей — дворян. Общее количество гласных по сравнению с расписанием по Положению 1864 г. сокращалось. Распределение мест между куриями происходило по сословному признаку и по признаку имущественного ценза одновременно. Интересно отметить, что сведения о недвижимости, о сословной принадлежности ее владельцев, о числе душ мужского крестьянского населения были предоставлены Центральным статистическим комитетом только в декабре 1889 года. Поэтому при составлении исправленного варианта проекта делались попытки подвести под намечаемые изменения определенные основания, которые не требовались прежнему Советанию. Впрочем, аргументация сторонников «дворянского» земства не выглядела до конца убедительной. По статистическим данным, в 1888 г. во владении дворян находилось около 41 млн десятин земли, а представители других сословий имели в собственности только 14,5 млн десятин. К выборам с полным и неполным цензом мог быть допущен 54 871 собственник-дворянин и 37 392 собственника из других сословий. В любом случае перевес дворян в земском собрании был весьма ощутимым. Но другие сословия владели большим по ценности объемом иного недвижимого имущества: 184 млн руб. против 43,5 млн руб. у дворянства. Установление ценности владельческих земель при расчете 34 руб. за десятину⁶³ составляло: 1394 млн руб. — у дворян, 493 млн руб. — у других сословий. Таким образом, земля оставалась основным показателем имущественного богатства, и большая ее часть принадлежала дворянам. В итоге, по расчетам министерства, по новым нормам должно было быть назначено 8895 гласных, из них: дворян — 4182 (47%), крестьян — 3346 (37,6%), представителей других сословий — 1367 (15,4%)⁶⁴. Число губернских гласных сокращалось с 2281 до 1100. Из проекта исчезла норма, закреплявшая право крупных собственников становиться земскими гласными без выборов. Расширились полномочия министра внутренних дел в отно-

шении формирования земских собраний. Он мог назначать (по совету того же Победоносцева) до 20% гласных «из числа лиц, пользующихся особым доверием в своей местности и имеющих право голоса на земских избирательных собраниях»⁶⁵. В случае отмены выборов губернатор назначал новые выборы или гласных, самостоятельно из числа лиц участвовавших в земских избирательных собраниях. Точно так же поступал он в случае неизбрания положенного количества гласных. Гласные от крестьян утверждались губернатором из числа кандидатов, избранных на сходах. Крестьяне-собственники получали право голосовать по городской курии⁶⁶.

Таким образом, исправленный проект Дурново отличался от первоначального отказом от прямого администрирования в отношении органов самоуправления, от превращения земств в органы местной правительственной администрации, лишь частично формируемых выборным путем, а также ослаблением сословного начала. Усиление функции административного надзора министра внутренних дел и губернатора по сравнению с действовавшим законом было вызвано отказом от организационных форм прежнего проекта, нивелировавшего различия между государственным управлением и самоуправлением.

Проект был представлен в Государственный совет 4 февраля 1890 года. Госсовет рассмотрел его в течение марта-мая 1890 г. в восьми заседаниях Соединенных департаментов законов, государственной экономии, гражданских и духовных дел. В заседаниях также присутствовало руководство ряда министерств и Синода. Журнал заседаний дает наглядное представление о тех изменениях законодательства, которые правительственная власть считала приоритетными. Прежде всего, подтверждалась изначальная цель всей многолетней работы — придать более определенный юридический статус земским учреждениям. В вводной части к замечаниям департаментов Госсовета говорилось: «Некоторые положения закона 1 января 1864 года могли способствовать распространению представления о земстве и его интересах как о чем то особом от государства и его потребностей»⁶⁷. Однако при определении этой цели отсутствовало прямое упоминание о необходимости усиления в земствах дворянского сословия, об этом говорилось достаточно неопределенно: «Пересмотр этот должен иметь главнейшими целями усвоение земским учреждениям и земской службе значения государственного установления, более точное определение пределов власти, ответственности и отношение земских учреждений органам общего управления и возможное улучшение внутреннего состава их»⁶⁸. В этой посылке земство называлось «государственным установлением» при сохранении особой юридической природы самоуправления, отличной от «общего управления». Поэтому нельзя утверждать, что земства превращались в придаток государственной системы управления, в «казенные» установления. Некорректным представляется и вывод о том, что в результате «контрреформы» 1890 г. земства не стали правительственными учреждениями, но утратили в значительной степени свой общественный характер, признаки самоуправления. В понимании Госсовета самоуправление выступало как подсистема государственного управления, выполнявшая в рамках установленной компетенции определенные государственные функции,

но имевшая иной источник формирования и не совпадавшая полностью с системой публичной власти.

Паллиативные итоги этой работы одинаково не удовлетворяли сторонников большей свободы земства и противников какого-либо самоуправления вообще. Тем не менее, был сделан важный шаг на пути развития института местного самоуправления, определения его места и функционального предназначения в государстве и обществе. Именно в таком ключе формулировались Государственным советом основные изменения, вносимые в законодательство: 1) установление порядка и пределов правительственного надзора за земскими учреждениями; 2) назначение в известных случаях земских гласных и председателей управ; 3) определение характера земской службы⁶⁹. Что касается упоминания об усилении сословного принципа, как одного из главных элементов реформы, то его не было. Земское избирательное право интересовало департаменты лишь в отдельных аспектах. К этому моменту в проекте уже не было статей, предусматривавших особые привилегии дворянства при замещении должностей гласных или членов управ. Однако в проекте оставались некоторые нормы, вызвавшие критику членов Государственного совета. Так, за министром внутренних дел закреплялось право приглашать в земские собрания на правах гласных земских избирателей, «пользующихся особым доверием». Ограничивалось только их количество — не более одной пятой от общего числа гласных земского собрания. Государственный совет считал, что такое право нарушало справедливый порядок представительства интересов местного населения, и выступил за его полную отмену. Также в случае неизбрания положенного по расписанию числа гласных или отмены выборов губернским присутствием губернатор мог назначить недостающее число гласных своим распоряжением из лиц, имеющих право участвовать в избирательных съездах. По настоянию Соединенных департаментов, при любых условиях, повлекших неполное формирование земского собрания, должны были назначаться дополнительные выборы. В случае невозможности их проведения, губернатор получал право назначать гласных из числа кандидатов, то есть лиц, получивших более низкую баллотировку при первых выборах. Только в исключительных случаях допускалась возможность назначения «старых» гласных, то есть депутатов земских собраний прежнего созыва. Наконец, МВД предлагало назначать председателя и членов земской управы в случае их неутверждения или выбытия. При обсуждении норма была скорректирована. При выбытии председателя и членов управ проводились новые выборы. Назначение на эти должности допускалось только после вторичного неутверждения. Госсовет не рекомендовал широко использовать это право, пользуясь им в случае крайней необходимости, указывая на возможную рознь, которую будет вызывать эта мера между земским собранием и земской управой⁷⁰.

Вместе с тем, было поддержано предложение о сокращении количества гласных, так как в некоторых собраниях их число доходило до 90, и такая многолюдность только препятствовала земскому делу. Но намерение придать службе, возложенной на гласных, государственный характер, напротив, отвергалось. Сохранение за институтом гласных общественного характера имело принципиальное значе-

ние для самоуправления, как представителя интересов местного населения. МВД пыталось отстоять права дворянства на замещение должностей в земских управах, предлагая сделать невозможным получение чинов, пенсий и пособий лицами, не имевшими права поступления на государственную службу. Совет высказался против, считая целесообразным представление к классному чину по службе в земской должности не менее трех трехлетий ⁷¹. В дополнение Госсовет предложил примерно на 10% снизить земельный ценз по причине возрастания ценности земли ⁷². В окончательном варианте проекта Положения минимальный размер земельного ценза был снижен с 200 до 150 десятин, то есть на 25%. Очень важной явилась позиция Госсовета по дополнительным условиям для лиц, находившихся на земской службе. В дополнении 55 излагалась норма, запрещающая гласным и членам исполнительных земских органов заключать с земскими учреждениями подряды. Запрет распространялся только на земства, в которых эти лица служили. Высокий статус земской службы подчеркивался включением земских должностей в расписание классов должностей и разрядов. Председатель губернской земской управы получал пятый классный чин, председатель уездной земской управы и член губернской земской управы — шестой, член уездной земской управы — седьмой ⁷³.

Большое внимание в заседаниях уделялось земским служащим, так называемому «третьему элементу». Среди них часто были люди не только либеральных, но и революционных взглядов. Активность «третьего элемента», земской интеллигенции, часто делала его более заметным в глазах общественности, чем деятельность «цензовиков» в земских органах. Именно служащие, врачи или учителя в практической работе соприкасались с избирателями и оказывали на них большое влияние, по сути представляя земства в глазах населения. В Положении 1864 г. об их статусе практически ничего не говорилось и, стремясь восполнить этот нормативный «пробел», Госсовет решил предоставить МВД право «... войти в вопрос о порядке принятия на земскую службу врачей, фельдшеров, техников и других лиц, подвластных земским учреждениям, о прохождении службы сими лицами, а равно об их служебных прилежаниях и ответственности, и предположения свои по всем этим вопросам ввести... на рассмотрение в законодательном порядке» ⁷⁴. Права губернатора по отстранению от работы земских служащих были расширены. С точки зрения правительства такая мера вполне законна и оправдана. При отсутствии контроля бюрократии за составом земских служащих цензы утрачивали свое значение, и фактически создавалось «неформальное» земство.

Государственный совет ясно сознавал, что сам по себе закон установит лишь общие принципы деятельности земства. Регламентация деятельности земских учреждений должна осуществляться и другими нормативными актами. В материалах заседаний не говорилось развернуто о необходимости разработки новых специальных земских уставов, то есть материального земского права: «Проект, определяя предмет ведомства земских учреждений, не включает в себе однако правил о существе и порядке действий сих учреждений по предоставленным их ведению делам» ⁷⁵. Отсюда и требование «включить в издаваемый закон указания на обязательства для земских учреждений

исчисленных выше законоположений», то есть различных правил и уставов.

Отметим еще раз, что вопрос, всегда привлекавший повышенное внимание критиков Положения 1890 г. об усилении дворянского присутствия в земствах, не вызвал у членов высшего законосовещательного органа особого интереса. Государственный совет поддержал предложение об увеличении числа гласных от дворян, не придавая преобладанию дворян в собраниях первостепенного значения: «Для крестьян земская служба будет сопряжена с наибольшими тягостями. Притом крестьяне по своему развитию окажутся менее представителей других сословий подготовленными к участию в земском деле. Лучших же деятелей на этом поприще, как и прежде, будет, несомненно, поставлять дворянство»⁷⁶. На первое место, таким образом, ставились интересы государственного управления. Что касается крестьян, то сокращение числа гласных от сельских обществ по Положению 1890 г. реально мало затрагивало их интересы, так как зачастую они относились к земствам подозрительно и даже враждебно⁷⁷. Только в начале XX в. в связи с имущественным расслоением и развитием народного просвещения возникли предпосылки участия крестьян в местном самоуправлении на равных наряду с другими социальными группами. Предпосылки, которые П.А. Столыпин попытался ограничить нормами закона.

Нельзя согласиться и с мнением о том, что противоречия, возникшие между Государственным советом и Министерством внутренних дел, имели тактический характер, не менявший сути дела⁷⁸. Напротив, разногласия касались принципиально важных вопросов деятельности органов местного самоуправления: «... Предоставленная ныне земским установлениям степень свободы в распоряжениях по отдельным отраслям земского хозяйства оказалась слишком широкой. С другой стороны, однако, и постановления проекта, направленные к устранению этого недостатка действующего закона, в свою очередь, впадали в противоположную крайность, снабжая чрезвычайными полномочиями в указанном отношении органы правительственные, и в особенности губернатора и вновь учреждаемое губернское присутствие»⁷⁹. Именно по предложению министра финансов Вышнеградского было решено переносить земские дела, возникающие в результате губернаторских протестов, в присутствия. И сам состав присутствия в Положении 1890 г. приобрел сбалансированный паритетный характер.

19 мая 1890 г. прошло последнее, восьмое, заседание по проекту земского Положения, и уже 28 мая было созвано Общее собрание Государственного совета под председательством Государственного секретаря А.А. Половцова⁸⁰. Собрание постановило утвердить заключение и исправленный, согласно ему, проект. Через неделю проект стал законом. На заседании 28 мая еще раз отмечались главные цели принятого Государственным советом рассмотрения земского законодательства: «... И если основная мысль образованных земских учреждений оправдалась, то 25-летний опыт убедил, что в узаконениях, определяющих состав сих учреждений, порядок их действия и отношения к другим властям есть недостатки препятствующие правильному их развитию»⁸¹.

Подводя итог работы Государственного совета, хочется отметить значительные отличия ее результатов от проектов, разработанных в Министерстве внутренних дел:

1. Сословный принцип формирования земских учреждений был несколько ослаблен. Формирование не поставлено в прямую зависимость от местных дворянских обществ. Избрание дворян по первой курии с некоторым увеличением числа гласных от нее не влияло принципиально на состав земских органов.

2. Взаимоотношения правительственных и земских учреждений регламентируются, в том числе в части урегулирования конфликтов в сфере местного самоуправления. В министерских проектах на этот аспект практически не обращали внимание.

3. Земское самоуправление получало более определенный статус, оставаясь общественным установлением, за которым закреплялись некоторые государственные функции, с особым порядком формирования и деятельности. Планы превращения земств в «казенные» учреждения были признаны, таким образом, несостоятельными.

Подведем некоторые итоги. Вторая половина 1880-х гг., хронологически относящаяся ко времени «контрреформ», представляется противоречивым периодом исторического развития России, включая и историю земского самоуправления. После роспуска комиссии Каханова и признания результатов ее работы неудовлетворительными последовала обратная реакция, инициированная частью столичной бюрократии и дворянскими обществами. Их исходная «продворянская» позиция предопределила ход работы совещаний над проектом. Основной целью становилась попытка закрепить за дворянским сословием особые права в сфере местного управления. Остальные аспекты планируемой реформы (сближение правового статуса общественных и правительственных установлений, формирование более совершенного механизма административного надзора за земствами, установление новых условий земской службы) интересовали большинство членов совещаний только в контексте решения основной проблемы. Первоначальный проект в ходе работы был несколько скорректирован, претерпев в земском Положении 1890 г. весьма существенные изменения. Этому несомненному факту можно искать различные объяснения. Остановимся лишь на некоторых. Дворянское сословие к концу XIX в. не являлось единым и не имело объединяющих его интересов. В противном случае трудно объяснить причины нелояльности ряда земств к власти, несмотря на преобладание в них дворянства. Своеобразной была и позиция многих губернаторов, которые, критикуя земство за плохие результаты деятельности и увлечение второстепенными вопросами, практически никогда не отмечали особых заслуг местного дворянства, часто нелицеприятно высказываясь именно по его поводу. Стремление губернаторов к большей подконтрольности земских учреждений вызывалось отнюдь не симпатиями к дворянским собраниям. Губернаторские настроения не могли не учитываться центральной властью, хотя основной объем информации, получаемой с мест, оставался достоянием МВД. Как уже подчеркивалось, отзывы министров на проект земской реформы были крайне невыгодны для его разработчиков. Если усиление сословного принципа и не вызвало у большинства отрицательного отношения,

то намерение превратить земства в казенные учреждения было решительно отвергнуто. Важную роль в судьбе земской «контрреформы» сыграл Государственный совет. По сравнению с первоначальным вариантом МВД Положение 1890 г. представляется очень умеренным и в ряде своих норм — конструктивным и полезным законодательным актом. Интересы правительства и дворянства при их несомненном частичном совпадении к концу XIX в. уже не являлись полностью идентичными. Многие представители высшей бюрократии желали построения более эффективной и единообразной системы государственного управления на местном уровне вне мероприятий по усилению веса дворянского сословия. Эта тенденция, которая уже присутствовала при разработке первого земского Положения, в качестве «перевалочного пункта» миновала Положение 1890 г. и в дальнейшем только усиливалась, превратившись в доминанту при правительстве Столыпина.

Жаль только, что «контрреформируя» земство, и консервативное дворянство, и более прогрессивная часть правительственной бюрократии усилили ту социальную группу, которая в недалеком будущем использует его для успешной борьбы не только с российской монархией, но и с самой Россией. Такой результат никто из них предвидеть не смог.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 2, д. 1831, л. 3.
2. Там же, д. 1834, л. 12.
3. Там же, л. 25.
4. Там же, л. 47.
5. Там же, л. 72.
6. Там же, л. 40.
7. Там же, л. 33, 35об.
8. Там же, л. 77.
9. Там же, л. 27—27об.
10. Там же, л. 22.
11. ЗАХАРОВА Л.Г. Земская контрреформа 1890 года. М. 1968, с. 92—93.
12. Цит. по: Там же, с. 106.
13. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1833, л. 1, 17об.
14. Там же, л. 132об.—133.
15. Там же, л. 18об.
16. Там же, л. 78.
17. Там же, л. 145—145об.
18. Там же, л. 180—180об.
19. Там же, л. 13, 15.
20. Там же, л. 23об.
21. Там же, л. 60.
22. Там же, л. 55об.
23. Там же, л. 54об.
24. Там же, л. 16.
25. Там же, л. 172.
26. Там же, л. 19об.
27. Там же, л. 88—88об.
28. Там же, л. 17, 126.
29. Там же, л. 22об., 24об.

30. Там же, л. 21.
31. Там же, л. 24.
32. Там же, л. 26.
33. Там же, л. 83—83об., 86об.
34. Там же, л. 186, 187об.
35. Там же, л. 189.
36. Там же, л. 191об.
37. Там же, л. 25об.
38. Там же, л. 210.
39. Там же, д. 1835, л. 14.
40. ПИРУМОВА Н.М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. М. 1977.
41. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1833, л. 85об.
42. Там же, д. 1836, л. 45—45об.
43. Там же, л. 47.
44. Там же, л. 65об.
45. Там же, л. 70.
46. Там же, л. 92об.
47. Там же, л. 96.
48. Там же, л. 75об.
49. Там же, л. 78.
50. Там же, л. 86.
51. Там же, л. 80об.
52. Там же, л. 122.
53. Там же, л. 105об.
54. Там же, л. 121.
55. Там же, л. 131об.
56. Там же, л. 136—136об.
57. Там же, л. 139.
58. Русский вестник. 1890, т. 208, с. 318.
59. Там же, с. 315, 317.
60. Там же, с. 319.
61. Там же, с. 320.
62. Там же, с. 323.
63. Русская мысль. 1891, кн. I, с. 57.
64. Русский вестник. 1890, т. 208, с. 332.
65. Там же, с. 332—333.
66. Там же, с. 333.
67. РГИА, ф. 1160, оп. 1, д. 185, л. 161.
68. Там же, л. 161об.
69. Там же, л. 161.
70. Там же, л. 166об.—168.
71. Там же, л. 176об., 186об.
72. Там же, л. 176об.
73. Там же, л. 238.
74. Там же, л. 193об.
75. Там же, л. 170.
76. ЛЬВОВ Г.Е., ПОЛНЕР Т.И. Наше земство и 50 лет его работы. М. 1914, с. 17.
77. В качестве примера можно привести бунт крестьян д. Абакумовка Тамбовского уезда, направленный против действий земства по предотвращению эпидемии, описанный в журнале «Вестник Европы» за 1892 г. (т. XII, с. 886—887).
78. СОБКО Е.М. Государственный совет и контрреформы. — Вопросы истории. 1995, № 12, с. 152—157.
79. РГИА, ф. 1149, 1890 г., д. 236, л. 45об.—46об.
80. Там же, л. 194—195.
81. Там же, л. 197.

Мстислав Великий

В.В. Долгов

Аннотация. Работа посвящена князю Мстиславу Великому, старшему сыну Владимира Мономаха и английской принцессы Гиты Уэссекской. По мнению автора, этот союз имел, прежде всего, генеалогическое значение, а его политический эффект был невелик. В публикации дан анализ основным этапам биографии князя. Главные политические принципы, реализуемые в политике Мстислава — это последовательный легитимизм и строгое соответствие обычаю и моральным нормам. Неукоснительное соблюдение принципа справедливости дало князю дополнительные рычаги для управления общественным мнением и стало источником политического капитала, при помощи которого Мстислав удерживал Русь от распада.

Ключевые слова: Древняя Русь, Владимир Мономах, Гита Уэссекская, княжеские междоусобицы, Новгород.

Abstract. The work is dedicated to the prince Mstislav the Great, the eldest son of Vladimir Monomakh and the English princess Gita of Wessex. In the opinion of the author, this union had, first of all, a genealogical significance. The political effect of this alliance was small. The publication gives an analysis of the main stages of the prince's biography. According to the author, the main political principles implemented in Mstislav's policy are consistent legitimacy and strict compliance of politics with custom and moral norms. Strict adherence to the principle of justice gave the prince additional opportunities to manage public opinion. Politics of Mstislav created the political capital, through which Mstislav kept Rus from disintegration.

Key words: Ancient Rus, Vladimir Monomakh, Gita of Wessex, princely feuds, Novgorod.

Князь Мстислав Великий, несмотря на свое горделивое прозвище, в отечественной историографии оказался обделен вниманием. Он находится в тени своего отца — Владимира Мономаха, биографии которого посвящена обширная литература. Между тем, деятельность Мстислава, хотя и уступает по масштабности свершениям Карла Великого, Оттона I Великого, Ивана III или Петра Великого, все же весьма интересна. Это был последний князь, при котором домон-

Долгов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор Удмуртского государственного университета. E-mail: dolgov@udm.ru.

Dolgov Vadim V. — doctor of historical sciences, professor of the Udmurt State University. E-mail: dolgov@udm.ru.

гольская Русь сохраняла некоторое подобие единства перед длительным периодом раздробленности.

В древнерусской летописной традиции никакого прозвища за Мстиславом Владимировичем закреплено не было. Только один раз летописец, сравнивая Мстислава с его отцом Владимиром Мономахом, именует их обоих «великими»¹. В поздних летописях Мстислав иногда называется «Манамаховым»². Традиция добавления к его имени прозвища «Великий» заложена В.Н. Татищевым, который писал: «Он был великий правосудец, в воинстве храбр и доблестен, всем соседям его был страшен, к подданным милостив и разсмотрителен. Во время его все князи русские жили в совершенной тишине и не смел один другого обидеть»³.

При этом первый вариант труда Татищева, написанный на «древнем наречии», и являющийся, по сути, сводом имевшихся у историка летописных материалов, никаких упоминаний о прозвище не содержит⁴. Очевидно, Татищев ввел наименование «Великий», при подготовке «Истории» для широкого круга читающей публики, стремясь сделать повествование более ярким.

Год рождения Мстислава Великого известен точно. Судя по всему, как ни странно, он позаботился об этом сам. Сообщение о его рождении было добавлено в погодную запись под 6584 (1076) г.⁵ в той редакции «Повести временных лет», которая была составлена при патронате самого Мстислава⁶.

Отец Мстислава — князь Владимир Всеволодович Мономах был женат не единожды. Источники не дают возможности сказать наверняка, два или три раза. Однако личность матери Мстислава известна точно — это принцесса Гита Уэссекская, дочь последнего англосаксонского короля Гарольда II Годвинсона. Король Гарольд пал в битве при Гастингсе, которая стала решающим событием нормандского вторжения. Англия попала в руки герцога Вильгельма Завоевателя. Гита с братьями вынуждена была бежать.

О браке английской принцессы с русским князем молчат и русские, и англо-саксонские источники, хотя и Повесть временных лет, и Англо-саксонская хроника излагают события той поры достаточно подробно. Но, видимо, глобальные исторические катаклизмы заслонили для русского и англосаксонского летописцев судьбы осиротевшей принцессы, оставшейся без королевства.

Брак Гиты с Владимиром Мономахом остался бы неизвестен потомкам, если бы в его подготовке не были замешаны скандинавы, которым было свойственно повышенное внимание к брачно-семейным вопросам. Основной формой исторических сочинений у них долгое время оставались не летописи, а записи семейных историй — саги. Из саг семейные истории перекочевали в многотомную хронику Саксона Грамматика, написанную в XII—XIII веках.

Саксон Грамматик сообщает, что дочь погибшего англо-саксонского короля вместе с братьями нашла убежище у датского короля Свена Эстридсена, приходившегося им родственником. Бабушка принцессы Гиты — тоже Гита (Торкельдоттир) — была сестрой Ульфа Торкельсона, ярла Дании, отца Свена. Таким образом, она приходилась королю Дании двоюродной племянницей.

Саксон пишет, что король Свен принял сирот по-родственному, не стал вспоминать прежние обиды и устроил брак Гиты с русским

королем Вальдемаром, «называемым ими самими Ярославом» (Quos Sueno, paterni eorum meriti oblitus, consanguineae pietatis more excepit puellamque Rutenorum regi Waldemaro, qui et ipse Iarizlavus a suis est appellatus, nuptum dedit) ⁷.

Династические связи Рюриковичей с европейскими владетельными домами в XI в. были в порядке вещей. Дети князя киевского Ярослава Мудрого — дедушки и бабушки Мстислава — сочетались браком с представителями влиятельнейших королевских родов. Елизавета Ярославна вышла замуж за норвежского короля Харальда Сигурдарсона Сурового Правителя, Анастасия — за венгерского короля Андроша, Анна — за французского короля Генриха I. Иностранцев получили и сыновья: Изяслав был женат на польской принцессе, Святослав — на немецкой графине. Однако самая аристократичная невеста досталась его деду — Всеволоду. Ею стала дочь византийского императора Константина Мономаха.

Браки заключались с политическим прицелом: династические связи обретали значение политических союзов. Во второй половине XI в. на Руси разворачивалась борьба между сыновьями Ярослава, и международные союзы играли в этой борьбе не последнюю роль. По мнению А.В. Назаренко, целью женитьбы князя Святослава Ярославича на графине Оде Штаденской было обретение союзника в лице ее родственника — императора Генриха IV. Союзник был необходим для нейтрализации активности польского короля Болеслава II, поддерживавшего главного соперника Святослава — его брата, киевского князя Изяслава Ярославича. В рамках этих событий Назаренко рассматривает и брак Мономаха с английской принцессой.

Не подвергая сомнению концепцию исследователя в целом, необходимо все-таки оговориться, что политические резоны этого брака выглядят весьма призрачно. Ведь Гита была принцессой без королевства. По мнению Назаренко, брак с Гитой мог стать «мостиком» для установления союзных отношений с королем Свеном, который выступал союзником императора Генриха в борьбе против восставших саксов, и, следовательно, теоретически тоже мог стать частью военно-политического консорциума, направленного против Болеслава. Это предположение логически непротиворечиво, и поэтому вполне вероятно.

Однако версия, что юному князю просто нужна была жена, выглядит все же правдоподобней. В хронике Саксона Грамматика устройство брака представлено как чистая благотворительность со стороны Свена Эстридсена. Никаких серьезных признаков установления союзных отношений с ним нет. В события междоусобной борьбы на Руси он не вмешивался. Английские родственники принцессы лишились власти. То есть, Гита была невестой без политического приданого (а, возможно, и вовсе без приданого). Брак с ней был продиктован матримонией необходимостью. Юному княжичу искали невесту знатного рода, а бесприютной принцессе — дом и прочное положение. Это, скорее всего, и свело Владимира Мономаха с Гитой Уэссекской.

События, упомянутые в хронике Саксона Грамматика, нашли отражение и в Саге об Олафе Тихом: «На Гюде, дочери конунга Харальда женился конунг Вальдамар, сын конунга Яришлейва в Хольмгарде и Ингигерд, дочери конунга Олава Шведского. Сыном Вальда-

мара и Гюды был конунг Харальд, который женился на Кристин, дочери конунга Инги Стейнкельссона»⁸. Подобные сведения содержатся и в ряде других саг⁹. Следует отметить, что в текст саг вкралась неточность: «конунг Вальдамавр» назван сыном «конунга Ярицлейва». Среди потомства князя Ярослава действительно был Владимир — один из старших его сыновей, князь новгородский. Но он скончался задолго до битвы при Гастингсе, а может быть еще и до рождения самой Гиты — в 1052 году¹⁰. Поэтому в данном случае, несомненно, имеется в виду внук Ярослава — Владимир Мономах.

Саги дают еще одну интересную подробность: помимо своего славянского имени — Мстислав, крестильного — Фёдор¹¹, князь имел еще и «западное» имя — Харальд, данное ему матерью, принцессой Гитой, очевидно, в честь его деда — англосаксонского короля.

Основное имя, под которым он упоминается в исторических источниках — Мстислав — тоже было получено им неслучайно. Наречение было чрезвычайно важным делом в княжеской семье. Отдельные ветви княжеского рода имели свой излюбленный набор династических имен. Новорожденный князь мог получить и имя, характерное для рода матери или вовсе стороннее. Но в целом династические предпочтения прослеживаются достаточно ясно.

«Владимир Мономах явно рассматривает себя как основателя новой династической ветви рода, свою семью — как некое обновление ветви Ярославичей. Возможно, он видит в самом себе прямое подобие своего прадеда Владимира Святого. По крайней мере, в именнаяречении своих сыновей он явно возвращается именно к этому отрезку родовой истории», — отмечают исследователи древнерусского именослова А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский¹².

До рождения героя настоящего исследования был известен только один князь с именем Мстислав — Мстислав Чермный, князь тмутараканский и черниговский, чей образ в Повести временных лет имеет черты эпического героя. Причем, Новгородская первая летопись, в которой, как считается, отразился Начальный свод, предшествовавший Повести временных лет, почти ничего не сообщает о Мстиславе тмутараканском кроме самого факта его рождения. Все героические подробности — единоборство с касожским князем Редедей, благородный отказ от борьбы с братом Ярославом Мудрым за киевский престол — появляются только в Повести, создание одной из редакций которой было осуществлено игуменом Сильвестром, близким Владимиру Мономаху¹³. Сам литературный образ Мстислава тмутараканского (особенно, отказ от междоусобной борьбы с братом) отчетливо перекликается с идейными принципами самого Мономаха, высказанными в его Поучении. Героизмом и благородством Мстислав тмутараканский вполне подходил на роль «династического прототипа» для старшего сына Мономаха.

Кроме того, Мстислав, согласно одному из двух летописных перечней¹⁴, был одним из старших сыновей Владимира Святого от полоцкой княжны Рогнеды Рогволодovны. И в дальнейшем Мстиславами нарекали преимущественно старших сыновей в роду потомков Ярослава Мудрого.

Рождение и раннее детство Мстислава пришлось на бурную эпоху. Его отец Владимир Мономах проводил жизнь в бесконечных по-

ходах и стремительно рос в княжеской иерархии, переходя от одного княжеского стола к другому. В год рождения своего первенца Владимир совершил поход в Чехию. В рассказе о своей жизни, являющемся частью «Поучения», Мономах пишет о стремительной смене городов во время походов: Ростов, Курск, Смоленск, Берестье, Туров и пр. Рассказ Мономаха не дает возможности понять, титульным князем какого города он был и где могла помещаться его семья. Под 1078 г. летопись упоминает его сидящим в Смоленске. Но 1078 г. был отмечен очередным витком междоусобной войны: в битве на Нежатиной ниве погиб великий князь Изяслав, дед Мстислава — Всеволод Ярославич — стал новым князем киевским, а Мономах сел в Чернигове. Где пребывал в то время двухлетний Мстислав с матерью — неизвестно. Учитывая опасную обстановку, в которой происходило обречение Мономахом нового престола, вряд ли семья была при нем неотлучно. Относительно безопасным убежищем могло быть родовое владение деда — город Переяславль-Южный.

Как это было заведено в роду Рюриковичей, первый княжеский стол Мстислав получил еще ребенком. В 1088 г. его дядя Святополк Изяславич ушел из Новгорода на княжение в Туров ¹⁵. Покинуть северную столицу ради относительно небольшого городка Святополка побудило, очевидно, желание занять более выгодную позицию в борьбе за киевское наследство, которое могло открыться после смерти великого князя Всеволода.

По словам летописца, в период киевского княжения Всеволода одолевали «недузи» ¹⁶. По закону «лествичного восхождения», Святополк был следующим по очереди претендентом на главный трон. Но времена были беспокойные. Русь раздирали междоусобные войны. Многочисленные родственники могли не посчитаться с законным правом, поэтому претендент решил себя обезопасить.

Однако Всеволод прожил еще почти пять лет. Русь в то время представляла собой политическую шахматную доску, на которой разыгрывалась грандиозная партия. Это была сложная игра с замысловатой стратегией и тактикой. В освободившийся Новгород старый князь посадил своего двенадцатилетнего внука ¹⁷. Возраст по меркам XI в. был вполне подходящим.

Новгород неоднократно становился стартовой площадкой для княжеской карьеры. Однако в данном случае это событие оказалось малозначительным: автор Повести временных лет, отметив уход Святополка из Новгорода, не сообщил, кто пришел ему на смену. То, что это был именно Мстислав, мы узнаем из перечня новгородских князей, который был составлен значительно позже описываемых событий. Список этот читается в Новгородской первой летописи младшего извода. В Комиссионном списке летописи он повторяется два раза: перед основным текстом (этот вариант списка оканчивается Василием I Дмитриевичем) ¹⁸ и внутри текста (там в качестве последнего новгородского князя фигурирует Василий II Васильевич Тёмный) ¹⁹. Таким образом, списки эти, скорее всего, современны самой летописи, написанной в XIV веке. Откуда летописец XIV в. черпал информацию? Возможно, он ориентировался на какие-то не дошедшие до нашего времени перечни князей. Но не исключен вариант, что он сам составлял их, исходя из содержания летописи. Повесть времен-

ных лет содержит смысловую лакуну: кто был новгородским князем после ухода Святополка — не ясно. Поздний летописец вполне мог заполнить ее по своему усмотрению, поместив список князей прославленного Мстислава. Поэтому полной уверенности в том, что первым столом, который получил Мстислав, был именно новгородский — нет.

На страницах Повести временных лет Мстислав как деятельная фигура впервые упоминается только под 1095 г. как князь Ростова ²⁰. В этом году княживший в Новгороде Давыд Святославич ушел на княжение в Смоленск. За год до этого брат Давыда — Олег Свя-

тославич, один из главных антигероев древнерусской истории, вернул себе родовой Чернигов. Святославичи объединялись на случай обострения борьбы за великокняжеский престол. Очевидно Давыд стремился утвердиться в Смоленске потому, что город был связан с Черниговом водной артерией — Днепром. Это открывало возможность быстро организовать совместное выступление на Киев: отец братьев — князь Святослав изгонял из Киева отца действовавшего великого князя Святополка II Изяславича. То, что Святополк делал со своим родным братом, то Олег и Давыд могли проделать с двоюродным. Располагая силами Черниговской, Смоленской и Новгородской земель, братья были способны побороться за главный стол.

Однако их планам не суждено было сбыться. Самостоятельной силой проявила себя община Новгорода. Уход Давыда новгородцы расценили как предательство. Они обратились не просто к другому князю, но к представителю враждовавшего с предыдущим семейного клана — Мстиславу Владимировичу. «Иде Святославич из Новагорода къ Смоленску. Новгородце же идоша Ростову по Мъстислава Володимерича», — сообщает летопись ²¹. Конструкция противопоставления, оформленная при помощи частицы «же», показывает, что летописец считал обращение к Мстиславу как ответ на уход Давыда, а не просто замещение вакантного места. В «шахматной игре» князей фигуры нередко совершали самостоятельные ходы, сводя на нет княжеские планы и взаимные счета. Самостоятельное обращение новгородцев к Мстиславу — дополнительный довод в пользу того, что молодой князь уже правил в волховской столице и хорошо зарекомендовал себя.

В планы Давыда не входило терять Новгород. Но новгородцы «Давыдови рекоша “не ходи к нам”» ²². Пришлось Святославичу довольствоваться Смоленском.

Система пришла в относительное равновесие. Расстановка сил позволяла на время забыть об усобицах. Перед Русью стояла серьез-

ная проблема — набеги кочевников-половцев. Противостояние им требовало консолидации сил всех русских земель. Главным организатором борьбы против кочевников выступил Владимир Всеволодович Мономах — на тот момент князь переяславский. Мономах действовал совместно с великим киевским князем Святополком II. Таким образом, две из трех ветвей потомков Ярослава Мудрого объединились в борьбе с внешней угрозой. Киев и Переяславль выступили единой силой.

Но третья ветвь — черниговская — осталась в стороне. Более того, Олег Святославич, не имея сил бороться против братьев, навел на Русь половецкие войска, за что и был назван автором «Слова о полку Игореве» Гориславичем. С половцами пришел Олег, и в 1094 г. войско не понадобилось — Владимир Мономах, видя разорение, которое несли с собой кочевники, фактически добровольно вернул Олегу его земли. Олег сел в Чернигове, но половецкие войска требовали оплаты. Олег разрешил им грабить родную черниговскую землю²³.

Несмотря на предательское, по сути, поведение Олега, Святополк II и Владимир Мономах были готовы начать с ним сотрудничество. Очевидно, они понимали, что Олег был доведен до крайности потерей отцовского наследства и не имел возможности выбрать другие средства для возвращения утраченной отчины. Но теперь справедливость была восстановлена, и двоюродные братья в праве были рассчитывать на то, что Олег присоединится к ним в праведной борьбе.

Однако не таков был Олег Гориславич. Примириться с двоюродными братьями в противостоянии, начатом еще их отцами, он не мог. В 1095 г. братья позвали его в поход на половцев. Это было первое предложение о совместных действиях, которое должно было положить конец вражде. Олег пообещал, но в итоге в поход не пошел. Святополку II и Владимиру Мономаху пришлось идти без него. Поход был удачный, русское войско вернулось с победой и богатой добычей. Но досада у братьев осталась. Они «начаста гневатися на Олга, яко не шедшу ему на поганья с нима»²⁴.

В качестве компенсации за уклонение от похода Святополк II и Владимир Мономах потребовали у Олега Святославича выдать им сына половецкого хана Итларя, которого держал у себя черниговский князь. Но Олег не сделал и этого. «Бысть межи ими ненависть», — резюмировал летописец.

Двойной отказ от сотрудничества привел к тому, что со стороны киевско-переяславской коалиции последовала санкция, пока относительно мягкая. Сын Мономаха — Изяслав Владимирович — занял город Олега Муром, изгнав оттуда княжеского наместника. Муром был небольшим городком, лежавшим на границе русских земель.

Потеря Мурома, конечно же, не заставила Олега одуматься. Скорее, наоборот — еще больше разозлила и ожесточила его. Пружина вражды стала раскручиваться с новой силой.

В 1096 г. Святополк и Владимир послали к Олегу предложение, которое выглядело как образец братской любви и добрых намерений: «Поиди Киеву, ать рядь учинимь о Руской земле предь епископы, игумены, и предь мужи отець нашихь и перьд горожаны, дабы оборонили землю Русьскую от поганыхь»²⁵.

Учитывая, что Муром в тот момент не был возвращен Олегу, понятно, что предложение братьев черниговский князь воспринял

едва ли не как издевательство. Его реакция была резкой. Олег «усприемъ смыслъ буй и словеса величава» ответил: «Нестъ лепо судити епископомъ и черньцемъ или смердомъ»²⁶. Категории населения, которые в послании Святослава и Владимира олицетворяли Русскую землю (высшее духовенство, старые дружинники, горожане), в устах Олега превращались в «низы», достойные лишь аристократического презрения. Игуменов он низводил до простых монахов-чернецов, а свободных горожан называл смердами. В композиции летописи дерзкая речь князя Олега обозначала его окончательный разрыв не только с великокняжеской коалицией, но и со всем установившимся общественным порядком. Олег, таким образом, выступил как носитель антикультурного, разрушительного начала.

Соответственно, последующие действия братьев предстают не просто очередным ходом в междоусобной войне, а законным возмездием, восстановлением надлежащего порядка. Сначала они изгнали Олега из Чернигова. Олег затворился в Стародубе, но после ожесточенной осады был изгнан и оттуда. Затравленный Олег дал обещание уйти к своему брату Давыду в Смоленск, а затем вместе с ним явиться в Киев. Этим обещанием он спас себя от преследования. Но как только непосредственная опасность миновала — нарушил слово и продолжил свой поход. В Смоленск, правда, он зашел, но лишь за тем, чтобы взять у брата войско. Со смоленским отрядом Олег подошел к Мурому.

Как ни плачевно было положение князя Олега, сначала он намеревался решить дело миром. Правда была на его стороне — Муром был отобран у него незаконно. Кроме того, юный Изяслав приходился ему племянником, и захватил Муром не своей волей. Поэтому он предложил Изяславу уйти в Ростов, принадлежавший их семье: «Иди у волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего. Да хочю, ту седя, порядъ положити съ отцемъ твоимъ. Се бо мя выгнать из города отца моего. Или ты ми zde не хочещи хлеба моего же вдати?»²⁷

Но Изяслав не хотел сдаваться. Узнав, что к Мурому идет дядя с войском, он позаботился о том, чтобы встретить опасность во всеоружии. К Мурому были стянуты ростовские, суздальские и белозерские полки, а на предложение оставить город он ответил отказом.

Это решение оказалось для него роковым. Тактике обороны в крепости Изяслав предпочел открытую битву. Войска встретились в поле перед городом. В ходе битвы Изяслав был убит.

Интересно, что именно в этом случае летописец сочувствует, скорее, Олегу, чем Изяславу. В произошедшей битве Изяслав возлагал надежду на «множество вои», а Олег — на «правду», которая в кои-то веки была на его стороне. Это обстоятельство отмечает летописец. Но правота Олега была очевидна не только ему. Дальнейшие события — отказ переяславского семейства от мести за Изяслава — объясняется не только миролюбивой доктриной Мономаха, но и тем обстоятельством, что правда действительно была на стороне Олега.

Однако после праведной победы Олег вновь перешел к захватнической политике. Он пленил ростовцев, суздальцев и белозерцев, входивших в войско погибшего Изяслава. Затем захватил Суздаль, Ростов, ростовскую и муромскую земли. По закону ему принадлежала только муромская земля. Ростов был вотчиной Мономаха. Но во всех

захваченных землях он располагался по-хозяйски: сажал посадников и начинал собирать «дани» (то есть налоги).

Мстислав в ту пору был князем Великого Новгорода. К нему привезли тело убитого под Муромом брата Изяслава. Мстислав похоронил его в Софийском соборе. Хотя у него были все основания ненавидеть дядю, убившего его родного брата, он не стал отвечать несправедливостью на несправедливость. С первых самостоятельных политических шагов Мстислав явил собой образец сдержанности и справедливости. Он лишь указал Олегу на необходимость вернуться в принадлежавший ему Муром, «а в чужей волосте не седи»²⁸. Более того, он пообещал Олегу заступничество перед могущественным отцом — князем Владимиром Мономахом.

Конец XI в. был переломным в отношении к мести. Не прошло и двух десятилетий с того момента, когда дед Мстислава — Всеволод — совместно с братьями отменил право мести в «Правде Ярославичей». Под влиянием христианской проповеди месть выходила из числа социально одобряемых способов поддержания общественного порядка. Но в аристократической военной среде смягчения нравов, очевидно, еще не произошло. Поэтому миролюбивый жест Мстислава был воспринят как пример беспрецедентного смирения и благородства.

В «Поучении» отец Мстислава — Владимир Мономах — писал, что обратиться с предложением мира к Олегу его побудила именно инициатива сына Мстислава. При этом князь отмечал, что сын его юн, а смирение его называл неразумным. Однако он не мог не признать в нем моральной силы: «Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой, егоже еси хрстиль, иже то седить близъ тебе, прислалъ ко мне мужь свой и грамоту, река: “Ладимься и смеримся, а братцю моему судъ пришесть. А ве ему не буде местника, но възложиве на Бога, а стануть си пред Богомъ; а Русьскы земли не погубим”. И азъ видех смиренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смеряеться — на Бога укладаетъ; азъ человекъ грешень есмь паче всех человекъ»²⁹.

Текст «Поучения» переключается с летописным. «Аще и брата моего убиль еси, то есть недивно: в ратехъ бо цесари и мужи погыбають», — говорил, согласно летописи, Мстислав. «Дивно ли, оже мужь умерль в полку ти? Лучше суть измерли и роди наши», — писал в «Поучении» Мономах.

Сложно сказать, было ли смирение Мстислава продуманной атакой против дяди или искренним порывом души. Но нет никакого сомнения, что в конечном итоге отказ от мести был в полной мере использован для пополнения «символического капитала» рода Мономахов. На фоне смирения Мстислава Олег выглядел аморальным чудовищем.

При этом перенос смирения и всепрощения в плоскость практической политики совсем не был предreshен. Ведь отказ от мести вступал в действие только в том случае, если Олег вернет захваченное и возвратится в Муром. И Владимир Всеволодович, и Мстислав Владимирович хорошо знали своего родственника. Было понятно, что требование вернуть захваченное он не выполнит. И тогда на стороне Мстислава будет не только военная сила, но и моральный перевес.

Морально-этический аспект был важен потому, что без поддержки городского общества князья могли располагать лишь небольшим отрядом верных лично им дружинников. Этого было мало для полномасштабного противостояния. Горожане же не всегда поддерживали князей в их междоусобных войнах. Если внешняя агрессия не оставляла им выбора — новгородцы, смоляне или киевляне становились под княжеские знамена для ее отражения, то для участия во внутренних войнах требовался дополнительный мотив.

Олег захваченного не вернул. И, более того, проявил намерение завладеть Новгородом. Посоветовавшись с новгородцами, Мстислав приступил к операции по выдворению князя Олега из захваченных областей.

Для начала он отправил новгородского воеводу Добрыню Рагуиловича перехватить сборщиков дани, которых по покоренным землям разослал князь Олег. Очевидно новгородцы снабдили Добрыню серьезной военной силой, так как младший брат Олега — князь Ярослав Святославич, осуществлявший «сторожу» в покоренных землях, узнав о приближении Добрыни, вынужден был спасаться бегством. Олегу, который к тому времени уже успел выступить в поход, пришлось повернуть к Ростову.

Мстислав, преследуя мятежного дядю, направился к Ростову. Олег убежал из Ростова в Суздаль. Мстислав двинулся туда. Олег, понимая, что и в Суздале ему не укрыться, сжег город и отправился в свою отчину — Муром.

Мстислав, дойдя до сожженного Суздаля, преследование остановил. Он считал, что, находясь в Муроме, Олег правил не нарушал. Подчеркнуто скрупулезное соблюдение порядка отличало Мстислава. Поэтому он обращался с загнанным в угол дядей весьма предупредительно. Несмотря на то, что сила была на его стороне, он показывал смирение. Мстислав заявил: «Мни азъ есмь тебе; шлися ко отцю моему, а дружину вороти, юже еси заяль, а язъ тебе о всемъ послушаю»³⁰. Здесь и признание меньшего по сравнению с Олегом статуса («мни азъ есмь тебе»), и предложение решать проблему на более высоком уровне («шлися ко отцю моему»), и благородная готовность к послушанию.

В сложившейся ситуации Олегу не оставалось ничего, кроме как ответить на мирную инициативу племянника. Он послал Мстиславу ответное предложение о мире. Летописец подчеркивает, что со стороны Олега это был обман — «лесть». Но Мстислав остался верен избранной линии поведения: он поверил дяде и распустил свою дружину.

Этим не преминул воспользоваться князь Олег. Известие о его нападении застало Мстислава врасплох. Летописец рисует весьма подробную картину: шла первая неделя Великого поста, настала Фёдорова суббота, Мстислав сидел на некоем обеде, когда ему пришла весть, что князь Олег уже на Клязьме, то есть, максимум, в тридцати километрах от Суздаля. Доверяя Олегу, Мстислав не выставил стражу, поэтому вероломный дядя смог подойти незамеченным довольно близко.

Олег действовал неторопливо. Распожившись на Клязьме, он, видимо, считал свою позицию заведомо выигрышной, поэтому не переходил к решительным действиям. Расчет бы на то, что Мстислав, видя угрозу, сам оставит Суздаль. Но этого не произошло. Мстислав

воспользовался передышкой и за два дня снова собрал дружину: «новгородце, и ростовце, и белозерьци»³¹. Силы сравнялись. Мстислав встал перед городом, но старался действовать неторопливо. Полки стояли друг перед другом четыре дня. Летописец считал это вполне нормальным явлением. Средневековые битвы нередко начинались, а иногда и заканчивались долгим стоянием друг против друга: спешить к гибели никому не хотелось.

У Мстислава была дополнительная причина не форсировать события. К нему пришло известие, что отец послал ему на помощь брата Вячеслава с отрядом половцев.

Вячеслав подошел в четверг. Очевидно, это заметили в стане Олега, но не знали, насколько велика подмога. Для того, чтобы усилить психологический эффект, Мстислав дал половчанину Куману стяг своего отца, пополнил его отряд пешими воинами и поставил его на правый фланг. Куман развернул стяг Владимира Мономаха. По словам летописца, «узри Олегъ стягъ Володимерь, и вбося, и ужась нападе на нь и на вои его»³². Несмотря на деморализацию, Олег все-таки повел свое войско в бой. Двинулся на врага и Мстислав. Началось сражение, вошедшее в историю как «битва на Колокше».

Отряд Кумана стал заходить в тыл Олегу. Олег был окончательно деморализован и бежал с поля боя. Мстислав победил. Причем, в изложении летописца, основным действующим лицом выступил не столько половецкий отряд, сколько сам стяг: «поиде стягъ Володимерь и нача заходити в тыль его»³³. Не исключено, что под «стягом» в данном случае понимается боевое подразделение (аналогичное «стягу» или «хоругви» поздних источников). Но текстуальная связь с вручением стяга, понимаемого как предмет, позволяет думать, что в данном случае речь идет именно о психологическом воздействии самого знамени.

Олег бежал к своему городу Мурому. Мстислав последовал за ним. Понимая, что в Муроме ему не укрыться от превосходящих сил племянника, Олег оставил («затворил») в Муроме брата Ярослава, а сам отправился к Рязани.

Мстислав подошел к Мурому, освободил своих людей, заключил мир с муромцами и пошел к Рязани. Олегу пришлось бежать и оттуда. История повторилась: Мстислав подошел к Рязани, освободил своих людей, которые были перед тем заточены Олегом, и заключил мир с рязанцами. Понимая, что эта игра в догонялки может продолжаться долго, Мстислав обратился к дяде с благородным предложением: «Не бегай никаможе, но послися ко братьи своей с молбою не лишать тебе Русьской земли. А язъ послю къ отцю молится о тебе»³⁴.

Война на уничтожение среди Рюриковичей была не принята. При самых тяжелых межкняжских спорах сохранялось понимание того, что все они члены одного рода и «братья». Христианское воспитание не позволяло им переходить грань убийства. Формально не запрещенные Священным Писанием формы насилия использовались широко: изгнание, заточение, ослепление и пр. Но убийства политических противников были редкостью. Их можно было оправдать только в случае открытого боевого столкновения (как это было в упомянутой выше трагической истории с князем Изяславом). В данном случае, смерть Олега не добавила бы клану Мономашичей политических дивидендов.

Олег был вынужден согласиться на мир. Яростный противник всяческих компромиссов и коллективных действий, в следующем, 1097 г., он все-таки принял участие в Любеческом съезде. Если бы не твердая позиция Мстислава, которому удалось направить деятельность мятежного дяди в нужное отцу, Владимиру Мономаху, русло, проведение межкняжеского съезда было бы под вопросом.

В сообщении о Любеческом съезде 1097 г. Мстислав не упомянут в числе основных его участников. Участие в советах было делом старших князей. От лица клана Мономашичей вещал его глава — сам Владимир Всеволодович. Ему принадлежала инициатива, в его замке состоялось собрание. Мстислав обеспечивал силовую поддержку политики отца. Причем, как видим, не бездумно. Мономах воспитал сына способным работать на общее дело без детальных инструкций.

В это время Мстиславу уже исполнилось двадцать лет. По обычаям того времени он должен был быть женат. Татищев относит свадьбу к 1095 году. Он, впрочем, не указывает источник своих сведений и ошибочно называет его первую жену дочерью посадника³⁵. Но сама по себе дата находится в пределах вероятного: обычно князья вступали в брак лет в пятнадцать-шестнадцать. Первой женой Мстислава, которая, как было сказано, известна по сагам, была Христина — дочь шведского короля Инге Стейнкельссона. О том, что жену Мстислава звали Христиной сообщает и Новгородская летопись³⁶.

События частной жизни князей редко попадали на страницы летописи. В некоторых, увы, редких, случаях недостаток сведений можно восполнить за счет источников иностранного происхождения. Интересные биографические сведения о Мстиславе Великом содержатся в латинском тексте, дошедшем до нас в двух списках — в составе двух сборников, создание которых было связано с монастырем св. Пантелеймона в Кёльне. В научный оборот этот текст был введен Назаренко. Им же осуществлен перевод следующего фрагмента: «Арольд (как было сказано, германским именем Мстислава было Харальд. — В.Д.), король народа Руси, который жив и сейчас, когда мы это пишем, подвергся нападению медведя, распоровшего ему чрево так, что внутренности вывалились на землю, и он лежал почти бездыханным, и не было надежды, что он выживет. Находясь в болотистом лесу и удалившись, не знаю, по какой причине, от своих спутников, он подвергся, как мы уже сказали, нападению медведя и был изувечен свирепым зверем, так как у него не оказалось под рукой оружия и рядом не было никого, кто мог бы прийти на помощь. Прибежавший на его крик, хотя и убил зверя, но помочь королю не смог, ибо было уже слишком поздно. С рыданиями донесли его на руках до ложа, и все ждали, что он испустит дух. Удалив всех, чтобы дать ему покой, одна мать осталась сидеть у постели, помутившись разумом, потому что, понятно, не могла сохранить трезвость мысли при виде таких ран своего сына. И вот, когда в течение нескольких дней, отчаявшись в выздоровлении раненого, ожидали его смерти, так как почти все его телесные чувства были мертвы и он не видел и не слышал ничего, что происходило вокруг, вдруг предстал ему красивый юноша, приятный на вид и с ясным ликом, который сказал, что он врач. Назвал он и свое имя — Пантелеймон, добавив, что любимый дом его находится в Кёльне. Наконец, он указал и причину, по какой

пришел: “Сейчас я явился, заботясь о твоем здравии. Ты будешь здоров, и ныне твое телесное выздоровление уже близко. Я исцелю тебя, и страдание и смерть оставят тебя”. А надо сказать, что мать короля, которая тогда сидела в печали, словно на похоронах, уже давно просила сына, чтобы тот с миром и любовью отпустил ее в Иерусалим. И вот, как только тот, кто лежал все равно, что мертво, услышал в видении эти слова, глаза [его] тотчас же открылись, вернулась память, язык обрел движение, а гортань — звуки, и он, узнав мать, рассказал об увиденном и сказанном ему. Ей же и имя, и заслуги Пантелеймона были уже давно известны, и она, по щедротам своим, еще раньше удостоилась стать сестрою в той святой обители его имени, которая служит Христу в Кёльне. Когда она услышала это, дух ее ожил, и от голоса сына мать встрепенулась и в слезах радости воскликнула громким голосом: “Сей Пантелеймон, которого ты, сын мой, видел, — мой господин! Теперь и я отправлюсь в Иерусалим, потому что ты не станешь [теперь этому] препятствовать, и тебе Господь вернет вскоре здоровье, раз [у тебя] такой заступник”. И что же? В тот же день пришел некий юноша, совершенно схожий с тем, которого король узрел в своем сновидении, и предложил лечение. Применяв его, он вернул мертвому — вернее, безнадежно больному — жизнь, а мать с радостью исполнила обет благочестивого паломничества»³⁷.

По мнению Назаренко, описанный «случай на охоте» мог произойти в промежуток между рождением старшего сына Мстислава — Всеволода и рождением Изяслава, который был крещен в честь св. Пантелеймона. Наиболее вероятной датой исследователь считает 1097—1099 года. С этой датировкой необходимо согласиться, поскольку из летописного текста в этот период имя Мстислава, столь решительно вышедшего на историческую арену, на некоторое время исчезает.

Возращение в большую княжескую политику произошло в 1102 году. 20 декабря Мстислав с новгородскими мужами пришел в Киев к великому князю Святополку II Изяславичу. У Святополка была договоренность с отцом Мстислава — Владимиром Мономахом, согласно которой Мстислав должен был уступить Новгород своему троюродному брату — сыну Святополка. Вместо Новгорода Мстиславу предлагалось сесть в г. Владимире.

Произошедшее в дальнейшем позволяет думать, что такая рокировка на самом деле не входила в планы клана Мономаха. Не зря Мстислав пришел в Киев в сопровождении новгородцев — им отводилась важная роль. Причем, присутствовавшие при встрече дружинники Владимира подчеркнуто дистанцировались от происходившего: «и рекоша мужи Володимери: “Се присла Володимерь сына своего, да се сеять новгородце, да поемьше сына твоего, идутъ Новугороду, а Мьстиславъ да идетъ Володимерю”».

Настал час выйти на авансцену новгородскому посольству, которое напомнило великому князю, что Мстислав был дан новгородцам в князья его предшественником — Всеволодом Ярославичем, что они «вскормили» князя для себя и поэтому не намерены менять его на другого. Реплика новгородцев, удостоверившая их непреклонность, была коротка, но эффектна: «Аще ли две голове имеетъ сынъ твой, то послѣ Ми».

Святополк пытался возражать, «многу име прю с ними», но успеха не достиг. Новгородцы вернулись в свой город с желанным им Мстиславом.

Князь ценил преданность новгородцев. Он рассматривал Новгород не просто как очередную ступень на пути восхождения к киевскому престолу. В 1103 г. Мстиславом была заложена церковь Благовещения на Городище ³⁸, а через десять лет, в 1113 г., — Никольский собор на Ярославовом дворе. Архитектура Никольского собора в целом не характерна для XII в., когда основным типом храма стала одноглавая крестово-купольная постройка. Большой пятиглавый собор соперничал по масштабам с храмом Св. Софии, построенным в XI в. по заказу Ярослава Мудрого ³⁹. Правнук повторил «архитектурный текст» прадеда, сыгравшего важную роль в истории Новгорода. В 1113 г. отец Мстислава стал киевским князем. Интересно, что в «Степенной книге» описание этих событий объединено в одну главу, озаглавленную «Самодержавие Владимирово» ⁴⁰. Таким образом, закладка церкви выглядит как символический акт, отмечающий победу клана Мономашичей в очередном акте междоусобной войны.

Кроме того в 1116 г. Мстислав увеличил протяженность городских укреплений: «заложи Новъгородъ болей перваго» ⁴¹.

Мстислав возглавлял военные походы новгородцев, выполняя тем самым основную княжескую функцию — военного организатора и вождя. В 1116 г. состоялся его поход с новгородцами на чудь. Поход был удачным: был взят город эстов — Оденпе («Медвежья Голова» в русской летописи) ⁴². Об этом сообщает Новгородская Первая летопись старшего извода. В третьей редакции «Повести временных лет» (которая содержит дополнительные сведения о дате рождения Мстислава) добавлены подробности: «и погость бещисла взяша, и възвратишася въ свояси съ многомъ полономъ» ⁴³.

Русь в это время переживала очередной виток противостояния со степным миром кочевников. Одной из ключевых фигур обороны по-прежнему оставался Владимир Мономах. Он выступил организатором княжеских съездов, главная цель которых заключалась в консолидировании противостояния степной угрозе. Результатом съездов были походы 1103, 1107 и 1111 гг., в ходе которых половцам был нанесен серьезный урон, снизивший остроту проблемы.

Новгород в силу своего положения не был подвержен непосредственной опасности. Сложно сказать, участвовал ли в этой борьбе Мстислав. Новгородская летопись сообщает о походах, но участие в них новгородцев не уточняется. Летописец именует участников похода «вся братья князи Руския земли» (поход 1103 г.) ⁴⁴, или «вся земля просто русская» (поход 1111 г.).

Как известно, слово «русь» имеет в летописях «широкое» и «узкое» значение. В широком смысле Русью именовали всю территорию, подвластную князьям из династии Рюриковичей. В узком — территорию среднего Поднепровья, с центром в Киеве. В каком же смысле использовал этот термин летописец?

Во-первых, нужно сказать, что в средневековом Новгороде понятия «русский» и «новгородец» использовались как взаимозаменяемые. Пример этому находим в текстах того же XII в. — в договоре

Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189—1199 гг., заключенном князем Ярославом Владимировичем ⁴⁵.

Во-вторых, сам факт помещения рассказа о походах в летописи показывает, что новгородцы воспринимали походы как нечто, имеющее к ним отношение. Более того, обращает на себя внимание стилистическая окраска рассказов об этих походах. Новгородский летописец в повествовании о важных победах над степными кочевниками переходит на патетический слог, в целом для него несвойственный и встречающийся в новгородской летописи достаточно редко.

В-третьих, южный летописец, отводя определяющую роль в организации борьбы Мономаху, подчеркивает, что тот выступал не один, а «съ сынми» ⁴⁶.

В свете этих соображений, возможно, следует пересмотреть атрибуцию имени «Мстислав» в перечне князей, принимавших участие в походе 1107 года. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях перечень этот имеет следующий вид: «Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мъстиславъ, Вячьславъ, Ярополкъ идоша на полвце» ⁴⁷. По мнению Д.С. Лихачёва, Мстислав, названный в перечне, это современник и тезка героя настоящей статьи — Мстислав, отчество которого нам не известно ⁴⁸. Этого Мстислава летописец характеризует по имени деда: «Игоревъ унукъ».

Мнение Лихачёва основывалось, очевидно, на том, что в аналогичном перечне, помещенном в статье, рассказывающей о походе 1103 г., упомянут «Мъстиславъ, Игоревъ унукъ» ⁴⁹.

Однако нужно помнить, что, во-первых, формальное совпадение списков не означает их семантического тождества. Так, например, место Вячеслава Ярополчича, участвовавшего в походе 1103 г. (и умершего в 1104 г. ⁵⁰), занял другой Вячеслав — сын Мономаха ⁵¹. Во-вторых, для летописца, работавшего под покровительством князя Мстислава, Мстиславом, упоминаемым без уточняющих эпитетов, мог быть, скорее всего, князь-патрон. Другие же Мстиславы, современники Мстислава Великого — Мстислав Святополчич и Мстислав «Игорев внук» — упоминаются с необходимыми в контексте пояснениями. Так или иначе, имена обоих живых на тот момент Мстиславов одинаково могли отразиться в названном перечне.

В 1113 г. на Руси произошли значительные перемены. Умер великий князь Святополк II Изяславич. После его смерти в Киеве вспыхнуло восстание, ставшее результатом давно назревавшего кризиса ⁵². Горожане разграбили двор тысяцкого Путяты и живших в Киеве евреев ⁵³. Кризис был разрешен призыванием на киевский стол Владимира Мономаха. Права Мономаха на престол не были бесспорными. Он был сыном младшего из сыновей Ярослава Мудрого, побывавших на киевском столе, — Всеволода. Весьма решительно настроенный сын среднего Ярославиича — Олег Святославич Черниговский с формальной точки зрения имел больше прав на престол. Однако ситуация сложилась не в его пользу. Община города Киева стала на сторону Мономаха, пользовавшегося авторитетом как у народа, так и у представителей знати.

Для Мстислава изменение статуса отца имело важные последствия. В 1117 г. Мономах перевел его из Новгорода в Белгород — то есть, по сути, в Киев (названный Белгород — княжеская резиденция под Киевом, на берегу р. Ирпень). Место Мстислава в Новгороде

занял его сын Всеволод. Таким образом, Мономах усилил группировку сил в столице, обеспечивая устойчивость власти. В дальнейшем Владимир и Мстислав упоминались в летописи как единая сила. Когда на город Владимир-Волынский совершил нападение князь Ярослав Святополчич, летописец отметил, что помощь к нему не смогла подойти вовремя. Причем, «Володимеру не поспевшю ис Кыева съ Мстиславомъ сыномъ своимъ»⁵⁴. Когда же помощь все-таки была оказана, действующими лицами снова оказались отец и сын. В то время Владимир Мономах достиг уже весьма преклонного по древнерусским меркам возраста: ему исполнилось семьдесят лет. Среди князей до столь преклонного возраста доживали немногие. Без помощи Мстислава Владимиру было бы сложно исполнять обязанности правителя в обществе, где от князя ждали личного участия во всех делах, особенно в делах военных.

В 1125 г. Владимир Мономах скончался. Летописец отмечает его кончину приличествующей случаю хвалебной характеристикой князя. Похороны Мономаха собрали вместе его сыновей и внуков: «плакахуся по немъ вси людие и сынове его Мъстисла, Ярополкъ, Вячьславъ, Георгии, Андреи и внуци его»⁵⁵. После похорон братья и внуки разошлись, а Мстислав остался на киевском столе. Начало его княжения в Киеве — 20 сентября 1126 года.

Серьезных соперников в занятии киевского стола у Мстислава не было. Позиции его были весьма прочны. Среди потомков Мономаха он был старейшим. Его брат Ярослав держал Переяславль, а сын Всеволод был князем Новгорода. Клан Святославичей на тот момент переживал не лучшие времена. Наиболее яркие его представители были уже в могиле, среди крупных владетелей остался лишь Ярослав Святославич (тот самый, который спасался бегством от новгородского воеводы Добрыни). Ярослав сидел в Чернигове, но по личным качествам своим не мог претендовать на престол. Мстислав же, напротив, считался продолжателем дела прославленного отца и пользовался среди горожан и знати большим авторитетом.

В общем и целом ситуация на Руси, доставшейся в наследство Мстиславу, была спокойной. Насколько вообще может быть спокойной ситуация в стране, находящейся на грани политической раздробленности. Мстиславу приходилось прикладывать изрядные усилия для того, чтобы сохранить шаткое равновесие.

Узнав о кончине Мономаха, половцы предприняли попытку набега на Русь. С этим Ярославом Владимировичу удалось справиться силами переяславцев.

Сплоченность и единодушие клана Мономаховичей контрастировали с ситуацией в стане черниговских Святославичей. На черниговского князя Ярослава Святославича напал его племянник, сын Олега «Гориславича» — Всеволод. Племянник прогнал дядю с престола, а дружину его «исече и разъграби»⁵⁶.

Поначалу Мстислав намеревался поддержать законного черниговского владетеля — Ярослава. Он пресек попытку Всеволода Ольговича по примеру покойного родителя воспользоваться помощью половцев. Но дальше великий князь столкнулся с дилеммой: Ярослав сбежал в Муром и оттуда слал жалобные просьбы защитить его от разбушевавшегося племянника. Мстислав был связан с Ярославом

крестным целованием и поэтому должен был взять на себя борьбу с Всеволодом.

На другой чаше весов была текущая политическая ситуация: Всеволод прочно устроился в Чернигове. В отношении великого князя и его бояр он проявлял подчеркнутую лояльность: упрашивал самого князя, задаривал подарками его бояр и пр. То есть, всячески показывал, что, сидя в Чернигове, не принесет великому князю никаких неприятностей. Вместе с тем, для того, чтобы выгнать его оттуда пришлось бы развязать масштабную войну, которая неизбежно привела бы к массовым человеческим жертвам.

Таким образом, Мстислав стоял перед выбором: сохранить ли верность своему слову и при этом пожертвовать жизнями многих людей, либо преступить крестное целование ради предотвращения кровопролития. Аристократическая честь вступала в противоречие с гуманистическим принципом.

Мстислав обратился за помощью к церкви. Игумен монастыря св. Андрея Григорий, пользовавшийся высоким авторитетом еще у Мономаха, высказался в пользу мира. Собравшийся затем церковный собор тоже встал за сохранение жизней, пообещав взять грех клятвopеступления на себя. Мстислав решил — и прекратил преследование Всеволода. Летописец отмечает, что отказ от данного Ярославу слова лег тяжелым камнем на совесть Мстислава: «и плакася того вся дни живота своего»⁵⁷. Но решения своего он не изменил.

Решив проблему черниговского стола, в том же 1127 г. Мстислав взялся за наведение порядка на западных рубежах своих владений — в Полоцкой земле. Там княжили потомки Всеслава Владимировича, составившие отдельную ветвь Рюрикова рода, исключенного из лестничной системы, охватывавшей остальные русские земли.

Между потомками Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого существовала давняя вражда. Владимир Мономах писал, что захватил Минск, не оставив в нем «ни челядина, ни скотины»⁵⁸. Сын его политику продолжил.

Наступление на Полоцкую землю было задумано как масштабная операция. Мстислав отправил войска «четырьмя путями». Вернее, он наметил четыре первоначальных цели наступления. Первой был город Изяславль. К нему были посланы князья: Вячеслав из Турова, Андрей из Владимира-Волынского, Всеволод из Городка и Вячеслав Ярославич из Клецка. Второй целью стал город Борисов. Туда были направлены Всеволод Ольгович с братьями. К Друцку отправился сын Ростислав со смолянами и воевода Иван Войтишич с торками⁵⁹. И, наконец, четвертая цель — город Логожск. Туда с великокняжеским полком был отправлен сын Мстислава — Изяслав. Все отряды пробирались к назначенным им местам атаки порознь, но ударить должны были в один условленный день. Таким образом, вторжение в Полоцкую землю планировалось широким фронтом, между крайними точками которого — городами Изяславлем и Друцком — было без малого семьсот километров. План сработал, атака увенчалась успехом.

Полоцкие полки были застигнуты врасплох. Изяслав Мстиславич захватил своего зятя князя Брячислава с логожским полком на пути к отцу последнего — полоцкому князю Давыду Игоревичу. Таким образом, Логожск не имел возможности оказать сопротивление.

Видя, что Брячислав с логожским отрядом оказались в плену, сдались князю Вячеславу и жители города Изяславля. Они хотели выговорить себе хотя бы относительно приемлемые условия сдачи. Вечером трагичного для них дня они обратились к князю Вячеславу Владимировичу с просьбой не отдавать город на разграбление («на щить»). Тысяцкий князя Андрея Воротислав и тысяцкий Вячеслава Иванко для предотвращения грабежа послали в город отроков. Но с рассветом увидели, что предотвратить разорение не удастся. С трудом удалось отстоять лишь имущество жены Брячислава — дочери Мстислава Великого. Воины возвратились из похода «съ многымъ полономъ»⁶⁰.

Видя, что ситуация складывается не в их пользу, жители Полоцка «сътъснувшеси» (И.И. Срезневский предлагал три значения этого слова: разгневаться, встревожиться, смириться⁶¹ — все они вполне подходят по смыслу в данном фрагменте) изгнали князя Давыда с сыновьями и призвали Рогволда.

Судя по тому, что Рогволд после восхождения на полоцкий престол быстро исчез со страниц летописи и не упоминался больше в качестве действующего персонажа, прожил он недолго. Мстиславу приходилось возвращаться к полоцкой проблеме. Великий князь попытался привлечь полоцких князей к борьбе против половцев. Но получил дерзкий ответ: «Бонякови шелоудивомоу во здоровье» (то есть полочане пожелали главному врагу Руси половецкому хану Боняку здоровья). Князь разгневался, но проучить наглецов в то время не смог — война с половцами была в разгаре. Когда же война завершилась — припомнил полочанам их предательство. В 1129 г. он «посла по кривитьстеи князи» и выслал Давыда, Ростислава, Святослава и двух Рогволдовичей в Константинополь, где они пребывали в заточении. Видимо, судьба «кривических» (полоцких) князей сложилась в Константинополе нелегко — спустя семь лет на Русь смогли возвратиться только двое из них⁶².

Внешняя политика Мстислава была продолжением политики его отца. Эта преемственность была отмечена летописцем: Мстислав выступает как наследник «пота» Мономаха. «Пот» этот был утерт в борьбе против половцев: «е бо Мьстиславъ великий и наследи отца своего потъ Володимера Мономаха великого. Володимирь самъ собою постоя на Доноу, и многа пота оутерь за землю Роускою, а Мьстиславъ моужи свои посла, загна Половци за Донъ и за Волгу за Гиик, и тако избави Богъ Роускою землю от поганых»⁶³.

При этом на внешнюю политику Мстислава наложила отпечаток молодость, проведенная в Новгороде. Новгородские проблемы по-прежнему волновали его. В 1131 г. князь послал сыновей Всеволода, Изяслава и Ростислава на чудь. Поход увенчался успехом. Чудь была побеждена и обложена данью. Из похода были приведены многочисленные пленники. В следующем, 1132 г., Мстислав организовал и возглавил поход на Литву. Поход бы удачный⁶⁴. Хотя удача его была несколько омрачена тем, что на обратном пути литовцы смогли отомстить русскому войску, перебив много киян, полк которых отстал от великокняжеского отряда и шел отдельно⁶⁵.

Брачно-семейные дела Мстислава Великого освещены, по меркам древнерусских источников, весьма подробно. Как было сказано, согласно сагам и новгородской летописи первой женой князя была Хри-

стина — дочь шведского короля Инге Стейнкельссона. Она скончалась в 1122 году. В то же лето Мстислав женился снова — на дочери новгородского посадника Дмитрия Завидовича ⁶⁶. Имени ее летопись не сообщает, но вслед за Татищевым ее принято называть Любовью. Впрочем, известие Татищева и в этом случае выглядит не вполне надежно. Кроме имени Татищев снабдил свою «Историю» сюжетом, также не имеющим прямых аналогов в летописях и иных источниках. «Единою на вечер, беседуя он с вельможи своими и был весел. Тогда един от его евнух, приступи ему, сказал тихо: “Княже, се ты, ходя, земли чужия воюешь и неприятелей всюду побеждаешь, когда же в доме то или в суде и о разправе государства трудишься, а иногда с приятели твоими, веселясь, время препровождает, но не ведаешь, что у княгини твоей делается, Прохор бо Василевич часто со княгиною наедине бывает; если ныне пойдешь, то можешь сам увидеть, яко правду вам доношу”. Мстислав, выслушав, усмехнулся и сказал: “Рабе, не помниши ли, как княгиня Крестина вельми меня любила и мы жили в совершенной любви. И хотя я тогда, как молодой человек, не скупю чужих жен посещал, но она, ведая то, нимало не оскорблялась и тех жен любовно принимала, показуя им, якобы ничего не знала, и тем наиболее меня к ея любви и почтению обязывала. Ныне же я состарелся, и многие труды и попечения о государстве уже мне о том думать не позволяют, а княгиня, как человек молодой, хочет веселиться и может при том учинить что и непристойное. Мне устеречь уже неудобно, но довольно того, когда о том никто не ведает и не говорят, для того и тебе лучше молчать, если не хочешь безумным быть. И впредь никому о том не говори, чтоб княгиня не уведала и тебя не погубила”. И хотя Мстислав тогда ничего противного не показал, но поворотил в безумную евнуху продерзость. Но по некоем времени тиуна Прохора велел судить за то, якобы в судах не по законам поступал и людей грабил, за что его сослал в Полоцк, где вскоре в заточении умер» ⁶⁷.

Эта жанровая сценка присутствует в обоих вариантах «Истории» Татищева, как написанной на «древнем наречии», так и в той, которая была подготовлена на современном автору языке. Состояние исторической науки не дает возможности ответить на вопрос, выдумал ли Татищев этот пассаж или добросовестно выписал из какого-нибудь не дошедшего до нас источника ⁶⁸. Можно лишь заметить, что стилистически повествование о семейной жизни князя Мстислава выглядит как произведение «демократической» литературы XVII в. со всеми характерными для нее чертами: развлекательной фабулой, отсутствием серьезного морального содержания, немудреным юмором. Противопоставление старого мужа и молодой жены — один из известных типов построения сюжета «бытовых повестей» XVII в., в которых впервые в русской литературе возникает тема сложностей любви и супружеских отношений ⁶⁹.

В апреле 1132 г. Мстислав Великий скончался в Киеве. До возраста отца — Владимира Мономаха — ему дожить не удалось. Умер он в 55 лет.

Первый брак со шведской принцессой Христиной был весьма многодетным. Летопись называет имена сыновей: Всеволода, Изяслава, Ростислава и Святополка ⁷⁰. Среди дочерей Мстислава из русских источников известно имя лишь одной из них — Рогнеды ⁷¹. Скандинавские дают еще два: Ингибьерг и Маль(м)фрид ⁷². Имена

других дочерей летопись не называет, они выступают в летописи под отчеством «Мстиславовна». Известна Мстиславовна — жена Изяславского князя Брячислава Давыдовича и Мстиславовна — жена Всеволода Ольговича. Еще об одной из дочерей летопись сообщает: «Ведена Мьстиславна въ Греки за царь»⁷³.

Сын от второго брака с дочерью новгородского посадника появился на свет перед смертью великого князя в — 1132 г. и наречен был Владимиром⁷⁴. О его рождении и имянаречении летописец счел нужным оставить заметку в годовой статье. В качестве участника политических событий Владимир Мстиславич впервые упоминается в 1147 году⁷⁵. Сообщает летопись еще об одном сыне Мстислава — Ярополке. Судя по тому, что в компании братьев он впервые появляется только в 1149 г.⁷⁶, можно предположить, что он тоже был одним из поздних детей Мстислава. Возможно, он оказался младше Владимира и родился уже после смерти великого князя. Поэтому летописец и не стал упоминать об этом рождении.

Согласно летописи, одна из дочерей Мстислава была замужем за венгерским королем⁷⁷. Ее имя сообщает латиноязычный источник — дарственная грамота чешской княгини Елизаветы, дочери венгерской королевы, жены чешского князя Фридриха ордену Иоаннитов: «Ego Elisabeth, ducis Bohemie Uxor, sequens vestigia Eurosine matris mee...»⁷⁸ Таким образом, венгерская королева звалась Ефросиньей Мстиславной.

Польский генеалог Витольд Бжезинский, ссылаясь на мнение Барбары Кржеменской, считает дочерью Мстислава Дурансию (Durancja)⁷⁹, жену Оты III, князя Оломуца. Кроме того, Бжезинский со ссылкой на «Rodowód pierwszych Piastów» Казимежа Ясинского, называет дочерью Мстислава жену великопольского князя Мешко III Старого — Евдокию⁸⁰. Другой видный польский исследователь генеалогии Дариуш Домбровский возможности такой филиации не усматривает. Более того, Евдокия Киевская относится им к числу «мнимых Мстиславичей»⁸¹. В качестве возможных Домбровский указывает происхождение Евдокии от Изяслава Давыдовича, Ростислава Мстиславича, Изяслава Мстиславича. Самым вероятным отцом Евдокии он считает Юрия Долгорукого. Однако и построения Домбровского не лишены недочетов, обсуждению которых посвящена критическая рецензия А.В. Горovenko⁸². Поэтому вопрос о конфигурации родословного древа потомков Мстислава до сих пор остается открытым.

Умирая, Мстислав оставил великое княжение своему брату Ярополку. Такой шаг соответствовал принципу «лествичного восхождения» и был вполне в духе князя, всю жизнь остававшегося человеком нормы и правила.

Ярополк, видимо, следуя заветам старшего брата, сделает попытку приблизить его детей, своих старших племянников, Всеволода и Изяслава Мстиславичей, к узловым точкам южной Руси. Он попытался утвердить Всеволода в Переяславле-Южном, но наткнулся на активное сопротивление младшего брата Юрия Владимировича Долгорукого. Между племянниками Мстиславичами и оставшимися младшими дядьями вспыхнула междоусобица, которой не преминули воспользоваться черниговские Ольговичи. Приостановленный сильной рукой Владимира Мономаха распад древнерусского государства после смерти Мстислава Великого стал нарастать с новой силой.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М. 1998, стб. 303.
2. Там же, т. 37, с. 162.
3. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская. Т. 2. М. 1963, с. 91, 143.
4. Там же. Т. 4. М.-Л. 1964, с. 158, 188.
5. ПСРЛ, т. 2, стб. 190.
6. ШАХМАТОВ А.А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI—XII вв. СПб. 2003, с. 552—554.
7. SAXO GRAMMATICUS. Gesta Danorum. Strassburg. 1886, p. 370. В русских реалиях датский хронист разбирался не очень хорошо: этим объясняется путаница с именем «русского короля».
8. ДЖАКСОН Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). Тексты, перевод, комментарий. М. 2000, с. 167.
9. Там же, с. 177.
10. ПСРЛ, т. 1, стб. 160.
11. ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. В кн.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М. 2006, с. 185.
12. Там же, с. 13.
13. ШАХМАТОВ А.А. Ук. соч., с. 545.
14. ПСРЛ, т. 2, стб. 67.
15. Там же, стб. 199.
16. Там же, стб. 208.
17. Там же, т. 3, с. 161.
18. Там же, с. 470.
19. Там же, с. 161.
20. Там же, т. 2, стб. 219.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же, стб. 217.
24. Там же, стб. 219.
25. Там же, стб. 220.
26. Там же.
27. Там же, стб. 226—227.
28. Там же, стб. 227.
29. Поучение Владимира Мономаха. Библиотека литературы Древней Руси (БЛ ДР), т. 1, XI—XII века. СПб. 1997, с. 473—475.
30. ПСРЛ, т. 2, стб. 228.
31. Там же, стб. 229.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же, стб. 230.
35. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., т. 2, с. 157.
36. ПСРЛ, т. 3, с. 21, 205.
37. НАЗАРЕНКО А.В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого. — Отечественная история. 1993, № 2, с. 65—66.
38. ПСРЛ, т. 3, с. 19.
39. Новгородским князем в то время был сын Ярослава Владимир. Однако новгородский собор был одним из трех софийских соборов, последовательно построенных в главных политических центрах Руси (Киеве, Новгороде и Полоцке) одной строительной артелью. Из этого можно заключить, что строительство осуществлялось по плану великого князя, а не самостоятельно князьями названных городов.
40. ПСРЛ, т. 21, с. 187.
41. Там же, т. 3, с. 204.
42. Там же, с. 20.
43. Там же, т. 2, стб. 283.
44. Там же, т. 3, с. 203.
45. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами. Памятники русского права. М. 1953, с. 126.

46. ПСРЛ, т. 2, стб. 264—265.
47. Там же, т. 1, стб. 282; т. 2, стб. 258.
48. Повесть временных лет. М.-Л. 1950, ч. 2, с. 449.
49. ПСРЛ, т. 2, стб. 253.
50. Там же, стб. 256.
51. ТВОРОГОВ О.В. Повесть временных лет. Комментарии. БЛ ДР, т. 1, XI—XIII века. СПб. 1997, с. 521.
52. ФРОЯНОВ И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.-СПб. 1995.
53. ПСРЛ, т. 2, стб. 276.
54. Там же, стб. 287.
55. Там же, стб. 289.
56. Там же, стб. 290.
57. Там же, стб. 291.
58. Поучение Владимира Мономаха. БЛ ДР, т. 1, XI—XII века. СПб. 1997, с. 456—475.
59. ПСРЛ, т. 2, стб. 292. Впрочем, С.М. Соловьёв считал, что воевода шел к Борису вместе с Всеволодом Ольговичем. См.: СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен; ЕГО ЖЕ. Сочинения в 18 кн. М. 1993. Кн. 1, т. 1—2, с. 392. Сомнение в правильности такого чтения вызывает тот факт, что фразы о посылке Ивана и Ростислава выстроены однотипно и соединены союзом «и».
60. ПСРЛ, т. 2, стб. 292, 293.
61. СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб. 1912, с. 852.
62. ПСРЛ, т. 2, стб. 303.
63. Там же, стб. 303—304.
64. Там же, стб. 294, 301.
65. Там же, стб. 294.
66. Там же, т. 3. с. 21, 205.
67. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., т. 2, с. 143.
68. ЖУРАВЕЛЬ А.В. Новый Герострат, или у истоков современной истории. Сб. РИО. Т. 10 (158). М. 2006, с. 522—544; ТОЛОЧКО А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.-Киев. 2005, с. 486.
69. Ср., например: Притча о старом муже и молодой девице. Русская бытовая повесть XV—XVII вв. М. 1991, с. 226—229.
70. ПСРЛ, т. 2, стб. 294, 296.
71. Там же, стб. 529, 531; ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М. 2006, с. 260.
72. ДЖАКСОН Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М. 2012, с. 34.
73. ПСРЛ, т. 2, стб. 286.
74. Там же, стб. 294.
75. Там же, стб. 344.
76. Там же, стб. 378.
77. Там же, стб. 384.
78. Цит. по: ГРОТ К. Из истории Угрии и славянства. Варшава. 1889, с. 94—95.
79. BRZEZIŃSKI W. Pochodzenie Ludmiły, żony Mieszka Piłtonogiego. Przyczynek do dziejów czesko-polskich w drugiej połowie XII w. In: Europa Środkowa i Wschodnia w polityce Piastów. Toruń. 1997, s. 215.
80. Ibid., s. 219.
81. ДОМБРОВСКИЙ Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб. 2015, с. 715—725.
82. ГОРОВЕНКО А. В. Блеск и нищета генеалогии. Рецензия на кн.: ДОМБРОВСКИЙ Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб. 2015. Valla. Т. 2, № 3 (2016), с. 110—134.

Исторические аспекты формирования государства всеобщего благоденствия североевропейского типа

А.А. Нарышкин

Аннотация. В работе затрагиваются вопросы формирования государства всеобщего благоденствия в странах Северной Европы. Эти страны сделали значимый исторический шаг, оказавший влияние на формирование социальной сферы как в европейских странах, так и во всем мире. Пример их исторической трансформации продемонстрировал возможность поставить общественные интересы выше частных. Эти страны создали лучшую по ряду важнейших социально-экономических параметров модель, на протяжении длительного времени характеризующую качество жизни граждан.

Ключевые слова: Северная Европа, государство всеобщего благоденствия, социальная политика, проблемы неравенства.

Abstract. The work touches upon the issues of the welfare state's idea formation in North European countries. These countries made a significant historical step affected the social sphere creation in Europe and in the whole world. An example of their historical transformation demonstrated the possibility of putting the public interest above private interests. North European countries created model that define the number of important social and economic parameters characterizing the quality of citizen's life during a long period.

Key words: Northern Europe, welfare state, social politics, inequality problems.

Современное устройство мира меняется на глазах. С поражающей быстротой появляются новые технологии, идет роботизация всех отраслей промышленности, экономики, отдельных процессов в гуманитарной сфере. Как следствие, большое количество работоспособного населения остается невостребованным. Роботы заменяют не только рабочих у станков, но и работников таких, казалось бы, интеллектуальных профессий, как банковские служащие, бухгалтеры, нотариусы и даже юристы.

Нарышкин Андрей Александрович — кандидат политических наук, начальник Четвертого Европейского отдела Департамента стран Европы, Северной Америки и международных организаций Министерства экономического развития Российской Федерации. E-mail: Andr-Naryshkin@yandex.ru.

Naryshkin Andrey A. — candidate (PhD) of political sciences, head of Fourth European Division, Department of Europe, North America and International Organizations. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. E-mail: Andr-Naryshkin@yandex.ru.

Как обществу приспособиться к новым условиям жизни? Остановить технический прогресс, замедлить его практически невозможно, да и нужно ли? Представляется важным организовать социальное общество так, чтобы этот прогресс помогал развитию человека, а не останавливал и не уничтожал его, не делал ненужным. Наступает период, когда необходимо пересмотреть систему распределения материальных ценностей. Учитывая, что в скором времени не каждый человек сможет найти полноценную работу, а у людей есть дети, которых необходимо не только вырастить, но и воспитать, дать образование, нужно культивировать систему социальных ценностей, направленных на установление общества социальной гармонии и справедливости. Необходимо развитие социальных гарантий, справедливой системы пособий, пенсий, жизненно важных для поддержания уровня жизни людей, попавших в трудную ситуацию. При этом важно одновременно не развить в обществе иждивенчество и лень, которые неминуемо приведут к гибели общества. Для гарантирования нормального функционирования общества необходимо обеспечить доступность образования и труда. В этой связи представляется особенно актуальным изучение и применение накопленного человечеством опыта построения общества социальной справедливости, функционирования системы перераспределения социальных благ, которая, с одной стороны, давала бы возможность людям достойно жить (оплачивать жилье, питание, обучение, иметь доступ к системе здравоохранения), а с другой — стимулировала бы желание плодотворно трудиться. Человек, отдавший свои силы на благо общества, должен иметь достойную пенсию и иные материальные и нематериальные блага. Подобные задачи представляется возможным решить при формировании в обществе принципов, согласно которым человек является центральной осью, вокруг которой формируется система общественно-политических отношений, направленная на поддержание этой оси.

Весомый вклад в развитие идеи общества социальной справедливости внесли страны Северной Европы. Исторически свои характерные черты социальное государство североевропейского типа обрело к середине XX века. Предпосылки его формирования были обусловлены глубинными историческими процессами развития региона. В основе этих предпосылок лежат не только исторические, но и политические, культурные, религиозные, географические особенности региона.

Одним из ключевых своеобразий исторического развития Северной Европы было отсутствие разделения на эгалитарные сословия. Дворянство было сильно только в Швеции и Дании. Так, Дания до 1660 г. применяла систему выборов главы государства; это не действовало в период установления абсолютизма с 1660 по 1848 г., а в 1848 г. также была проведена конституционная реформа. В Норвегии дворянство, и так представленное сравнительно небольшим числом колониальных поселенцев высших сословий, было ликвидировано в 1821 г. аннулированием системы дворянских титулов. В отношении Финляндии и Исландии следует отметить, что к концу XIX столетия эти страны являлись аграрными территориями, зависевшими от соседних стран, а их собственное развитие началось уже в XX в., в период, когда в Европе отгремели буржуазные революции и все социально-значимые изменения в большей степени были связаны не с

классовыми противоречиями, а со сложностями индустриализации общества ¹. Отсутствие сильного дворянства в этих странах и необходимости классового доминирования, наличие равенства между людьми в обществе стали базисом для формирования атмосферы взаимного уважения и сотрудничества.

Слабая урбанизация стран Скандинавии в начале XX в. также стала одной из предпосылок, повлиявших на исторический путь Северной Европы. Преобладание расселения хуторского, а не общинного типа, мотивировало к занятию предпринимательством, поскольку вклад каждого отдельно взятого человека был значим для его семьи и поселения. При этом процесс производства при таком типе расселения позволял точно накапливать индивидуальные трудовые достижения и давать справедливую оценку результатам труда, «толкая» каждого работника на повышение производительности и снижение издержек. Накопленный опыт впоследствии был использован при индустриализации труда ².

Тяжелые климатические условия, характерные для территорий стран североевропейского региона, также наложили свой отпечаток: они, с одной стороны, сплачивали население, заставляя поддерживать друг друга в случае неурожая или природных катаклизмов. С другой стороны, географические особенности территории и бедность исторически повлияли на эмиграционные процессы, которые были характерны для этих мест еще с эпохи викингов. Так, например, в США в настоящее время проживает огромное число финнов, шведов и норвежцев. Нехватка рабочих рук на протяжении капитализации заставила собственников производств раньше, чем во многих других европейских странах, начать механизацию трудовых процессов.

Еще одна основополагающая предпосылка — баланс соблюдения интересов работника и работодателя. Очевидно, что в совершенствовании условий труда и сокращении издержек в условиях невысокой плотности населения были равно заинтересованы обе стороны. Впоследствии стремление к сохранению такого баланса выразилось в создании одной из передовых в мире систем профсоюзных объединений и коллективных договоров, что позволяло находить приемлемые для работника и работодателя решения даже в периоды общемировых экономических и финансовых кризисов. В Швеции, где система социальных отношений на рынке труда была установлена раньше, чем в других европейских странах ³, еще в 1938 г. было заключено Сальтшебаденское соглашение ⁴, которое, по сути, означало первый мирный договор между Конфедерацией шведских профсоюзов и Объединением шведских предпринимателей и сделало Швецию первопроходцем и основоположником в области социального диалога и социального партнерства.

На практике отличие в способах разрешения конфликтов между рынком труда и капитала в североевропейских странах ярко проявилось в период конца 1960-х — начала 1970-х годов. В то время как в Западной Европе шла нарастающая волна профсоюзных забастовок ⁵, в странах Северной Европы стороны старались придерживаться политики мирного разрешения разного рода общественных конфликтов. В Швеции, например, избежать снижения производительности труда на государственном уровне в связи с забастовками трудящихся

позволила система заключения коллективных договоров. При этом работа профсоюзов была настолько эффективной и хорошо организованной, что проведение переговоров и последующее заключение коллективного договора с предпринимателями происходило без вмешательства государства. На первом этапе с целью обеспечения базовых правил коллективный договор заключался на национальном уровне, лишь затем — на уровне конкретных предприятий. Предприятиям и профсоюзам запрещалось заключать договоры на условиях худших, чем были прописаны в национальном коллективном договоре. При отсутствии коллективного договора допускались различные виды протеста, вплоть до забастовок. Но, в то же время, в период действия коллективных договоров все забастовки считались незаконными. В случае, если не удавалось заключить соглашение за 14 дней переговоров между социальными партнерами, государство было обязано вмешаться с целью достижения консенсуса.

Важно также отметить уникальность исторического процесса формирования североευропейских политических партий. Фундаментом политических партий региона были социальные и культурные цели. В странах Северной Европы существовали «народные движения» (folkgrörelser), ставившие своей задачей достижение общечеловеческих целей: социальная справедливость, поддержка обездоленных, развитие образования и др.

Склонность к объединению в целях принятия решений также способствовала формированию общества, где идеи всеобщего благоденствия превалировали над интересами частных лиц. Так, Норвегия в первой трети XIX столетия представляла собой практически бессловное общество. Дворянство было упразднено здесь еще в 1821 году. Несмотря на то, что Конституция 1814 г. не предусматривала права граждан на объединение в союзы (более того, в избирательном праве — до 1828 г., а в уголовном законе — вплоть до 1842 г. существовал запрет на объединение в союзы), наличие конституции и представительного органа — парламента — открыло широкую дорогу формированию организаций, которые с самого начала представляли собой собрания лиц с общими целями ⁶.

Характерными отличиями народных движений являлись всесловность, а также отсутствие связи между их формальной структурой и политическими функциями, которые они выполняли. Со временем наличие политических функций дало толчок созданию политических партий, а неполитические функции (культура, спорт и т.п.) обусловили формирование современных корпоративных групп.

Индустриализация в странах Северной Европы проводилась государством. Причем не только на начальной стадии, как это было в большинстве других стран Западной Европы с постепенной передачей этой функции частному бизнесу, но и на следующих этапах. Индустриализация сопровождалась господдержкой, включавшей меры по целенаправленному формированию физически здорового рабочего, то есть отличалась наличием социальных целей и гарантий.

И последний, но в то же время один из ключевых исторических факторов, оказавших влияние на формирование стран региона, — религиозный. Все страны Северной Европы являются протестантскими, где на протяжении столетий церковь и государство были объеди-

нены. Евангелическо-лютеранская церковь была и остается одним из ключевых факторов общественно-политической жизни стран региона. В североевропейских странах церковь отделилась от государства относительно недавно (в Финляндии — 1995 г., Швеции — 2000 г., Норвегии — 2006 г.) или не отделена до настоящего времени (Дания, Исландия). При этом в Финляндии православная церковь традиционно была принята наравне с евангелическо-лютеранской. Таким образом, мировоззрение общественного единства является некой национальной чертой, которая до настоящего времени охватывает все сферы жизни граждан Северного региона — от Церкви до государственных больниц, образования, телевидения и т.д.

Религия оказала влияние на формирование системы ценностей, науку, искусство и даже на становление системы социальной поддержки. Испокон веков Церковь поддерживала бедных, давала им кров и пищу, фактически став родоначальником социальных услуг в стране. Со временем ее ресурсов стало недостаточно для охвата широких слоев населения, и эта роль перешла к государству.

Совокупность приведенных причин подтверждает, что скандинавские страны приобрели черты государства всеобщего благоденствия, с одной стороны, по причине общественного объединения идеей общей народной целостности, а с другой — из-за отсутствия ярко выраженного конфликта интересов и разного рода противостояний в обществе.

В политико-правовом плане можно говорить об устойчивых чертах, выражающих особенности североевропейского региона в модели развития государства и экономики. Идеологами модели социального государства североевропейского типа стали шведские экономисты Альва и Гуннар Мюрдаль и Эрнст Вигфорс, которые еще в 1930-е гг. в качестве основы политической платформы выдвигали тезисы о том, что крупное промышленное производство вкупе с социальной инженерией и заблаговременным планированием позволят построить общество, развитие которого контролируется и направляется, что приведет к рациональной организации деятельности как отдельных индивидуумов, так и общества в целом ⁷.

В 1930-е гг. Социал-демократическая рабочая партия Швеции сделала первые шаги на пути формирования общества всеобщего благоденствия, инициировав принятие в 1934—1935 гг. законов о страховании от безработицы и о пенсиях по старости. В послевоенный период на этой основе сформировалась доктрина «функциональной социализации», которая не только стала основой шведских социал-демократов, но и распространилась в других странах Северной Европы ⁸.

В Финляндии аналогичная реформа была проведена позднее — в 1982 году ⁹. В соответствии с принципами, заложенными в основу реформы, государство получило возможность контролировать распределение доходов и прибыли, использование рабочей силы и капитала. В результате, в странах региона сформировалась смешанная экономика, базирующаяся на сочетании различных форм собственности (частной, государственной и кооперативной), а также малого, среднего и крупного бизнеса. Практическая политика допускает конструктивность и даже необходимость государственного вмешательства в экономику, которое осуществляется в целях сведения к минимуму отрицательных последствий действия рыночных механизмов при со-

хранении экономической и социальной безопасности в государстве. При этом регулирование взаимоотношений осуществляется, главным образом, косвенными методами: с помощью налоговых отчислений и финансовых инструментов.

Предпочтения населения во время парламентских выборов в 1944 г. в Швеции сместились от консерваторов к социал-демократам, в результате чего Социал-демократическая рабочая партия Швеции получила абсолютное большинство в основной палате Ригстага. В Дании осенью 1945 г. парламентские выборы увенчались успехом буржуазной аграрной партии Венстре (Левая), которая продержалась у власти до 1947 г., после чего ее место заняли социал-демократы. В 1945 г. в освобожденной Норвегии англо-американское командование передало высшую власть в стране эмигрантскому правительству Ю. Нюгорсволла, возвратившемуся из Лондона, однако вскоре власть перешла к временному правительству, которое было составлено из представителей движения Соппротивления и политических лидеров эмиграции. Временное правительство возглавил новый председатель социал-демократической Норвежской рабочей партии Э. Герхардсен. Под его руководством партия получила абсолютное большинство мест в Парламенте (Стортинге) на выборах 1945 г. и сформировала однопартийное правительство.

Финляндия, пережив тяжелый экономический период в первой половине XX в., связанный с двумя войнами: с СССР в 1939—1940 и в 1941—1944 гг., в сентябре 1944 г. обрела политическую независимость после подписания соглашения о перемирии с Великобританией и СССР с обязательством содействовать выводу из страны германских войск. Во внешней и внутренней политике Финляндии начался новый курс: в стране стал играть важную роль Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ), по инициативе которого в 1944 г. было заключено соглашение между тремя крупнейшими политическими силами — Социал-демократической партией, ДСНФ и Аграрным союзом — и образован Парламент с пропорциональным участием их представителей. В апреле 1945 г. было сформировано Правительство демократического сотрудничества.

Партийная структура, схожая с Финляндией, сформировалась в Исландии. В 1944 г. страна была провозглашена республикой и получила полную независимость от Дании. К власти пришла Единая социалистическая партия Исландии, объединившая коммунистов и левых социалистов и отстаивавшая, прежде всего, интересы аграриев.

Совокупное преобладание социал-демократических сил в Скандинавии и Финляндии повлияло на их дальнейшую интеграцию и выбор во многом схожей социально-экономической модели развития, которую часто именуют скандинавской или шведской моделью.

После второй мировой войны большинство стран Скандинавии испытывали единые трудности, вызванные тактикой «выжженной земли», которую применили фашисты при отступлении, следствием чего были общехозяйственные проблемы, инфляция, недостаточность и изношенность жилого фонда и оборудования, нехватка предметов первой необходимости, безработица. Очевидцы того времени вспоминают, что под конец зимы зачастую было просто нечего есть. И лишь атмосфера взаимопомощи и социальной поддержки, прежде всего со стороны Церквы, помогала людям выжить.

Последующее неформальное социально-экономическое объединение этих стран стало способом восстановления государств и последующего экономического развития. Швеция была наиболее развитым государством региона, отличавшимся, кроме того, высоким уровнем развития государственно-монополистического капитализма. За ней по уровню экономического развития следовали Дания и Норвегия, чей экономический строй характеризовался как индустриально-аграрный. Финляндия и Исландия, имевшие в послевоенное время экономику, основанную на лесной и рыболовной промышленности соответственно, где практически полностью отсутствовала крупная промышленность, сильно отставали от своих соседей.

Важным событием в период после второй мировой войны для стран Северной Европы (кроме Финляндии) стало присоединение к плану Маршалла — так называемой программе восстановления экономики Европы.

Принявшие помощь США 17 европейских стран, в том числе Швеция, Норвегия, Дания, Исландия, Великобритания и Ирландия, в апреле 1948 г. учредили Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая должна была разработать программу по восстановлению Европы. Дальнейшее сотрудничество обязывало страны-участницы способствовать развитию свободного предпринимательства, предоставлять регулярные отчеты о ходе и направлениях расходования получаемых средств, сотрудничать в снижении таможенно-тарифных барьеров, создавать специальные фонды, источником финансирования которых была национальная валюта, высвобождаемая в результате получения американской помощи. Расходование средств контролировалось США.

Советский Союз в процессе переговоров выдвинул предложения, направленные на обеспечение равноправного экономического сотрудничества при уважении национального суверенитета государств и невмешательство во внутренние дела стран. Эти предложения были отклонены западными державами, в связи с чем СССР и социалистические страны Восточной Европы отказались быть участниками плана Маршалла. При этом Финляндия, придерживавшаяся политики экономического балансирования, от участия в плане Маршалла также отказалась.

Усиление антикоммунистической кампании подталкивало Швецию, Норвегию и Данию к созданию оборонительного союза. Вместе с тем, не был определен общий вектор развития данного объединения: часть стран выступала за проамериканскую ориентацию союза, Швеция — придерживалась нейтралитета. Итогом этой дискуссии стало участие Дании, Норвегии и Исландии в создании НАТО. С оговорками, не позволявшими размещать иностранные вооруженные силы на своей территории в мирное время, эти три страны стали соучредителями Североатлантического альянса. Швеция так и не стала членом НАТО. Финляндия, из-за нежелания портить налажившиеся отношения с СССР, выбрала политику неприсоединения к военным блокам и осталась при особом мнении по отношению к вступлению в НАТО, членом которого она не является до настоящего времени ¹⁰.

В 1952 г. был учрежден Северный совет — орган межпарламентского сотрудничества, объединивший 5 стран, — Данию, Швецию, Норвегию, Исландию и Финляндию (с 1955 г.) и три автономные территории — Гренландию, Фарерские острова и Аландские острова. Создание данной организации — пример успешного регионального взаимодействия в общих интересах стран-участниц, который позволил им эффективно координировать экономическую политику, а также напрямую договариваться о реализации отдельных важных региональных инициатив ¹¹.

Создание Северного совета дало странам Северной Европы возможность выработать свою линию во внутренней и внешней политике. Новаторство решений этого объединения во многом определили интеграционные мероприятия, которые в Европейском союзе были реализованы позднее, а именно: Северный совет первым создал паспортный союз (1952 г.), общий рынок труда (1954 г.) и единое социальное пространство (1955 г.) на основе Североевропейского соглашения о социальной защите, в соответствии с которым все граждане входивших в Северный совет стран-участников были наделены равными правами в отношении выбора места работы и жительства, а также социального обеспечения, независимо от места проживания ¹². С тех пор жители Скандинавских стран (и Финляндии, с 1955 г.) не нуждались в паспорте при въезде в другую североевропейскую страну. В 1983 г. граждан североевропейских стран освободили от необходимости получения разрешений на работу в странах-партнерах ¹³. Несмотря на то, что решения Северного совета не являются обязательными к исполнению в силу отсутствия у него надгосударственных полномочий и носят лишь рекомендательный характер, они широко применяются, поскольку основаны на разумном прагматичном подходе. Решения вырабатываются по мере готовности стран к выходу на уровень международного сотрудничества, а сами страны обладают не только политико-экономической взаимозависимостью, но и культурно-исторической общностью, что сводит к минимуму вынесение предложений, которые были бы неприемлемы для других стран-участниц. Учитывая, что Северный совет продолжает свою деятельность и по сей день, длительность существования подобной коалиции свидетельствует не только об исторической схожести экономических и политических подходов среди стран Скандинавского полуострова и их ближайших соседей, но также о единстве социальных, религиозных, культурных и национальных взглядов.

Идентичность в культурной и социальной сферах стран Северной Европы дополнялась политическими инициативами. Различные планы усиления сотрудничества между странами Северной Европы выдвигались неоднократно. В их числе не только идея создания оборонительного союза, но и план экономической интеграции — «Нордек». Формирование плана было начато в 1969 году.

«Нордек» предусматривал выработку единой экономической политики стран-участниц в таких сферах, как внешняя торговля, промышленность, сельское хозяйство, включая важное для североевропейских стран рыболовство, но «после достижения... договоренности по всем основным вопросам он был сорван из-за реализации совмес-

тно с Великобританией иного интеграционного проекта, образованного с целью создания зоны свободной торговли, в виде Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). В основе такого решения лежало то обстоятельство, что относительно узкий внутренний рынок региона уже не обеспечивал достаточно широких масштабов сбыта для специализированной продукции стран региона»¹⁴.

Модель социального государства североевропейского типа в основных своих чертах сформировалась в 1950—1970 гг. и явилась результатом исторически сложившегося уважения всех законных и жизненно важных интересов основных слоев населения и социальных партнеров. Исторически были сформированы сложные механизмы мирного разрешения политических, экономических и социальных разногласий.

Началом перехода к особой североевропейской модели развития можно считать увеличение доли государственных социальных расходов в совокупном внутреннем валовом продукте соответствующей страны и обеспечение высокого уровня социальной защиты населения¹⁵.

Политической основой ее развития стал достигнутый социальный и политический консенсус между социальными партнерами (включая профсоюзы и объединения предпринимателей) и основными политическими партиями, которого удалось добиться социал-демократам. Эта общая атмосфера консенсуса обусловила форму социального устройства, при которой государству принадлежит центральная роль в поддержании социальной справедливости, а социальные новации делаются возможными и даже необходимыми. Эти функции обеспечиваются значительной долей расходов на социальную сферу в ВВП страны.

Государство, с точки зрения скандинавов, есть единственный реальный механизм, общий для всех, и одновременно с этим — сугубо индивидуальное средство оказания влияния на судьбу отдельных групп, то есть — «общее для всех и отдельное для каждого»¹⁶. При этом, поскольку обеспечивается относительная самостоятельность государства, оно в состоянии оказывать существенное влияние на деятельность структур общества на различных уровнях, в то же время не замещая собой эти структуры.

Страны Северной Европы внесли весомый исторический вклад в развитие идеи государства всеобщего благоденствия, а также, как следствие, в развитие социальной политики европейских стран и даже всего мира. Эти страны продемонстрировали возможность подчинения частных интересов всему обществу, создав достойные условия для жизни и развития своих граждан.

Опыт построения государства всеобщего благоденствия был лишь частично воспринят в других странах из-за сложности создания климата социального взаимопонимания, исторически сложившегося в североевропейском регионе. Однако многие базовые принципы функционирования государства всеобщего благоденствия североевропейского типа легли в основу социальной политики европейских стран и Европейского союза в целом.

Примечания

1. KOSONEN P. Pohjoismaiset Mallit Murroksessa. Tampere. 1998.
2. ARO T. Julkinen Valta ja Maassamuuttoa Edistävät ja Rajoittavat Tekijät Suomessa 1880-luvulta 2000-luvulle. Turku. 2007.
3. Северная Европа. Регион нового развития. М. 2008, с. 265.
4. LO.SE/UNG [Landsorganisationen i Sverige (The Swedish Trade Union Confederation), (Объединение шведских профсоюзов)]. URL: <http://www.lo.se/>.
5. Трудовая Франция против власти монополий: Майско-июньские события 1968 г. и дальнейшее развитие классовой борьбы. М. 1973.
6. ЧЕКАНСКИЙ А.Н., ШИШКИН В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М. 2001.
7. MYRDAL A. Nation and Family: the Swedish Experiment in Democratic Family and Population Policy. L. 1945; EJUSD. The Cost of Living in Sweden, 1830—1930. L. 1933; EJUSD. The Political Element in the Development of Economic Theory. New Brunswick-New Jersey. 1990; WIGFORSS E. Egendomsutjämning och arvsskatt. Stockh. 1928.
8. Северная Европа. Регион нового развития, с. 239.
9. KANGAS O., SALONIEMI A. Historical Making, Present and Future Challenges for the Nordic Welfare State Model in Finland. NordMod 2030. Oslo. 2013, Sub-report 6, p. 25.
10. Северная Европа. Регион нового развития, с. 442; Euro-Atlantic Partnership Council (EAPC). NATO. North Atlantic Treaty Organization. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/51288.htm>.
11. The Nordic Council: the Official Inter-Parliamentary Body. Norden (The Nordic Council) (Северный Совет)]. URL: <http://www.norden.org/>.
12. АНТРОПОВ В.В. Социальная защита в странах ЕС: механизмы воздействия. — Труд за рубежом. 2008, № 1, с. 95—103.
13. SAUKKONEN P. Suomalaisen yhteiskunnan poliittinen kulttuuri. Helsinki. 2012, p. 27—52.
14. Северная Европа. Регион нового развития, с. 390—391.
15. Nordic Statistical Yearbook. Copenhagen. 2007, vol. 45, p. 95.
16. Ibid., p. 219.

Особенности наказания по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в.

С.Ю. Краснов

Аннотация. В данной публикации автор проводит конкретно-историческую реконструкцию некоторых этнических особенностей наказания виновных по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX века. Впервые акцент делается не на объекты правонарушений, а на виды наказаний, их трансформацию и, особенно, на субъекты правонарушений, что позволяет автору показать особенности и своеобразие практического применения донскими казачьими общинами различных видов наказаний (мер ответственности), их эффективность или, наоборот, безрезультативность.

Ключевые слова: обычное право, донские казаки, субъекты правонарушений, особенности наказания виновных, история России.

Abstract. In this publication, the author conducts a concrete historical reconstruction of some ethnic features of the punishment of those guilty according to customary law from the Don Cossacks in the second half of the 19th century. For the first time, the author focuses not on the objects of offenses, but on the types of punishments and their transformation, and especially on the subjects of offenses, which allows the author to show the peculiarities and specificity of the practical application of various penalties (measures of responsibility) by the Don Cossacks' communities, their effectiveness, or, conversely, futility.

Key words: customary law, Don Cossacks, subjects of offenses, peculiarities of punishment of perpetrators, history of Russia.

Большинство современных авторов, занимающихся изучением обычного права различных народов, населявших Российскую империю во второй половине XIX в., традиционно, вслед за официальным законодательством, выделяют и исследуют обычное гражданское, обычное уголовное, административное, семейное, земельное, наследственное, обязательственное право и т.д. При этом отдельно рассматриваются вопросы применения ответственности за допущенные членами общины правонарушения, то есть гражданско-правовой, уголовно-

Краснов Сергей Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент Института права Волгоградского государственного университета. E-mail: Krasnov@volsu.ru.

Krasnov Sergey Yu. — PhD (Law), associate professor at the Institute of Law, Volgograd State University. E-mail: Krasnov@volsu.ru.

правовой, административно-правовой, семейно-правовой, деликтный, имущественный и иные виды ответственности.

Также большинство современных авторов традиционно разделяют нормы материального и процессуального обычного права, что с неизбежностью приводит к искажению объективной картины действия норм обычного права, правосознания и правопонимания у донских казаков в указанный период времени.

Традиционное рассмотрение отдельных видов ответственности за допущенные членами общины правонарушения не позволяет исследовать научную проблему наказания виновных по обычному праву целостно и всесторонне, выявить и охарактеризовать основные этнические особенности применения ответственности к правонарушителям. Акцент на виды наказаний и их трансформацию, а, особенно, на субъекты правонарушения позволяет не только охватить все стороны жизнедеятельности донских казачьих общин, но и одновременно показать особенности и своеобразие практического применения донскими казачьими общинами различных видов наказаний (мер ответственности).

Одна из характерных, сущностных, этнических особенностей наказания донскими казачьими общинами виновных в каком-либо правонарушении заключалась в том, что назначение ими конкретного наказания правонарушителю зависело в основном от субъекта, привлекаемого к обычно-правовой ответственности («глядя по человеку»), а более точно — от его характеристики как личности и как гражданина через оценку его воспитания и поведения, осуществления им своих прав и обязанностей в частной и общественной жизни со стороны донской казачьей общины.

«Февраля 27 (1859 г. — С.К.) Войска Донского в станице Акишевской (граждане. — С.К.) рассуждали: станицы нашей казак Мишарев неоднократно жаловался станичному правлению, на дурную жизнь жены своей Анисьи, которая не занимается трудами по домашности, часто отлучается неизвестно куда, ведет праздную жизнь, уклоняясь от совместного сожителства, что подтверждают соседи его, вследствие чего станичное правление вызывало означенную Анисью и предлагало ей вести добрую семейную жизнь, но это на нее не подействовало по сему полагаем: для исправления худой нравственности наказать казачку Анисью Мишареву (23 лет) при станичном сборе розгами 25-ю ударами и предложить ей, отречься на будущее время от дурной своей склонности»¹.

Ни пол, ни возраст, ни конкретное количество видов наказаний, применявшихся к правонарушителю, как и субъективная сторона, то есть осознание виновным лицом совершавшегося правонарушения (с умыслом или нет), а также любые смягчавшие или отягчавшие ответственность обстоятельства, практически не учитывались донскими казачьими общинами при назначении конкретного наказания конкретному правонарушителю. Если же иногда они и учитывались, то все равно были во всех подобных случаях так или иначе связаны с оценкой личности виновного.

«1843 года ноября 7 в Воскресенье Вёшенской станицы станичное общество слушали доклад станичных правителей о дурной жизни казака Симиона Кошкина и 18-летнего выростка Антона Фадеева,

доставленных с хутора тамошним обществом за то, что они ведут праздную жизнь, обращаются в пьянство, отлучаются в ночное время из домов своих на чужих лошадях, которых берут тайно с попаса, отчего возникают на них подозрение в случающихся воровствах. Между тем обличились они в воровстве у казака Быкова трех неделанных курпьев и Фадеев в воровстве в саду у казака Гаврилы Фадеева яблок, с коими Антон пойман хозяином и добровольно повинился, извиняя себя тем, что ему с хворости захотелось яблок. Положили: наказать их на сборе по казачьему обыкновению плетьюми дав из них Кошкину яко путеводителю по изъяснению хуторян 30 и Фадееву в уважение молодых его лет 25 ударов»².

«Среди простого народа держится в числе способов мести обычай мазать дегтем дома, ворота и прочее тем, кому желают отомстить. На днях имел место случай подобного мазанья в хуторе Александровско-Кундрючевском Новочеркасской станицы.

В ночь на 10 ноября (1896 г. — С.К.) здесь, как нам пишут (в редакцию газеты «Донская речь». — С.К.), было выпачкано дегтем здание хуторского управления, где живет хуторской атаман. Кто проделал это, неизвестно.

Вечером 9 ноября хуторской атаман, по словам корреспондента, арестовал двух парней с гармоникой за то, что они играли на гармонике ночью под воскресенье.

Он наказал их таким образом: одному приказал играть на гармонике, а другому петь в течение двух часов. Через час атаман отпустил их с условием, чтобы они отбыли наказание на другой день. Парни ушли, а через несколько часов было замечено, что здание хуторского правления вымазано дегтем»³.

Количество различных видов наказаний, применявшихся к правонарушителю, без четко установленных донской казачьей общиной ограничений и сама их строгость опять же зависели от субъекта, а не от объекта правонарушения, а также от того, подчинялся ли виновный коллективной воле общества или нет.

«19 ноября минувшего 1893 года заведующим льготными частями в станице Филоновской 1-го Донского округа был произведен смотр казаков 1, 2, и 3 очередей. Казаков оказалось около 400 человек. В числе их человек 80, из двух последних очередей были с различными неисправностями в военном обмундировании, а некоторые и не имели лошадей. Явление обыкновенное.

Местный станичный атаман Б.Б. Антонов, кстати сказать, служащий в этой должности кряду четвертое трехлетие и деятельностью своею давно отметивший себя в глазах начальства, взглянул на эту неисправность серьезно и на основании предоставленного ему законом права наказал неисправных, применив к ним весьма разумную меру.

Надо сказать, что в юрте станицы Филоновской, как и во многих других, есть луговое место почти не дающее сенокос, но удобное для лесонасаждения. На этом-то месте г. Антонов назначил казакам общественную работу от одного до пяти дней, смотря по мере неисправности и состоянию наказуемого.

Он сам с доверенными поехал на луг, размежевал его полосами и другими знаками и обязал каждого наказанного рыть ямы и канавы

и засаживать молодыми саженцами вербы, тополя, вяза, хвороста. Саженцы брались на песчаных косах около леса, где они растут в большом количестве и густо после полой воды (от заносимых семян), а затем пропадают почти все во время следующего половодья, или затягиваются песком и илом. Подводы для доставки саженцев назначены от тех же наказанных, а лопаты и другие орудия доставлены станичным правлением. Посадка саженцев была очень легка, а потому станичный атаман обязал каждого казака посадить в день не менее 50-ти штук.

Наказание это, не говоря о том, что оно понравилось всему филоновскому обществу, не было обременительно и самим наказанным; они вынесли его безропотно, добросовестно (под постоянным однако присмотром помощников станичного атамана) и посадили свыше десяти тысяч молодняка.

Зная местность посадки, ее почву и восприимчивость, можно с уверенностью сказать, что от наступающих холодов и других причин погибнет не больше одной пятой части или даже меньше саженцев, а остальные должны приняться.

Наказание чувствительное для виновных и в высшей степени полезное для общества. Если вообще за маловажные проступки станичную властью будут применяться такие или подобные им наказания, то от них можно ожидать прекрасных результатов. Нельзя не отметить назидательного примера г. Антонова для других станиц»⁴.

«А в самой станице (станция Казанская. — С.К.) злобою дня служит процесс урядника В. с одним господином, выпачкавшим дегтем стену его дома. Господин этот еще в апреле месяце был приговорен станичным сходом к изгнанию вместе со своими родителями за пределы станицы.

Безнравственный, развращенный до мозга костей, он вздумал следить за нравственностью своих соседей и предавать их публичному позору. Для достижения своей похвальной цели он употреблял дегтярный помазок. Сколько именно раз пускал он в ход это импровизированное орудие до этого времени, осталось недоказанным, но, когда ему вздумалось разрисовать дегтем стену урядника В., его постигла неудача.

Ночная прогулка живописца с помазком в руках подтвердилась свидетельскими показаниями, и В. притянул его к ответственности. По рассмотрении жалобы станичный суд приговорил ответчика у чему бы Вы думали? к метению в течение недели станичных улиц.

Не по нутру пришлось художнику такое решение: для его артистического самолюбия во сто крат было бы лучше откупиться деньгами. Полетели кассационные жалобы по судебным инстанциям — не помилуют ли хоть там? — Мировой съезд, как слышно, уже отказал ему. Откажут, наверное, и другие инстанции.

Не миновать, должно быть, ему метенья улиц! Оно и прекрасно. Улицы наши, действительно, очень сорные, и художнику не мешает попрактиковаться с метлой вместо дегтярного помазка»⁵.

Таким образом, применение комплексных или дополнительных наказаний не являлось, со стороны донских казачьих общин, проявлением субъективизма отдельных граждан и (или) судей, а выражало волю всего общества.

Например, донские казаки могли применять в любой последовательности сразу несколько видов наказаний. При этом дополнительные и комплексные наказания за одно и то же правонарушение представляли собой различные комбинации (варианты) тех или иных наказаний, применявшихся ранее к совершенно иным объектам регулирования, причем обычное право донских казаков не устанавливало никаких запретов на подобное сочетание самых разных по направленности действия, целям, содержанию отдельных видов наказаний, что в совокупности давало огромное количество их вариантов.

«Кто жил более или менее продолжительное время в хуторе, тот, конечно, не мог не заменить одной характерной черты из жизни нашей поселковой власти.

Черта эта — склонность к канцеляризму вообще, и к составлению всевозможных протоколов, в частности. Последние пишутся из-за всякого пустяка и преследуют совсем не ту цель, какую имел законодатель.

Протоколы составляются неправильно и служат средством для магарыча. И это средство, действительно, сильное, почти всегда приводящее к желаемым результатам. Да иначе и быть не может. Ведь каков бы ни был протокол, правильно составленный или нет, с ним всегда связана известная судебная волокита.

Нередко приходится ехать за несколько десятков верст к мировому судье на разбор дела и тратить из-за нелепого протокола и деньги, и время, часто очень дорогое, например, в рабочую пору. Иной раз таких поездок делается несколько. Конечно, чтобы избавиться от всего этого, большинство предпочитает отделаться лучше магарычем, и скорее и менее убыточно»⁶.

«Произведенным полицейским дознанием выяснилось, что казак Михайловской станицы Фёдор Климов, пользующийся правами по образованию 3 разряда, ведет разгульную жизнь, буйствует в станице и наносит обиды не только частным, но и должностным лицам, продолжая вести такую же жизнь и после неоднократно налагавшихся на него дисциплинарных взысканий, почему Войсковой Наказной Атаман войска Донского признал необходимым командировать его без очереди на службу в один из первоочередных полков, на 4 года.

Из представленного окружным атаманом Черкасского округа общественного приговора граждан Новониколаевской станицы и произведенного военным приставом дознания видно, что казаки Новониколаевской станицы Григорий Симоненков, переписи 1878 года, и Иван Левицков, 1879 года, состоя должными станице значительную сумму денег за исправление их к военной службе, не только не заботятся об уплате этих денег, но по нерадению приводят в негодность и сбывают имеющееся у них воинское обмундирование, снаряжение и строевую лошадь, требуя этим новых непроизводительных затрат со стороны станичного общества.

Войсковой Наказной Атаман войска Донского признал необходимым, в виде исправительной меры и в пример другим льготным казакам, командировать их в один из первоочередных полков, на 4 года»⁷.

Отсюда не были случайными и коллективное исполнение наказаний в традиционных обычных народных судах (суды понятых, со-

седей, хуторского схода и др.) и внесудебные самосуды над виновными, которых общины лишали права на «казачий присуд» по нормам обычного права.

Еще одной особенностью при назначении того или иного наказания являлось действие у донских казаков во второй половине XIX в. в качестве общего подхода принципа виновности подозреваемых в правонарушении до того момента, когда их виновность в совершенном правонарушении будет опровергнута различными видами доказательств.

«1843 года ноября 21 Вёшенское станичное правление в наличном собрании своем по выслушивании жалобы казака Анисима Кательникова, что дочь его, женка Пелагея, находящаяся у него во дворе за нахождением мужа на службе, вдавшись в распутство, вышла у него из повиновения, наконец дошла до дерзости противу его и второбрачную жену его, а свою мачеху прибила и в этом и сама Пелагея не запирается под тем предлогом, что они обоюдно подрались. Положили: в уважение жалобы родителя, а с другой стороны и по известности о худой нравственности Пелагеи (для воздержания ее оттого) наказать на станичном сборе палками, дав ей 40 ударов. Подтвердить безусловно повиноваться отца и быть всегда в почтении к нему, за чем поручить приказному иметь наблюдение»⁸.

«1845 года Войска донского Еланской станицы станичные правители и граждане на станичном сборе имели суждение о том, что сей станицы казак Демьян Батальщиков, не делает должного повиновения тестю своему казаку Ивану Алфёрову, и тещи жене его, самовольно отлучается из дома без сведения его Алфёрова и семейства, совершенно не радеет о домашности... и кроме того наносит ему с женою грубости и оскорбления, а потому постановили: казака Батальщикова за таковые поступки в почувствование наказать на сборе розгами... И строго приказать, чтобы он жил у тестя своего Алфёрова в полном повиновении, и отнюдь без сведения его из дома не отлучался»⁹.

«На сборе Кумылженской станицы граждане, выслушав указ Хоперского Окружного Сыскного Начальства от 29 ноября о определении казачке Дарье Брыкиной 30 ударов розгами наказания за побег от места жительства и производство суда за ложное показание о беременности чего впоследствии не оказалось положили: за ложные показания о беременности казачки Брыкиной наказать ее сверх определенных начальством 30 ударов десятью ударами розгами»¹⁰.

«1842 года Августа 16 дня Войска Донского в Гниловском станичном правлении общественное собрание имело суждение о покраже казакон сей станицы Ильёю Кальяновым с пашней у крестьянина Ковалёва разного жатого хлеба, а именно пшеницы две с половиною копны и жита одну копну сорок четыре снопа положили: за воровство казака Кальянова... наказать при сборе сем телесно 30-ю ударами розгами затем ему Кальянову приказать крестьянина Ковалёва удовлетворить возвратом такового количества хлеба натурою»¹¹.

Проявлением данной особенности являлось и применение к подозреваемым физической силы, чтобы заставить их сознаться в совершенном правонарушении. В большинстве случаев это касалось граждан, уже ранее подозревавшихся в воровстве или подорвавших свою репутацию различными неблагоприятными поступками (празд-

ный образ жизни, пьянство, неведение домашнего хозяйства и т.п.). По отношению к данным членам донской казачьей общины доказательства их невиновности для назначения конкретных наказаний не имели большого значения, вина правонарушителей предполагалась и даже не требовала никакого обязательного опровержения.

К следующей особенности можно отнести полное отсутствие у донских казаков в указанный период времени какой-либо зависимости между количеством, строгостью, обязательностью и неотвратимостью наказания правонарушителей и степенью их вины. Степень вины вообще не учитывалась при привлечении виновных к обычно-правовой ответственности.

Например, в Вешенской станице в 1853 г. «казака Потапа Ващаве за поступок сей учиненный им среди станичной службы (кража шинели. — С.К.) наказать 30 ударами розгами, подтвердив при том на будущее время исправить поведение свое. Так как шинель без повреждений, то удовлетворения никакого не полагать»¹².

В Акишевской станице в 1852 г. «казака Зрянина, за воровство 3-х индеек наказать через дневальных казаков 20 ударами розгами и Лунькина по малолетству 5-ю ударами, пороки их огласить по штрафной книге, что и исполнить при собрании народа»¹³.

Кроме того, обычное право донских казаков не знало круговой поруки. Любое наказание правонарушителей носило строго индивидуальный, персональный характер и в очень редких случаях, когда наблюдался конфликт интересов между станицей и отдельным хутором, оно допускало коллективную ответственность хутора перед станицей.

Об этом может свидетельствовать случай, произошедший в станице Атаманской. «Недавно к нам доставлена была из хутора Шебалина “партия” из 5—6 подростков-мальчиков, назначенных на станичные работы за разные мелкие преступления, совершенные ими. Среди “партии” обращал на себя внимание небольшой мальчуган 11—12 лет. На вопрос, за что он подвергся наказанию, бедный ребенок только плакал и дрожал, не будучи в состоянии от горя и страха произнести ни слова. Оказалось, что попал он в “партию” за проступок самого ординарного свойства: он был пойман в чужом саду, где лакомился фруктами. В наказание — путешествие “с этапом” из хутора в станицу верст за двенадцать и поливка деревьев в общественном саду». Нужно заметить, что количество ведер воды, которые должен принести «маленький преступник» из общественного колодца в сад в наказание за свой проступок вообще колеблется, смотря по степени вины, между 50-ю и 600-ми»¹⁴.

«Нам (в редакцию газеты «Донская речь». — С.К.) пишут, из станицы Константиновской: Мы (местные информанты. — С.К.) были случайными свидетелями привода в окружную тюрьму для заключения двух мальчиков, из которых одному 13, а другому 14 лет, и постарались узнать, в чем заключается их преступление. Каково же было наше изумление, когда нам сообщили, что дети посажены в тюрьму за то, что захотели полакомиться яблоками, завлекшими их в чужой сад.

Зачем же мы отправляем детей в этот омут грязи и безнравственности, где исправление для них, если только признать их порочными, во всяком случае немыслимо, а возможно, наоборот, приобретение гораздо худших склонностей?»¹⁵

«На второй день святой Пасхи (в 1895 г. — С.К.) в селении Кагальника Ростовского на Дону округа, в 8 часов утра, человек 16 парней с каким-то особым ожесточением гнались за своим односельчанином, неким Лучинским. Вся эта толпа долго гоняла его по улицам, садам и огородам, где истоптала гряды с посаженными овощами, и, наконец, когда Лучинский выбился из сил, парни схватили его, сняли с него одежду, затем двое из них распяли ему руки и, черпая из колодца холодную воду, начали ведрами лить ее на несчастного, который кричал, рвался и плакал.

Как оказалось, Лучинский был таким образом наказан за то, что не был у заутрени. Незадолго до этого он болел и еще был слаб после болезни; но это не помешало парням учинить над ним варварскую расправу»¹⁶.

Еще одну особенность следовало бы охарактеризовать как двоякую и противоречивую в плане понимания донскими казачьими общинами тех немногих случаев, когда они обращались к официальным властям разных уровней, чтобы привлечь некоторых из членов своей общины к ответственности по официальному законодательству Российской империи. Речь в основном шла о временном выселении правонарушителей в другие станицы или их командировании вне очереди на несколько смен для службы в полках в целях возможного исправления.

Так, в 1872 г. граждане хутора Солдатова учинили приговор в том, «что одного с нами хутора казак Афанасий Иванов Ушаков с давних лет имеет склонность к похищению чужой собственности и неоднократно в том подозревался, грубым же и несклончивым своим характером многих чувствительно обижал, жизнь со всем его семейством ведет отчасти праздную развратную и неудовлетворительную в хорошем общежитии: знаетса и придерживается сомнительных людей, словом состоит в числе негодных людей, которые по правилам законом установленным в пример других удаляются на время или на всегда в отдаленные места, а также по низкой жизни его Афанасия Ушакова приговариваем по оглашении на станичном сходе не благоугодно ли будет исключить из общества Вёшенской станицы и потерять имя дурного и негодного казака Афанасия Ушакова». Общество Вёшенской станицы, «рассуждая о сем полагает: казака Афанасия Ушакова за подобные поступки на основании Высочайшие утвержденного положения об общественном управлении в казачьих войсках лишить права голоса на станичных сходах во всяком случае не менее как на 1 год до исправления его в поведении»¹⁷.

Помимо этого, в качестве самого сурового наказания могли выступать или бессрочное, пожизненное, выселение наиболее вредных для общества членов общины в основном в Сибирь, или применение внесудебных расправ над профессиональными ворами и конокрадами в виде самосудов, которые зачастую были обусловлены невозможностью немедленного выселения таких лиц из станиц и хуторов.

«В течение двух месяцев у нас убито неизвестно кем два человека, по профессии воры. Народная эта расправа до того аккуратно исполнена, что совершено не открыто следов к подозрению кого-либо. Один из убитых был несколько дней жив с пробитою острым оруди-

ем головою, но кто его ранил при дознании не открыто. Он, на утро того дня, под который ночью на него напали убийцы, женою найден в их огороде, лежащим без чувств, с мешком садовых яблок, поэтому догадывались, что нападение на него сделано хозяином сада.

Другой убитым найден на берегу речки, лежащим вверх лицом с распростертыми руками, до того изувечен, что насколько он был местным жителям по его профессии известным, никто не мог признать, даже отец и жена. Голова вся изуродована, руки поизрезаны, грудь разбита и ребра все поизломаны.

Об убитых никто не сожалеет, а напротив все радуются. Причем многие убеждены, что на остальных воров убийства эти повлияют.

Казак, у которого угнали лошадь, отправился в дом подозреваемого вора и заявил ему, что, если он его сворованной лошади не пригонит, то убьет. На другой день лошадь оказалась на выгоне, около двора того казака»¹⁸.

«Дело в том, что в хутор Арженовский попал какой-то бродяга, как говорит молва, казак Верхне-Чирской станицы, занимающийся разбоем. В лунную ночь он, с целью грабежа, забрался в дом одного казака, которого едва не зарезал. На шум прибежал с гумна сын казака, как говорят, молотивший в это время, и, наскочив на скрывающегося разбойника, ударил его железными вилами; последний, спасая жизнь, бросился в Чир, чтобы, переплыв его, скрыться, но по берегам его с обеих сторон стояли хуторяне, сбежавшиеся узнать в чем дело.

Долго плавал преступник от одной стороны реки к другой, желая выйти на берег, но как только он близко подплывал к берегу, его сейчас же снова, чем ни попало, прогоняли на середину реки — волей-неволей нужно было утопать. Тогда явились сострадательные души, — сели на лодку и подплыли к разбойнику. Один из сидевших в лодке, вздумал “огорошить” преступника, чтоб, таким образом самим быть безопасным и так удачно выполнил свое намерение, что он тут же Богу душу отдал.

Хуторяне, убоявшись ответственности за убийство, прибегли к угощению, чтобы, как ни на есть замять это дельце. Вскрывая труп, врач хотя и нашел разбитую голову и перебитые ребра, но полицейское дознание ничего не открыло (что легко допустить вследствие желания жителей скрыть свой поступок) и «по бездоказательности» и этот разбойник был причислен к группе утопленников и предан земле»¹⁹.

Лишение профессиональных воров, конокрадов и других неудобных членов общины «казачьего присуда», то есть возможности судиться по своему обычному праву, преследовало в качестве дополнительной цели также желание большинства членов донской казачьей общины подвергнуть неудобных и негодных для общины отдельных своих членов более суровому, по их обычно-правовым представлениям, наказанию.

В тех случаях, когда донская казачья община отказывалась судить виновных своих членов по нормам обычного права, она тем самым выражала желание казаков подвергнуть обвиняемого более строгому наказанию в соответствии с официальным законодательством. «1858 года мая 14 дня Войска Донского в Гниловском станичном Правлении граждане слушали объявление судьи станицы сей казака

Фёдора Маштакова от 12 мая в следующем, что 12 числа сего месяца в собрании общества казак Степан Касалапов без объяснения причин начал его Маштакова поносить ругательными словами, и называть сукиным сыном в чувствительную обиду его. По обсуждении своем положили: поступок казака Касалапова в объявлении судьи казака Маштакова прописанный общество принимает правильным, что Касалапов бывает во всяком случае против граждан, буйным и строптивым вследствие чего представить Сыскному начальнику Черкасского округа просить с казаком Касалаповым поступить по законам»²⁰.

В объявлении от 27 сентября 1860 г. казак Мигулинской станицы Пётр Сысоев Абакумов жаловался, что «родные дети... сыны Конон и Кондрат по неизвестным причинам отошли от меня прочь, т.е. видел каковых я удерживал, не давал им и никакого имени, но они не смотря ни на что ограбили меня и при том избили меня так сильно что у рук они пальцы повыломали и кроме нанесли сильный бой и чувствительные оскорбления и я всячески старался удержать их, чтобы они не наносили мне такие выше прописанные обиды и не уклонялись от меня. Прошу поступить с моими сынами на основании закона, взыскать с них за чувствительную таковую обиду»²¹.

«1857 года октября 28 дня, общество Мечетинской станицы при собрании своем положили: так как вдова казачья жена Анна Китенёва действительно занимается пьянством, имеет пристрастие к прелюбодеянию и оставляет свой дом с детьми без всякого призрения, то в пример другим на полном станичном сходе, наказать ея Китенёву 25 ударами розгами, и при том строго приказать ей, что если она и от таковых поступков ни мало не воздержится, а замечена будет в оных хотя малейше, то тогда ея Китинёву представить куда надлежит без всякого со стороны общества уважения с просьбою о предании ее суду по закону»²².

В то же время, если некоторые из уважаемых членов донской казачьей общины подвергались наказанию за допущенные нарушения норм официального законодательства, то донские казачьи общины, наоборот, считали их наказание слишком суровым, с точки зрения действовавших в донских казачьих общинах норм обычного права. В этом заключалось своеобразное понимание донскими казаками принципов законности и справедливости.

И, наконец, в качестве последней, основной, особенности наказания виновных, характеризовавших этническое своеобразие обычного права у донских казаков во второй половине XIX в., можно указать на существование неразрывной обратной связи между обязательным, неотвратимым наказанием правонарушителя и представляемой ему ограниченной только донской казачьей общиной возможностью примирения виновного лица с потерпевшим. Эта особенность была внутренне присуща обычному праву донских казаков с глубокой древности и доказала свою эффективность и действенность в поддержании спокойствия и мира внутри донской казачьей общины.

Она находила свое конкретное выражение в самых разных видах примирения и прощения вины или долга, среди которых донские казаки в указанный период времени практиковали следующие: 1) добровольное, договорное примирение между сторонами на своих условиях, без участия донской казачьей общины; 2) обязательное, прину-

дительное, внедоговорное примирение с участием донской казачьей общины и на условиях, определенных самой общиной; 3) примирение сторон, связанное с правонарушением; 4) примирение сторон, не связанное с правонарушением; 5) примирение сторон с применением наказания к правонарушителю с участием или без участия донской казачьей общины; 6) примирение сторон без применения наказания с участием или без участия донской казачьей общины; 7) прощение долга с наказанием виновного (должника) с участием донской казачьей общины или без ее участия; 8) прощение долга без применения наказания к виновному (должнику) с участием донской казачьей общины или без ее участия.

Ко всем вышеуказанным видам примирения и прощения вины и (или) долга следовало бы добавить возможное применение донскими казачьими общинами как отдельных, дополнительных, так и комплексных наказаний, что в результате ограничивало реализацию возможности полностью избежать наказания и освободиться от долга. В подобных случаях правонарушитель нес частичную ответственность перед потерпевшим и донской казачьей общиной.

«11 марта (1888 г. — С.К.) в Усть-Медведицком окружном суде, с участием присяжных заседателей, разбиралось дело о бывшем Мигулинском станичном атамане коллежском регистраторе Андрее Семёнове Полякове, преданном суду за лихоимство.

Обстоятельства этого дела, как они изложены в обвинительном акте, заключаются в следующем: находящаяся в юрте Мигулинской станицы часть поемного луга под названием “Пузо”, в количестве более 300 десятин, в течение нескольких лет была в исключительном пользовании жителей самой станицы Мигулинской, без участия жителей хуторов ее. Состоя в должности Мигулинского станичного атамана и находя такое пользование лугом жителей станицы не законным, т.к. право пользования им принадлежало в равной степени и жителям хуторов, подсудимый Поляков в 1885 году решился внести вопрос об изъятии названного луга из пользования жителей станицы на обсуждение полного общественного схода.

Узнав об этом, жители станицы немедленно собрали свой, так сказать, домашний сход с целью обсудить вопрос о том, как поступить в данном случае, т.е. какие меры принять для того, чтобы отстоять свое право на пользование названным лугом.

Судили, рядили и, наконец, пришли к тому заключению, что необходимо “подмазать” атамана и просить, чтобы он не докладывал об этом полному сходу, или же, если это невозможно, то, по крайней мере, постарался бы о том, чтобы право пользования лугом “Пузо” осталось, по-прежнему, за ними, жителями самой станицы.

Исполнение этой миссии было возложено на трех толковых сограждан, которым тут же и было вручено 25 рублей для передачи подсудимому Полякову. Получив деньги, “миссионеры” немедленно отправились к атаману, и передав ему эти 25 рублей, просили устроить дело так, чтобы лугом “Пузо”, по-прежнему, пользовались лишь жители одной станицы.

Поляков принял деньги, обласкал просителей, обещал сделать все так, как они желают, и протер свою любезность до того, что угостил их даже водкою. Расставаясь с просителями, Поляков нака-

зывал им не беспокоиться и уверить остальных жителей, что все будет устроено так, как нельзя быть лучше. Это одно обвинение.

Затем другое — в 1886 году по распоряжению подсудимого Полякова, как станичного атамана, были собраны те из жителей станицы, которыми были заняты левады и разведены рощи. Жителям этим Поляков заявил, что, если они не доставят ему по одной вербе на постройку дома (подсудимый в то время строил дом в станице Мигулинской), то он на первом же сходе доложит обществу, что они незаконно владеют левадами, т.к. заняли их и развели рощи без всякого разрешения со стороны схода, и, вместе с тем, постарается настоять на том, чтобы левады были у них отобраны в пользу общества.

Выслушав это заявление, владельцы левад, недолго думая, согласились удовлетворить требование атамана, и через несколько дней доставили ему по вербе, за что, помимо обещания молчать о левадах, удостоились выпить от Полякова по рюмке водки.

На судебном следствии все приведенные обстоятельства вполне подтвердились, и присяжные заседатели, после непродолжительного совещания, по первому обвинению вынесли подсудимому обвинительный вердикт, причем, однако же, дали ему снисхождение; по второму же обвинению признали его невиновным.

Приговором суда Поляков присужден к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, и к ссылке на житье в Пермскую губернию. Но при этом суд, усматривая в деле уменьшающие вину обстоятельства, признал необходимым ходатайствовать пред Государем Императором для смягчения осужденному определенного наказания и о замене такового 2-х месячным тюремным заключением с ограничением некоторых прав.

Таким исходом дела большая часть находившейся в зале заседания публики осталась недовольна и в душе упрекала присяжных заседателей в чрезмерной строгости к подсудимому, которого, по мнению некоторых, следовало бы безусловно оправдать (?), т.к. за такую ничтожную взятку, как 25 рублей, и в тюрьму — то посадить человека было бы уж чрез чур много»²³.

Помимо этого донские казачьи общины довольно часто допускали замену одного наказания другим по воле и по выбору самого виновного (должника) или независимо от его воли и выбора. В последнем случае традиционные обычные народные и станичные суды или сразу выносили приговоры, в которых виды применявшихся к правонарушителям наказаний были сформулированы как альтернативные, то есть допускавшие замену наказания, но только при отсутствии реальной возможности понести первоначальное наказание, или же вышеперечисленные суды в своих решениях прямо не указывали на возможность замены одного наказания на другое, но всем своим последующим поведением намекали и даже открытым текстом склоняли к этому.

«7-го января (1891 г. — С.К.), в станице Грушевской казак Бков, за кражу мешка с салом у казака Смелова, был лишен чести по староказачьему обычаю, а именно: ему привязали на спину найденный у него мешок с салом и в таком виде, при многочисленном стечении народа, с бранью и насмешками, провели почти через всю станицу, на протяжении 3—4 верст, а затем посадили в холодную

(станичную тюрьму. — С.К.) при станичном правлении с тем, чтобы он выкупился оттуда «напоем», то есть покупкой изрядного количества водки для станичников».

Любопытно, что подобные события происходили всего в семи верстах от областного центра Новочеркасска ²⁴.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить следующее: необходимо учитывать, что ни одна из рассматриваемых в данной работе особенностей наказания виновных не является по отношению к другой главной или второстепенной, поэтому их необходимо рассматривать в совокупности. Только такой подход придает конкретно-исторической реконструкции особенностей наказания виновных исторически объективный, достоверный и научно обоснованный характер.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века» — проект № 11-12-34009а/В.

1. Государственный архив Ростовской области (ГА РО), ф. 338, оп. 2, д. 335, л. 6—6об.
2. Там же, ф. 338, оп. 2, д. 592, л. 103—103об.
3. Мазанье дегтем. — Донская речь. 1896, № 293.
4. Е.П. Разумная мера наказания. — Там же. 1894, № 6.
5. Станица Казанская. — Там же. 1890, № 76.
6. И.Н. По Дону. — Там же. 1896, № 227.
7. Командирование в полк. — Там же. 1890, № 108.
8. ГА РО, ф. 338, оп. 2, д. 592, л. 133.
9. Там же, оп. 3, д. 156, л. 23об.—24.
10. Там же, д. 498, л. 50об.—51.
11. Там же, ф. 338, оп.2, д. 1318, л. 86—86об.
12. ГА РО, ф. 338, оп. 2, д. 639, л. 69—69об.
13. Там же, д. 314, л. 10.
14. По области. Станица Атаманская. — Приазовский край. 1897, № 193.
15. Мелкие воры. — Донская речь. 1895, № 1.
16. Грубая расправа. — Там же. 1895, № 44.
17. ГА РО, ф. 338, оп. 2, д. 677, л. 53—53об., 57—57об.
18. Казак. Из Л... станицы. — Донские областные ведомости. 1875, № 86.
19. Из станицы Чернышевской. — Донской голос. 1882, № 73.
20. ГА РО, ф. 338, оп. 2, д. 1332, л. 38—38об.
21. Там же, д. 1093, л. 91—91об.
22. Там же, оп. 3, д. 1080, л. 18.
23. Нето. Дело о лихоимстве. — Донская речь. 1888, № 39.
24. Староказацкое лишение чести. — Там же. 1891, № 3.

Женщина в «Салической Правде»

В.Н. Дряхлов

Аннотация. Автор объясняет причины высокого правового положения женщины среди салических франков сохранением прежних германских традиций и демографической ситуацией того времени. Женщина владела движимым имуществом на праве собственности, что служило основой для ее хозяйственной и личной самостоятельности в меровингскую эпоху.

Ключевые слова: семья, брак, рейпус, аказий.

Abstract. The author interprets the high legal status of woman among the Salian Franks as the result of the previous German traditions and the demographic situation of that time. The woman had the movable belongings as her private property. It made the basis of her personnel and economic independence in the Merovingian period.

Key words: family, marriage, reipus, achasius.

Давая оценку семейному строю у германских народов в раннее средневековье, Ф. Энгельс писал: «... германцы... смягчили господство мужчины в семье, дали женщине более высокое положение, чем то, которое знал классический мир»¹. Согласно другому, сдержанному, мнению, «германские источники в виде текстов законов тех племен, которые переселились в Италию, Францию, Испанию и Британию, отмечают невысокий статус для германских женщин... Как по греческому и раннему римскому праву германские женщины оценивались как неспособные присматривать за собственными интересами»². Существует и жесткая оценка: «В некоторых районах Германии в средневековье (и, несомненно, в более ранний период) к женам относились не лучше, чем к скотине»³. Подобный разброс мнений, по-видимому, обусловлен трактовкой использованных этими авторами источников.

Дряхлов Владимир Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Киров. E-mail: vdryakhloff@mail. ru.

Dryakhlov Vladimir N. — candidate of historical sciences, associate professor at the Volgo-Vyatskiy Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL). Kirov. E-mail: vdryakhloff@mail. ru.

Отечественные исследования брачно-семейных отношений во Франции раннего средневековья могут опираться лишь на документы, датированные не ранее, чем IX в., поскольку только начиная с этого времени сохранилось достаточное количество подходящих для статистического сравнения актовых данных ⁴.

Из числа зарубежных работ стоит выделить весьма содержательную монографию С. Уэмпл, в которой рассматривается влияние римских, христианских и древнегерманских семейных и этических норм на развитие семейных отношений в меровингские времена ⁵. Однако некоторые исходные данные (особенно имущественные) в статусе франкской женщины определены в ней не до конца. Их поиск и толкование стали задачей данной работы.

Семейный строй франков, каким он предстает по данным «Салической Правды» — главного письменного источника начала VI столетия в королевстве Меровингов ⁶ — может быть понят только при осознании особенностей той исторической эпохи. «Салическая Правда» была составлена в последние годы правления Хлодвига (481—511), то есть, примерно в 507—511 годах ⁷. Ее дополнили капитулярии сыновей Хлодвига и первых королей династии Каролингов. Признается, что по своему содержанию она отражает «обычаи шестого века» ⁸. Но не следует забывать, что для закрепления обычаев в народной памяти всегда требовалось относительно долгое время. Поэтому в тексте судебника нашли свое место обычаи (в том числе и языческие), существовавшие к тому времени среди франков на протяжении уже нескольких (если не многих) десятилетий. Судебник отразил отрезок времени, начиная примерно с первой половины V столетия, когда франки еще находились на службе у Западной Римской империи.

Изначально салические франки обитали в низовьях Рейна. Одержав победу над ними в 357 г., римляне вытеснили их на северо-восток Галлии ⁹. Это сильно изменило их прежний родоплеменный образ жизни и хозяйствования. Победенные варвары назывались летами (*laeti*) и находились под управлением римских префектов (*praefecti laetorum*). Леты служили в римской армии. Их обычно расселяли на землях, выделенных императором ¹⁰.

Где-то на рубеже IV—V столетий салические франки были переведены на положение федератов ¹¹. Так они перешли под власть своих военных вождей. Вожди и старейшины франков предоставляли выделенную Римом землю (*terra salica*) в пользование тем семьям, где имелись мужчины, способные воевать. Очевидно по этой причине женщина не могла получить землю в наследственное владение, что и закрепила глава LIX «Об аллодах» ¹².

Статистические данные о смертности в раннее средневековье, известные по переписям податного населения IX в., говорят о том, что средняя продолжительность жизни в тот период не превышала 35—40 лет. Присутствие в описях большого числа взрослых холостых мужчин позволяет предположить «повышенную смертность девочек в младенчестве» ¹³. По-видимому, демографическая картина в начале меровингского периода была не лучше. В этом убеждают исследования костных останков из могильников того времени. Из такого рода данных видно, что больше всего женщин умирало в возрасте 25—35 лет ¹⁴.

Скорее всего, стоит согласиться с выводом, что нехватка женщин толкала мужчин-франков на похищение девушек для вступления в брак (XIII, 1—8) и даже чужих невест, ехавших на собственную свадьбу (XIII, 10, приб. 3—4).

Глава XLIV «О рейпусе» интересна следующим упоминанием: «Если человек, умирая, оставит вдову, и кто-либо пожелает ее взять, то, прежде чем он вступит с нею в брак, тунгин или центенарий должны назначить судебное заседание, и на этом заседании должен иметь при себе щит, и три человека должны предъявить три иска (*tres causas demandare*)». Судя по всему, так происходил спор о том, чьей женой станет вдова. Победивший в споре уплачивал родственникам покойного мужа вдовы «*geirus*», о сути которого будет сказано ниже. Очевидно, что данный ритуал закреплял преимущественные права мужчин-воинов на вступление в брак с вдовой для создания полноценной семьи и получения в связи с этим земельного надела.

Представляется, что именно малочисленность женщин брачного возраста обусловила высокий вергельд — 600 солидов, в то время как цена жизни более старшей женщины определялась в 200 солидов (XXIV, 6—7). Жизнь беременной женщины, умершей от нанесенных ей побоев, оценивалась в 700 солидов (XXIV, 3). Впоследствии I Капитулярий увеличил этот вергельд до 900 солидов (11.6). Если же покойная находилась под королевским покровительством, то вергельд равнялся 1200 солидам (I, 11.7). Сказанное позволяет осознать, что возможность женщины родить ребенка в восприятии общества и составителей судебного кодекса признавалась наиважнейшей. Кроме того, женщина обеспечивала развитие кровнородственных отношений как главного связующего начала при сплочении больших семейств, жителей хуторов и деревень в труде и при получении правовой защиты, поскольку прилюдно клясться в доброй репутации обвиняемого могли только его родственники (LVIII, LX).

Уважительное отношение к женщине, которое ощущается в «Салической Правде», было отчасти обусловлено приверженностью франков древнегерманской традиции, основанной на сохранении остатков матриархальных отношений¹⁵.

С другой стороны, демографическая ситуация с нехваткой женщин также диктовала необходимость проявлять к ней уважительное отношение. Обычай и закон охраняли физическую неприкосновенность женщины (глава XX «О том, кто схватит свободную женщину за руку, за кисть или за палец»), ограждали ее от оскорбления словами (глава XXX) и от посягательств (глава XXXI «О заграждении пути»). I Капитулярий продолжил эту практику, установив штраф за срыв с женщины головного убора или повязки (11. 1—2).

Брак был явно моногамный, по крайней мере, среди простонародья и существовал среди германцев задолго до их переселения в пределы Римской империи¹⁶. Однако среди элиты сохранялось многоженство, что видно на примере жизни некоторых меровингских королей¹⁷.

«Салическая Правда» — не официальный кодекс, а скорее «собрание постановлений, предназначенных для справок»¹⁸. В ряде мест она толковала существовавшие в начале VI столетия обычаи, известные в те времена судьям-рахинбургам, но неизвестные нам. Поэтому в тек-

сте есть места, порождающие вопросы. Глава XV запретила увод чужой жены от мужа, наказывая за этот проступок штрафом в 200 солидов. Однако в главе нет ответа на вопрос о том, следовало ли возвращать чужую жену после уплаты штрафа. Только VII Капитулярий (начало IX в.) жестко постановил «вернуть ее живому мужу, у которого эта жена противоправно уведена» вместе с уплатой 200 солидов (VII, 4).

В брак вступали при согласии родителей. Это условие, судя по всему, считалось среди франков настолько явным, что в тексте судебногоника всякие подобные упоминания отсутствовали. О нем напомнил только I Капитулярий, пригрозив наказанием тем, кто «замышляет вступить в супружество с чьим-нибудь сыном или дочерью без согласия их родителей...»¹⁹

Под влиянием Церкви (или римского права) при преемниках Хлодвига появился запрет на совершение близкородственных браков. Браки, согласно позднему добавлению к судебнику, заключенные с племянницей, женой брата или дяди, подлежали расторжению, а дети, рожденные в таком браке, признавались незаконнорожденными (XIII, 9.2). Однако среди королей и знати эти правила не всегда соблюдались. Известно, что Хлотарь I (511—558) взял в жены вдову своего брата²⁰.

Точный (или примерный) возраст для вступления в брак неизвестен. Применительно к древним германцам мы располагаем только высказыванием римского историка Публия Корнелия Тацита о том, что «юноши поздно познают женщин, и от этого их мужская сила сохраняется неистраченной; не торопятся они отдать замуж и девушек...»²¹ Однако эта фраза несет на себе оттенок идеализированного мнения самого Тацита, как некий назидательный намек на превосходство германских семейных нравов над римскими, особенно на фоне брачного законодательства императора Августа.

Из слов Тацита очевиден вывод только о примерном равенстве брачного возраста для мужчин и женщин. Он определен в пределах от 17 до 22 лет²². Данные из церковных переписей VIII—X вв. позволяют предположить вступление в брак где-то в возрасте до 20 лет²³. Мнение об откладывании возраста первого брака примерно до 25 лет признано недоказуемым по имеющимся источникам²⁴.

Способ, которым салические франки оформляли заключение брака, неизвестен. Христианская церковь в те времена еще никак не регулировала его процедурную сторону. Салические франки в это время в подавляющем большинстве оставались язычниками. Надо полагать, что какие-то следы древнегерманских брачных обычаев среди салиев все же сохранялись.

З.М. Черниловский при оценке семейного строя салических франков обоснованно отказался от вывода, что брак у них заключался в форме покупки жены²⁵. Ничто и нигде в «Салической Правде» не дает оснований для подобного вывода. Тацит, описав брачные обычаи германцев конца I столетия, утверждал, что «... приданое предлагает не жена мужу, а муж жене (*dotem non uxor sed uxori maritus affert*). При этом присутствуют ее родственники и близкие и осматривают его подарки; и недопустимо, чтобы подарки состояли из женских украшений и уборов для новобрачной, но то должны быть быки, взнузданный конь и щит с копьем и мечом. За эти подарки он получает жену, да и она взамен одаривает мужа каким-либо оружием...»²⁶

Тацит при своей идеализации германцев на фоне современных ему пороков римского общества не вполне осознал суть материальных обменов при заключении брака. Сам он никогда не наблюдал жизнь германцев, пользуясь, видимо, данными римских военных или галльских купцов, побывавших за Рейном. Во-первых, в его словах видится не столько покупка женихом невесты у ее родителей, сколько ее выкуп у рода в целом. Ведь именно он сказал о присутствии родственников невесты и осмотре ими даров жениха. Возможно, что под его определением «приданое от мужа» скрывался «утренний дар», суть которого римский историк не понял ²⁷.

Кроме того, суть брачных обычаев среди салических франков следует оценивать, учитывая наличие среди них брачных союзов в формах *muntehe* и *fridelehe* ²⁸. *Muntehe* предполагал покупку женихом *munt'a*, как семейного покровительства над женой у ее отца (или семьи в целом) при его неременном согласии. Жених вручал невесте брачный дар (*dos*), а после первой брачной ночи — «утренний дар» (герм. *morgengabe*), как вознаграждение за сохраненную девственность. Оба дара закрепляли высокое социальное положение жены ²⁹.

Брак в форме *fridelehe* как некий «свободный брак», заключавшийся на основе согласия самих брачующихся, известен только по поздним баварским источникам раннего средневековья ³⁰. В «Салической Правде» он не усматривается.

«Германцы обычно селились колониями из больших семей, куда входили братья, сестры, двоюродные родичи со своими мужьями, женами и детьми, а также прямые родственники старшего поколения» ³¹. Среди франков в это время происходило постепенное выделение малых семей из таких родственных групп ³². Однако родство по-прежнему служило главной основой при разрешении материальных вопросов, имевших брачную подоплеку. В XLIV главе в числе родственников покойного мужа, претендовавших на получение рейпуса, названы брат умершего, сыновья родных и двоюродных сестер, дяди по материнской линии.

Особенностью «Салической Правды» является то, что главные сведения о браке содержатся в поздних добавлениях к ней, освещавших имущественное положение вдовы. В русском переводе текста I Капитулярия (первая половина VI столетия) сказано о «приданом, полученном от первого мужа» (I, 7), а также и о том, что вдовцу запрещалось передавать новой жене «приданое, которое он дал первой жене» (*dotem quem primarie uxorem dedit — I,8*).

Писец (или тот, кто ему диктовал) применил слово «*dos*», которое переведено на русский язык в своем основном значении как «приданое». Такой перевод делает понимание фразы не вполне приемлемым, ибо имущество в роли приданого приносила в семью все-таки жена. Вероятно, речь изначально шла о предбрачном даре (лат. *donatio propter nuptias*). Этот обычай перешел к франкам под римским влиянием ³³. Само слово «*dos*» имеет также дополнительный смысл: «богатство», «состояние» ³⁴. Поэтому при переводе этого отрывка следует говорить об «имуществе, которое он дал первой жене» или о «брачном даре». Возможно, что при поверхностном усвоении франками латыни слово «*dos*» означало для них одновременно как приданое жены, так и брачный дар мужа.

Размеры предбрачного дара известны из упоминания его стоимости в I Капитулярии — в пределах от 25 до 63 солидов (I, 7). Для сравнения приведем некоторые цифры из «Рипуарской Правды» начала VII столетия: «Если кто будет платить вергельд, быка зрячего, рогатого и здорового пусть отдаст за 2 солида. Корову рогатую, зрячую и здоровую — за 3 солида. Коня зрячего и здорового — за 12 солидов... Меч с ножнами — за 7 солидов. Меч без ножен — за 3 солида. Шлем исправный — за 6 солидов... Щит с копьем — за 2 солида... Ястреба прирученного — за 6 солидов»³⁵. Как видим, брачный дар по своей ценности в среднем был равен стоимости небольшого стада крупного рогатого скота. Поэтому невозможность подготовить такой дар толкала некоторых франков на похищение девушек и молодых женщин.

В I Капитулярии сказано: «Надо в целости хранить имущество первой жены (*res uxoris anteriores*) и приданое до их (детей. — *В.Д.*) совершеннолетия». Выражение «*res uxoris*» словесно отделено от «приданого». Следовательно, можно предположить, что первое принадлежало жене на правах собственности. Вдова, вступая в новый брак, оставляла родственникам покойного мужа часть приданого, которое она взяла «из дома отца своего» (*quae de casa patris mei exhibui*). Поэтому толкование «приданого от первого мужа» в смысле «брачного дара» представляется наиболее подходящим для понимания сути материальной стороны заключения брака³⁶.

Таким образом, под «приданным, полученным от первого мужа», явно подразумевался брачный дар, который вдова не могла отчуждать. После ее смерти он поступал ее сыновьям. Общее древнегерманское правило состояло в том, что брачный дар мужа (или «утренний дар») переходил после его смерти к его сыновьям: «... Она получает то, что в целости и сохранности отдаст сыновьям»³⁷. Этот обычай сохранился у франков. I Капитулярий в середине VI столетия установил следующее: «...Чтобы приданое от первого мужа шло по смерти матери (его жены. — *В.Д.*) его сыновьям без всякого участия кого бы то ни было. И из этого приданого мать (при своей жизни. — *В.Д.*) ничего не смеет ни продать, ни дарить» (I,7).

Таким образом, плата «*achasius*» в I Капитулярии — это плата вдовы за присвоение брачного дара при отсутствии сыновей в первом браке. Сумма выплаты зависела от ценности брачного дара: с каждых 10 солидов его стоимости вдова возвращала родственникам покойного мужа один солид. Соответственно, плата «*geirus*», о которой говорится в XLIV главе, — это выкуп новым мужем вдовы семейной власти над ней (*munt*) у семьи покойного мужа при браке в форме *muntehe*.

Замужняя женщина была собственницей движимого имущества. Часть его она получала, согласно II Капитулярию, как свадебный подарок от родителей («если чей-нибудь отец или мать, выдавая свою дочь замуж, подарят ей что-нибудь» — II, 2). Другую часть женщина приобретала в наследство по главе LIX «Об аллодах». VII Капитулярий говорил о «всем имуществе, которым она владеет» (*omnes res quas habet*), называя при этом «отцовское или материнское имущество» (*res paternas vel maternas*), которое досталось ей при разделе с другими родственниками.

В сравнении с теми отрывочными данными о положении женщины, что известны из Тацита, можно говорить об определенной материальной обеспеченности замужней женщины и ее относительной хозяйственной самостоятельности в ранние меровингские времена. Сохранение среди салических франков высокого (в части суммы вергельда) положения замужней женщины как некоего отголоска былого древнегерманского почтения к женщине, по-видимому, послужило объективной основой для приведенного ранее высказывания Энгельса — убежденного сторонника германистической теории о пути развития Западной Европы в раннее средневековье. Однако обязанности уплатить «рейпус» или «аказий» дают понять, что замужняя женщина при браке *muntehe* являлась неотъемлемой и зависимой частью семьи своего мужа и его близких родственников. Это сохранилось от семейно-клановых обычаев былой древнегерманской эпохи. Решающее влияние на смягчение германских семейных устоев в сторону повышения хозяйственной и общественной самостоятельности женщин оказала римская цивилизация. Ф. и Дж. Гис предложили примеры такого рода из законов бургундов и вестготов³⁸. Салические франки в этом направлении несколько отстали от них: только эдикт короля Хильперика в середине VI столетия признал за женщиной наличие наследственного права на землю при отсутствии наследников мужского пола.

Примечания

1. ЭНГЕЛЬС Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. 1973, с. 174.
2. GIES F., GIES J. *Women in the Middle Ages*. New York. 1978, p. 17.
3. ТОДД М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М. 2005, с. 43.
4. БЕССМЕРТНЫЙ Ю.Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика. — Средние века. 1980, вып. 43, с. 32—52; ЕГО ЖЕ. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. — Там же. 1981, вып. 44, с. 97—116; ГАБДРАХМАНОВ Л.Ш. Структура крестьянской семьи на территории Северной Франции в VIII—XI вв. — Французский ежегодник. 1985. М. 1987, с. 156—161; БЛОНИН В.А. К вопросу о типологии крестьянской семьи во франкской деревне IX в. — Средние века. 1988, вып. 51, с. 222—237.
5. WEMPLE S.F. *Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister. 500 to 800*. Philadelphia. 1981.
6. Цит. по: Салическая Правда. М. 1950.
7. НЕУСЫХИН А.И. Новые данные по источниковедению «Салической правды». — Средние века. 1960, вып. 17, с. 405.
8. УОЛЛЕС-ХЕДРИЛЛ ДЖ.-М. Варварский Запад. Раннее средневековье 400—1000. СПб. 2002, с. 100.
9. Император Юлиан (356—363), «склонившись к милосердию, принял их в подданство с детьми и имуществом» (Amm. Marc. Res Gestae, XVII, 8.3—4). Цит. по: АММИАН МАРЦЕЛЛИН. Римская история. СПб. 2000.
10. ЕРМОЛОВА И.Е. Laeti в Поздней Римской империи. В кн.: Античный мир и археология. Саратов. 2006, с. 234—235.
11. КОРСУНСКИЙ А.Р., ГЮНТЕР Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М. 1984, с. 136.
12. BACHRACH B. Quelques observations sur la composition et les caractéristiques des armées de Clovis. In: Clovis: Histoire et memoire. T. 1. Paris. 1997, p. 689—703.

13. БЕССМЕРТНЫЙ Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М. 1991, с. 53.
14. SIEGMUND F. Pactus Legis Salicae § 13: Über den Frauenraub in der Merovingerzeit. Frühmittelalterliche Studien. Bd. 32. Berlin. 1998, S. 109—110.
15. «Германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы...» (Тас. Germania, 8). Цит. по: Корнелий Тацит. СПб. 1999.
16. Германцы «почти единственные из всех варваров довольствуются, за очень немногими исключениями, одной женой, а если кто и имеет по нескольку жен, то его побуждает к этому не любострастие, а занимаемое им видное положение» (Тас. Germania, 18).
17. О многоженстве короля Хлотаря I (511—558) см.: Greg. Turon. Hist. francorum, IV, 3. Цит. по: ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ. История франков. М. 1987.
18. УОЛЛЕС-ХЕДРИЛЛ ДЖ.-М. Ук. соч., с. 100—101.
19. Lex Salica, XIII, 1—8; 10. add. 3—4.
20. Greg. Turon. Hist. francorum, III, 6.
21. Тас. Germania, 20.
22. ТОДД М. Ук. соч., с. 43.
23. SIEGMUND F. Op. cit., S. 108—109.
24. БЕССМЕРТНЫЙ Ю.Л. Историко-культурные аспекты демографических исследований по западноевропейскому средневековью (обзор работ 70—80 годов). В кн.: Культура и общество в средние века: Методология и методика зарубежных исследований. М. 1987, вып. 2, с. 200.
25. ЧЕРНИЛОВСКИЙ З.М. Всеобщая история государства и права. М. 1995, с. 124—125.
26. Тас. Germania, 18.
27. WEMPLE S. Op. cit., p. 12.
28. WEMPLE S. Op. cit., p. 32; SIEGMUND F. Op. cit., S. 113.
29. SIEGMUND F. Op. cit., S. 113.
30. WEMPLE S. Op. cit., p. 34.
31. КЁНИГСБЕРГЕР Г. Средневековая Европа. 400—1500 годы. М. 2001, с. 88.
32. НЕУСЫХИН А.И. Собственность и свобода в варварских правдах; ЕГО ЖЕ. Проблемы европейского феодализма. М. 1974, с. 68—69; БЕССМЕРТНЫЙ Ю.Л. Структура крестьянской семьи..., с. 50.
33. WEMPLE S. Op. cit., p. 44.
34. ДВОРЕЦКИЙ И.Х. Латинско-русский словарь. М. 1986, с. 267.
35. ГРАЦИАНСКИЙ Н.П. Западная Европа в средние века. М. 1925, с. 24.
36. История государства и права зарубежных стран. Т. 1. М. 2007, с. 425.
37. Тас. Germania, 18.
38. GIES F., GIES J. Op. cit., p. 18.

Конфликты в большевистской элите Азербайджанской ССР в 20-е гг. XX в.

Ф. Ахмедова

Аннотация. В работе на основе привлечения значительного количества источников рассматриваются причины и характер конфликтов в большевистской элите Азербайджанской ССР в первые годы советизации. Истоки этих конфликтов сложились еще до установления советской власти в Азербайджане в апреле 1920 г., приняв в дальнейшем наиболее острый характер. Вызваны они были в основном различием взглядов в партийной элите на пути развития республики и методы решения национального вопроса. Нахождение в исследуемый период у руководства республикой большевиков некоренной национальности вносило в этот конфликт дополнительную остроту.

Ключевые слова: конфликт, большевики, партия, Баку, комитет.

Abstract. On the basis of attracting a significant number of sources address the causes and nature of the conflict in bolshevik elite of Azerbaijan SSR in the early years of Sovietization. The origins of these conflicts have developed even before the establishment of Soviet power in Azerbaijan in April 1920, taking into dalneshem most acute. They were caused by the difference in the main views in the party elite of the ways of development of the republic and the methods of solving the national question. Being in the monitoring period, the leadership of the republic non-indigenous Bolsheviks make additional poignancy in this conflict.

Key words: conflict, the Bolsheviks, party, Committee, Baku.

Баку всегда отличался выгодным географическим и стратегическим положением, богатыми природными ресурсами. Хотя в период Российской империи значительный приток капитала в нефтяную промышленность и превратил его в «пролетарский город», среди местного населения приверженность к революции отсутствовала. Перешедшие после ликвидации абсолютизма в России на легальное положение политические партии стали играть активную роль в общественно-политической жизни страны. Большевики, располагавшие довольно широкой соци-

Ахмедова Фирдовсия — доктор философии по истории, доцент, заведующая кафедрой Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики. Баку. E-mail: fahmedova@rambler.ru.

Ahmedova Firdovsiya — doctor of philosophy on history, associate professor, holder of the chair at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan. Baku. E-mail: fahmedova@rambler.ru.

альной базой среди немусульманских рабочих в нефтяной промышленности, а также поддержкой у дислоцированных в городе солдат бывшей русской армии, тем не менее не имели реальных шансов прийти к власти цивилизованным путем. Как на выборах в Бакинскую городскую думу, проведенных в 1917 г., так и на выборах в Бакинский совет и Всероссийское Учредительное собрание, они остались в меньшинстве.

Однако серьезные и решительные действия центральной советской власти в отношении процессов, развивавшихся на Кавказе, не остались без последствий. В политике Москвы Баку имел статус революционного центра Кавказа и политического центра Ближнего Востока. Стремясь установить советскую власть на Кавказе, но не имея возможности сделать это мирным путем, большевики осуществили свою миссию силой оружия. В результате, весной 1918 г. были совершены жестокие акты насилия в отношении азербайджанского населения Бакинской губернии. Это породило чувство недоверия и отрицательное отношение к большевикам. По этой причине, когда в мае 1920 г. Нариман Нариманов приехал в Баку, местные мусульмане подходили к нему и говорили: «Веди нас, куда хочешь, делай что хочешь, мы тебе верим, мы вручаем тебе счастье нашей семьи, но чтобы не было событий 18 года»¹. О резне, в течение трех дней продолжавшейся в Баку (31 марта — 2 апреля 1918 г.), Н. Нариманов писал в своем знаменитом докладе в ЦК РКП(б): «Но зачем нужно было после этой кошмарной истории, продолжать ее проделывать по уездам. Вот на этот вопрос должна ответить Советская власть 1918-го года в Баку»².

Учитывая, что среди тех, кто устанавливал советскую власть в Баку в 1920 г., были большевики, связанные с Бакинской коммуной 1918 г., их возвращение в город было воспринято азербайджанским населением неоднозначно: «слово “большевики” наводило ужас. Сразу же после занятия Баку в городе начались бесчинства ЧК и политического бюро 11-й армии»³. Новая большевистская власть также опиралась на штыки. «Террор продлился несколько месяцев, оставив после себя страшные следы опустошения. При этом большевики применяли методы, с успехом апробированные в городах Центральной России»⁴.

Народ, познавший два года назад большевистское правление, не хотел вновь пережить ту же трагедию. По этой причине, когда в мае 1920 г. Нариманов вернулся в Баку, его встретили словами: «Может быть, будет конец тем безобразиям, которые происходили до Вас... Азербайджан грабят всюду, расстреливали направо и налево»⁵. Таким образом, в первое время советская власть в Азербайджане фактически держалась на штыках. Нариманов подписал несколько декретов, которые запрещали проводить расстрелы без санкции Азревкома. Однако до февраля 1921 г. руководство XI Армии игнорировало все постановления Азербайджанского правительства и не подчинялось решениям местных властей. В основном разногласия существовали между военным командованием, особым отделом XI Армии, который возглавлял В. Панкратов, и местными властями (Азревком, Совет народных комиссаров Азербайджанской ССР, возглавляемый Наримановым).

Планы Нариманова, его видение будущего республики, решения национального вопроса не одобрялись большевистской элитой еще до его возвращения в Баку. Имевшие длительное время решающее слово при обсуждении вопросов управления Кавказом большевистские лидеры Г.К. Орджоникидзе и С.М. Киров 4 мая 1920 г., то есть за десять дней до возвращения Нариманова в Баку, направили В.И. Ленину телеграмму, завершив ее словами: «Опыт требует снабжения нас полномочиями Совнаркома для всего Кавказа и далее. Снабдите нас по радио или пришлите кого другого, но немедленно. Нариманову таких полномочий не давайте» ⁶. Ленин на основании этой телеграммы поручил руководство всей внешней и внутренней политикой Азербайджана Орджоникидзе ⁷.

Начавшееся противостояние приобрело четкие очертания уже в середине мая 1920 года. Последовавшие, говоря словами Нариманова, «за медовым месяцем кровавые события» в Азербайджане, нашли отражение в его выдержанных в резких тонах обращениях в Москву, неоднозначно воспринятых внутри большевистской элиты республики. Уже через месяц после своего возвращения Нариманов написал первое заявление Ленину об отставке: «не хочу быть ширмой». Это было единственным способом давления на Центр. Нариманов ставил вопрос о своей отставке или требовал обеспечить его сторонников реальной властью в Центральном комитете. Одновременно он выступал за отзыв своих противников. Для укрепления советской власти на окраинах центральное большевистское руководство вынуждено было пойти на некоторые уступки местным национальным коммунистическим элитам.

Однако противостояние на этом не прекратилось. В их основе лежали различия во взглядах на попытки центральных властей внедрить в Азербайджане советскую государственную модель управления по подобию российской. В результате, с первых месяцев установления советского режима руководящие работники республики разделились на две противостоявшие друг другу группировки: «левые» и «национал-уклонисты». Последний ярлык закрепился за группой во главе с Наримановым, члены которой считали, что республике должны быть предоставлены относительно широкие права, при осуществлении преобразований необходимо учитывать местные условия, национальные обычаи и традиции, языковые и религиозные особенности, а руководство республикой должны осуществлять, хотя и коммунисты, но представители коренной национальности. В группе Нариманова, считавшуюся в партийных кругах «правой», входили также М. Кадырлы, М.Дж. Багиров, С.М. Эфендиев, Д. Бунияззаде, М. Гаджиев и др. Ей противостояла «бакинская» или «левая» группа, включавшая А. Микояна, Л. Мирзояна, В. Егорова, М.Д. Гусейнова, Р. Ахундова, А. Караева и др. Именовавшаяся «национал-уклонистской», «правая» группа в основном имела поддержку в партийных организациях уездов, тогда как «левая» (руководство Бакинского комитета и его сторонники) отражала взгляды трудившихся в Баку немусульманских рабочих. Бакинский комитет имел сильное влияние не только среди немусульман, но и среди большинства прибывших из Ирана азербайджанских рабочих. На протяжении 1920-х гг. в этом противостоянии наблюдалось превосходство Бакинского комитета. В городс-

ком комитете партии Баку был представлен весь полиэтничный состав населения этого крупного промышленного центра на Каспии. В Президиуме Бакинского комитета преобладали русские и армяне. Армянские коммунисты Микоян, С. Саркис и Мирзоян были его председателями в период с 1920 по 1928 год ⁸.

В начале 1920-х гг. Бакинский комитет АКП(б) вел самостоятельную политику, не подчиняясь решениям Центрального комитета КП(б) Азербайджана, препятствуя его превращению в правящий орган. Для того, чтобы держать азербайджанское руководство под контролем, Центр стремился создать выгодный для себя баланс в политической жизни республики: «В этом вопросе он (Орджоникидзе. — Ф.А.) делил ЦК на две группы: якобы настоящих коммунистов и национал-уклонистов, якобы правых» ⁹. Уверенный в том, что в «национальных окраинах национальный уклон создается Центром и его работниками», Нариманов советовал Центру: «Ведите строительство Окраин так, чтобы они могли развиваться правильно для естественного слияния с Центром» ¹⁰.

В 1921—1922 гг. Ленин был основной опорой лидера национал-уклонистов Нариманова. Среди азербайджанских коммунистов не было единства мнений в отношении изменений, происходивших в Азербайджане. Начиная с первых лет советской власти Центр запрещал самостоятельное ведение торговых связей между республиками. До конца своей жизни Нариманов не мог смириться с мизерными расходами на медицину и образование в Азербайджане. Он писал: «Я целый год воевал с тов. Серебровским по поводу процентного отчисления нефтяных продуктов в пользу Азербайджана, дело довел до Политбюро, которое постановлением обязало тов. Серебровского делать это отчисление. Почему тов. Серебровский до сих пор не выполняет этого так, как следует?» ¹¹ Он говорил, что этот вопрос не без основания приобрел национальное содержание: «Когда азербайджанский крестьянин, не имея керосина, зажигает лучину, когда азербайджанский гражданин видит, что в Тифлисе керосин продается дешевле, чем в Гяндже, то поневоле приходится слышать по адресу тех, кто все это делает, упреки, обвинения в колонизаторстве и т.д.», «Азербайджан в первый год не только давал нефть, но платил из своей государственной кассы жалованье рабочим» ¹². Нариманов считал эти шаги истинно интернационалистскими: «Что может быть интернациональнее этого» ¹³.

Являясь по своей природе интеллигентом, Нариманов выступал с платформой, отличавшей его от революционеров, познавших тяготы гражданской войны. В основном вопросы, которые стали причиной конфликтов в руководстве Азербайджана в начале 1920-х гг., были связаны с факторами учета местных национальных интересов. Назначаемые Центральным советским руководством в Азербайджан руководящие кадры, не зная и не учитывая местных обычаев, национальных и религиозных особенностей, психологию народа, пытались проводить большевистские мероприятия строго по подобию России. Представители «левых», в основном коммунисты некоренных национальностей, в большинстве своем эмиссары Москвы, считали, что единственным верным путем во внутренней политике является беспощадная борьба с классовыми врагами, насаждение военного ком-

мунизма по опыту и образцу России. «Левая» группа в лице В. Ломинадзе, который считал себя самым подготовленным марксистом, требовала: в деревнях Азербайджана необходимо сжечь все бекские усадьбы и этим дать возможность почувствовать крестьянам, что произошла революция¹⁴. На вопрос председателя правительства Азербайджанской ССР Нариманова: «Почему?» Ломинадзе ответил: «Потому что так сделано в России».

«Левая» группа требовала полной реквизиции собственности буржуазии, без деления ее на крупную и мелкую. «Правая» группа предлагала предварительно составить список с точными адресами и по этим данным произвести отъем собственности. «Правые» считали, что руководящие кадры, в том числе Киров, подпали под влияние «левых». Вопрос национального состава служащих, руководящих органов и работников основных предприятий также был в списке обвинений против «левых». Нефтеком и Баксовет в основном состояли из некоренного населения. Из 46 тыс. рабочих Азнефтекома только 7 тыс. были азербайджанцами¹⁵. По национальному составу коммунистическая партия Азербайджана была многонациональной. В первой половине 1920-х гг. азербайджанцы составляли чуть более 40% среди коммунистов республики¹⁶. Причину этого обычно связывают с отсталостью мусульманских масс. Однако среди мусульман было немало образованных людей, получивших высшее образование в европейских и российских вузах. В период независимой Азербайджанской Республики они занимали различные посты в государственных органах власти. После апрельского переворота те из них, кто отказался от сотрудничества с советской властью, были или уничтожены, или эмигрировали. Однако были и те, кто стремился к сотрудничеству. По уровню грамотности рабочие-мусульмане уступали армянам, грузинам и русским. Учитывая это, Нариманов предложил поднять грамотность мусульман на уровень русских рабочих, чтобы потом они могли участвовать в государственном строительстве: «Я требовал этого потому, что большинство пролетариев в Баку рабочие-мусульмане. Между тем, вследствие неподготовленности и низкого уровня развития, эти настоящие пролетарии не принимали участия в строительстве государства так, как русские, армяне — рабочие...

Я имел три цели:

1. Подготовить кадры работников из мусульман для Персии.
2. Чтобы посредством подготовленных рабочих-тюрок, мы могли бы скорее и лучше связаться с деревней.
3. Чтобы не было впоследствии того антагонизма среди рабочих тюрок и русских, какой существует сейчас»¹⁷.

В 1920-х гг. центр тяжести во внешней политике большевиков постепенно перемещался на Восток. Чтобы добиться мировой социалистической революции и создать единую социалистическую республику, большевики хотели сделать Баку форпостом и плацдармом для революционной экспансии в восточные страны. С этой целью в сентябре 1920 г. в Баку был созван I съезд народов Востока. Учитывая все эти намерения, Нариманов хотел создать в Азербайджане образцовую республику, которая послужила бы своеобразной моделью советского государственного строительства. На пути к достижению этой

цели он считал своей первоочередной задачей освобождение восточных народов от европейского ига. «Левые» же предлагали добиться этой цели путем коммунистической революции. Для этого они, по российскому подобию, предлагали отнять землю у помещиков и отдать крестьянам. Однако подобная тактика не имела успеха, вызвав негативную реакцию со стороны крестьян-мусульман, поскольку по нормам шариата отнять чужое считается грехом. Зачастую крестьяне не хотели получать участки земли. Неслучайно Ленин говорил: «Если мы научим мусульманских крестьян брать землю у помещиков, мы мир перевернем»¹⁸. «Левые», в свою очередь, предлагали: «Давайте костюмы буржуазии снимем, наденем на рабочих, а их испачканные в мазуте рваные наденем на эту буржуазию»¹⁹. Разногласия касались также сокращения уроков тюркского языка, объединения железных дорог, внешней политики Закавказья и т.д.

Борьба между группировками завершилась победой «левой» группы. Назначением Нариманова одним из председателей правительства ЗСФСР, а позже в ЦИК СССР, «левые», поддерживаемые руководством центральной власти, добились его отдаления от Азербайджана. Однако находясь в Москве, лидер «правой» группы Нариманов до последних дней жизни постоянно держал в центре своего внимания события на Кавказе. В своем письме, отправленном в июле 1923 г. в ЦК РКП (б), он на конкретных примерах раскрыл суть платформы группы «национал-уклонистов». Поскольку углубление разногласий расшатывало устои центральной власти на окраинах, ее руководящие кадры вынуждены были вмешиваться в конфликты. После проверки Центральной контрольной комиссией РКП(б), прибывшей в Баку под предлогом обсуждения на месте вопросов, поднятых в докладе Нариманова, «правая группа» официально потерпела крах. Таким образом, в длинном перечне ярлыков, означавших на партийном языке «национальный уклон», появился новый — «наримановщина», который словно «дамоклов меч» повис над национальными номенклатурными кадрами и выражался в постоянном присутствии у центрального руководства по отношению к ним элемента сомнения в лояльности и преданности. Обвинение в «наримановщине», а значит в национализме, позже, в годы «Большого террора» 1930-х гг., будет присутствовать в судебных обвинениях против партийных и государственных деятелей Азербайджана. Трагичность ситуации состояла в том, что жертвами подобных обвинений в ходе этих процессов станут недавние противники Нариманова.

Одержав победу над «наримановщиной», Центр стал проводить политику раскола и ослабления другой группировки — «левых». Это было неслучайно. Поскольку факторы, обуславливавшие ранее важность «левой» группировки, позже потеряли свою значимость в глазах Центра (завершилась иностранная интервенция и гражданская война, большевистская власть в Центре и на окраинах достаточно окрепла, образовался Советский Союз), потребность в дальнейшей деятельности данной группы отпала.

Однако конфликты в большевистской элите Азербайджана на этом не прекратились, а лишь вышли на новый этап. Имевшие место в национальном вопросе перегибы и негативные явления по-прежнему создавали условия для внутривластных конфликтов. Иногда в ходе

борьбы на руководящем уровне национальный вопрос превращался в предмет политической спекуляции.

Национальный уклон в Азербайджане после «наримановщины» перешел на новый этап под названием «ханбудаговщина». Несмотря на сходство форм и содержания, по сути «национальный уклон» превратился в борьбу за возможности власти.

Являвшийся активным членом «правой» группы, а позже расстрелянный Ахмед Ахмедов писал, что «выступления Эюба Ханбудагова в 1924 году и Габиба Джабиева в 1927 году дали определенный толчок к возрождению “уклона”»²⁰. В условиях, когда после смерти Ленина стремившийся к всеобъемлющей власти И.В. Сталин одного за другим стал убирать своих основных противников, «оппозиционные коммунисты» также должны были сделать свой выбор. В большевистской элите Азербайджана стали возникать новые группировки. «Национал-коммунизм теперь стал возрождаться под троцкистской оболочкой»²¹. После краха поддерживавшей троцкизм «ханбудаговщины» борьба во внутривластной элите Азербайджана в основном шла между секретарем ЦК АКП(б) Кировым и секретарем Бакинского Комитета АКП(б) Л. Мирзояном. Хотя Киров имел поддержку в лице Сталина и Орджоникидзе, преимуществом Мирзояна была социальная опора на местах. Так, основная часть рабочего класса была сосредоточена в Бакинском промышленном районе, находившемся под контролем Бакинского комитета АКП(б).

С целью ослабления позиций друг друга, стороны пытались использовать кадры по принципу национальной принадлежности. Даже противостоявшие лидеры стремились сделать процесс развития «национал-уклонизма» управляемым. Для этого они старались выдвигать лидеров «уклонистов» из своих рядов. Основное недовольство «национал-уклонистов» вызывала малочисленность азербайджанских коммунистов в Бакинском Комитете АКП(б). Ситуация в Азербайджане характеризовалась как «зеркальное отражение положения, созданного русским империализмом и правящим национал-шовинизмом». В представленной в официальный партийный орган статье «К улучшению колонизированной среды» Г. Джабиев заострил внимание на национальном составе партийной организации Азербайджана, отметив, что в АКП(б) азербайджанцы составляли 45%, а в Бакинской организации — 32%²².

В 1920—1930-х гг. Киров и Орджоникидзе играли основную роль в «урегулировании» на Кавказе и, особенно, в Азербайджане, внутри властных конфликтов, а также разногласий, имевших место, в основном, по национальному вопросу. В середине 1920-х гг. признанным лидером «национального уклона» в Азербайджане стал Джабиев, ранее писавший и говоривший о тяжелом положении тюркских (азербайджанских) рабочих, противоречиях между азербайджанскими крестьянами, о малочисленности тюркских рабочих по сравнению с представителями других национальностей, а через короткое время начавший выступать как «интернационалист». Сам он следующим образом объяснял этот перелом: «Я в своей статье защитил точку зрения руководства ЦК КП(б) Азербайджана, Закавказского краевого комитета партии... товарищей Орджоникидзе и Кирова»²³.

Превратившегося в жертву своих покровителей Джабиева сменил Э. Ханбудагов. Эта замена планировалась Орджоникидзе и Кировым. Однако теперь лидерство определялось не по авторитету внутри элиты и управленческим качествам, а с точки зрения возможности проводить политику, необходимую руководству. Это, в свою очередь, стало одним из основных отличий позднего «национал-уклонизма» от «наримановщины». Не существовало полной по составу мононациональной, региональной и конфессиональной группировки. Быть признанным лидером «национал-уклонизма» означало крах данной личности. Так, использованный ранее в борьбе против «наримановщины» Ханбудагов, отныне как политическая фигура потерял свою актуальность, поскольку превратился для руководства в нежелательную фигуру, претензии которой не соответствовали его властным полномочиям. В борьбе против «национал-уклонистов» использовался национальный фактор. Лица, которые в свое время были членами «правых» и «левых» групп, теперь объединились в составе нового «национального уклона», а силы, боровшиеся с ними, создавали условия для их разоблачения.

Споры вокруг национального вопроса приобрели в борьбе за власть спекулятивный смысл. Обвинявшие друг друга в национализме большевистские лидеры значительно отошли от позиций, которые имели место в первые годы советизации Азербайджана. Политика превращения национального вопроса в инструмент личных интриг перешла в разряд методов регулирования Центром кадровой политики на Кавказе. Конец первой половины 1920-х гг. может быть охарактеризован как период «дебатов вокруг национального вопроса».

Политический процесс, объединявший большинство национальной правящей элиты Азербайджанской республики, был обусловлен борьбой с «национальным уклоном». «Требованиями» же «национал-уклонистов» были вопросы, превратившиеся в острые социальные проблемы, давно ожидавшие своего решения: слабое развитие процесса тюркизации в Азербайджане, важное значение изучения азербайджанского (тюркского) языка, привлечение рабочих извне на промышленные предприятия республики, вывоз в Центр под предлогом продовольственного налога всех продуктов из уездов и т.д.

В целом причины национального характера конфликтов в большевистской элите в первые годы советизации Азербайджана можно охарактеризовать следующим образом:

1). Социальная опора большевистской идеологии в Азербайджане частично ограничивалась городом Баку. Основную часть электората, поддерживавшего большевистскую идеологию, в основном представляли немусульмане. После захвата власти в апреле 1920 г. они же составляли большинство среди руководящих кадров.

2). В Азербайджане существовала мусульманская большевистская партия «Гуммет», и ее члены в годы советской власти даже неформально имели особый взгляд на государственное строительство. Они были сторонниками учета национальных обычаев, местных особенностей, религиозного фактора и хотели даже приспособить исламскую идеологию к социалистическому строительству.

3). Большинство мусульманских коммунистов, в отличие от российских большевистских деятелей, не участвовали с оружием в руках

в гражданской войне. Поэтому позже при решении важных вопросов жизни республики они занимали более умеренную позицию, за что обвинялись своими оппонентами в либерализме, национализме и в отсутствии революционного характера.

4). Часть представителей центральной советской власти, в том числе Сталин, Орджоникидзе, были тесно связаны с революционным движением в Баку и на Кавказе. Поэтому после советизации они активно вмешивались в вопросы, связанные с управлением на Кавказе, назначением кадров.

В целом, в первые годы советской власти национальный вопрос в Азербайджанской ССР по сравнению с другими союзными республиками имел как общие черты, так и особенности.

Примечания

1. НАРИМАНОВ Н. К истории нашей революции в окраинах. Баку. 1990, с. 58.
2. Там же, с. 60.
3. БАБЕРОВСКИ Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе (История сталинизма). М. 2010, с. 249.
4. Там же.
5. НАРИМАНОВ Н. Ук. соч., с. 29—30.
6. Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. Сб. документов. М. 1996, с. 123.
7. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 51. М. 1961, с. 226—227.
8. БАБЕРОВСКИ Й. Ук. соч., с. 132.
9. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДП АР), ф. 609, оп. 1, д. 15, л. 24.
10. НАРИМАНОВ Н. Ук. соч., с. 70.
11. Там же, с. 67.
12. Там же, с. 66.
13. Там же, с. 65.
14. АПДУДП АР, ф. 1, с. 1, д. 8, л. 170.
15. XIII общебакинская партийная конференция: Стенографический отчет. Баку. 1924, с. 35.
16. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах: Статистический сборник. Баку. 1970, с. 44.
17. НАРИМАНОВ Н. Ук. соч., с. 33, 36.
18. Воспоминания Азербайджанских коммунистов о В.И. Ленине. Баку. 1958, с. 76.
19. АПДУДП АР, ф. 609, с. 1, д. 189, л. 15.
20. Там же, ф. 12, оп. 1, д. 152, л. 23.
21. Там же.
22. Там же, ф. 1, оп. 74, д. 135, л. 17.
23. Там же, оп. 122, д. 223, л. 213.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

ББК 63.3(0)52—53, 63.3(2)522/УДК 94

Внешняя политика Германии и политические приемы дипломатии Отто фон Бисмарка

В.С. Дударев

Аннотация. В настоящей работе представлены особенности международного курса известного германского канцлера Отто фон Бисмарка на примере ключевых событий внешней политики Германии во второй половине XIX века. На основе германских и российских источников и богатой историографии автор уделяет особое внимание содержанию реальной политики Бисмарка, способам достижения стоявших перед ним целей.

Ключевые слова: международные отношения, Германская империя, российско-германские отношения.

Abstract. This work presents the features of the international course of the famous German Chancellor Otto von Bismarck on the example of key events in Germany's foreign policy in the second half of the 19th century. On the basis of the study of German and Russian historical sources and rich historiography, the author pays special attention to the content of Bismarck's real politics, the mechanisms for achieving the goals and tasks that he faced.

Key words: international relations, the German Empire, the Russian-German relations.

Оценка государственного деятеля немыслима в отрыве от истории и развития государства, к управлению которым он причастен. Причины, по которым история закрепила за великими политиками прошлого благородные сравнения: «великий», «святой», «победоносный», «миротворец» — в целом схожи. Напротив, каждая несчастливая судьба государственного деятеля была несчастливой по-своему. Однако единым мерилom, на основании которого история причисляла государственных деятелей к одной из двух категорий, являлось их способность эффективно реагировать на вызовы эпохи и прозорливо определять направление и темп развития своей страны на длительный промежуток времени.

В этой связи деятельность «железного канцлера» Отто фон Бисмарка, объединившего разрозненные немецкие земли в единую Гер-

Дударев Василий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: wdudareff@gmail.com.

Dudarev Vasily S. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of World History RAS. E-mail: wdudareff@gmail.com.

манскую империю, оказала влияние не только на собственно германскую историю. Возникновение в центре Европы мощной империи на месте слабого Прусского королевства открыло новые реалии в развитии международных отношений на континенте, а сама идея Германского рейха, получившая впоследствии радикальное развитие, сыграла важную роль в мировой истории XX века. Эти события определили повышенный интерес историков к внешней политике Германской империи и ее творцу, а понимание целей и методов политики Бисмарка стало предметом длительных дискуссий между ними. Изучение деятельности канцлера не теряет своей актуальности. Если к середине XX в. о Бисмарке и периоде его власти в Германии насчитывалось более 6 тыс. книг и статей, написанных на 15 языках ¹, то «к настоящему времени (их. — *В.Д.*) стало едва ли не вдвое больше» ². 200-летний юбилей «железного канцлера» значительно повысил интерес к нему ³. Работа сотрудников Фонда имени Отто фон Бисмарка над публикацией новых архивных документов, принадлежащих перу этого германского политика ⁴, открывает новые перспективы для многогранного изучения истории Германской империи в целом и политической деятельности Бисмарка в частности ⁵. Использование широкого круга источников ⁶, часть из которых ранее фактически не была введена в научный оборот, дает возможность отойти от предвзятого отношения к деятельности Бисмарка ⁷ и дать более взвешенную оценку его политике.

Анализ стратегии великих держав в XIX в. показывает, что агрессивная политика интересов, приписываемая историками Бисмарку ⁸, была свойственна всем без исключения участникам европейской пентархии, стремившимся к реализации собственных национальных задач ⁹. Но в чем же заключался феномен *Realpolitik* Бисмарка, результатом которой стало создание нового мощного государства в центре континента?

Целью данной публикации не является изложение истории внешней политики Пруссии и Германской империи во второй половине XIX в., поскольку это задача фундаментальной монографии, для появления которой в современной российской историографии условия еще не сложились. В настоящей работе делается попытка через ключевые сюжеты германской внешней политики XIX в. показать особенности политического мастерства творца Германской империи, механизм достижения целей, которые стояли перед ним в непростые для Германии годы.

Бисмарк начал свою карьеру в 1851 г. в должности прусского представителя при Союзном сейме во Франкфурте с вызова существовавшим стереотипам о неспособности Пруссии вести свой независимый внешнеполитический курс. Он был первым, кто вытаскивал Пруссию из состояния робкой оглядки на мнение австрийского императора и правителей мелких и средних германских государств при принятии решений по международным проблемам. В течение десятилетий после Венского конгресса Пруссия действовала в основном сообразно решениям, принимаемым в Петербурге и Вене. Политическая элита считала безопасным идти в кильватере Священного союза, а после его распада боялась одиночества в борьбе с европейскими вызовами. Бисмарк писал, что при Александре I, а более — при

Николае I пруссаки «жили на положении русских вассалов»¹⁰. Исключением явилось экономическое объединение значительной части германских земель в 1834 г. в рамках Таможенного союза под предводительством Пруссии¹¹. Попытки Вены подчинить это объединение Союзному сейму, подорвав, таким образом, позиции Берлина¹², были сорваны Пруссией. Во многом этому способствовала жесткая позиция, занятая Бисмарком во Франкфурте. В таких важных вопросах как подготовка законодательства о печати, образование прусского военно-морского флота, а главное — сохранение патронажа Пруссии в Таможенном союзе Бисмарком была одержана уверенная победа в Сейме¹³. Уже в 1854 г. он писал прусскому министру-президенту О.Т. фон Мантейфелю, что «было бы страшно, если бы мы искали перед надвигающейся бурей защиту в том, чтобы привязать наш нарядный и приспособленный к длительному плаванию фрегат к старой изъеденной червями австрийской посудине»¹⁴. Каждый раз Бисмарк осуждал готовность Берлина бросаться в пожарища ненужной войны лишь для того, чтобы не оказаться в положении европейского изгоя. Когда Берлин готовился вступить в Крымскую войну и Итальянскую войну 1859 г., Бисмарк был одним из немногих, кто доказывал бессмысленность этого непопулярного в народе и ненужного для интересов государства шага¹⁵. В письме 1859 г. жене Иоганне фон Бисмарк он жаловался на то, что «наша политика расстраивает меня; на своих же собственных водах мы остаемся плавником, который бесцельно гоним чужими ветрами, и какими ветрами! Дурными и зловонными! Как же редки люди с собственной волей в такой почтенной нации как наша»¹⁶.

Активная дипломатическая деятельность Бисмарка, ставшего в 1862 г. министром-президентом Пруссии и одновременно возглавившего Министерство иностранных дел королевства, способствовала изменению соотношения сил в Центральной Европе. К середине 1860-х гг. Пруссия постепенно встала на один уровень с империей Габсбургов, ослабленной неудачной внешней политикой и внутриполитическими проблемами¹⁷. Роль Пруссии, к удивлению Европы и самой прусской политической элиты, незаметно выросла¹⁸. В 1863 г. «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что пассивный характер внешней политики Пруссии изменился с приходом в 1862 г. к власти Бисмарка: «В эту политическую распущенность г. фон Бисмарк задумал внести элемент движения и жизни. Он решился действовать не убеждением, а железом. Распространение прусского владычества... до берегов Майна — такова была, по-видимому, задушевная мысль нового прусского министра»¹⁹.

Отстаивание своей точки зрения зачастую стоило Бисмарку большого напряжения сил. Например, во время Австро-прусской войны 1866 г. его высказывания о целесообразности заключения быстрого мира с Австрией²⁰ и бессмысленности продолжения боевых действий и излишних территориальных притязаний ополчили против Бисмарка короля Вильгельма I и высший прусский генералитет. В итоге, это привело прусского министра-президента к физическому и психическому истощению, из-за чего военные советы часто проходили в его комнате. В своих мемуарах Бисмарк вспоминал, что после очередного эмоционального разговора с королем «вернувшись в свою комна-

ту, я был в таком настроении, что мне пришло на ум, не лучше ли выброситься из открытого окна четвертого этажа»²¹. Тогда точка зрения Бисмарка все же одержала верх, но генералы затаили на него такую большую обиду, что в ходе Франко-германской войны даже не допускали его на военные советы²².

Бисмарк обладал способностью четко выбирать удачный момент для нанесения точного удара, который противник не мог отразить. Ни в одной из трех кампаний на пути объединения Германии — против Дании в 1864 г., Австрии в 1866 г. и Франции в 1870 г. — Пруссия не выступала в роли агрессора. Благодаря этому на стороне Бисмарка оставалось общественное мнение Пруссии, а международное сообщество формально не могло предъявить Берлину претензии в развязывании конфликтов. Историк О. Пфланце справедливо отметил: «Бисмарку удавалось явить себя миру жертвой нападения, хотя он всегда сам нападал; принося разрушения там, где только возможно, постоянно вести себя как жертва; подрывая статус кво, позировать консерватором»²³. Руководствуясь принципом *divide et impera* (разделяй и властвуй), он мог еще на начальных этапах расстраивать складывавшиеся международные альянсы, имевшие антипрусскую направленность. Итогом непростого для германских государств и Европы периода 1864—1870 гг. стало создание Германской империи, что оказало существенное влияние как на судьбу самих германских государств, так и на последующее развитие международных отношений в целом.

Бисмарку была свойственна еще одна важная особенность: искусственно создавать хаос, упорядочение которого проводить по собственному же сценарию. Поставив в середине 60-х гг. XIX в. Пруссию на путь реализации национальной задачи²⁴, заключавшейся, в восприятии Бисмарка, в объединении Германии, железный канцлер фактически запустил процесс реформирования европейских международных отношений. События 1866 г. переводили систему баланса сил на континенте в хаос, из которого должен был возникнуть новый порядок. «Московские ведомости» отмечали: «... вопросы встают повсюду, куда бы мы не оглянулись. Прежнее международное право утратило силу; старые нормы пали; все отношения изменились; все колеблется и чувствует себя в состоянии переходном»²⁵. Дестабилизация Венской системы угрожала углублением противоречий и актуализацией проблем, одни из которых не были решены в 1815 г., а другие возникли за пятьдесят лет, прошедшие с момента общеевропейского конгресса.

Результаты Франко-германской войны продолжили затяжной период бифуркации в европейских международных отношениях. Перед Бисмарком, ставшим в 1871 г. канцлером Германской империи, стояла важная задача защитить достигнутые колоссальным усилием немцев результаты. В сложившихся условиях он выбрал курс на создание системы союзов европейских государств, центром которой должна была стать Германия, а целью — защита ее безопасности и интересов. «Одна французская газета недавно сказала про меня, — писал Бисмарк сыну осенью 1877 г., — что я страдаю кошмарами коалиций». Страхи такого рода еще долго, а, быть может, и всегда будут оставаться вполне обоснованными для германского министра»²⁶. И

хотя Бисмарку удалось за несколько лет буквально опутать Европу сетью военно-политических объединений, интересы которых в целом противоречили друг другу, вопрос с выбором союзника Германии оставался открытым.

Еще со времени объединительных войн единственным союзником Пруссии из всех великих держав являлась Российская империя. Два государства на протяжении более десяти лет сохраняли тесные отношения без наличия какой-либо документальной или договорной основы, подтверждающей таковые. Личные материалы Бисмарка и официальная документация МИД Пруссии и Северогерманского союза позволяют значительно откорректировать существующие в работах современных исследователей Д. Хаффера²⁷ и Л. Галла²⁸ выводы о второстепенной роли России в политике Бисмарка в ходе объединения Германии. Напротив, вопрос о том, какую позицию выберет Россия, являлся центральным во внешнеполитических расчетах Бисмарка в этот решающий для германской истории период. Так, в самый разгар войны с Францией Бисмарк в предписании прусскому послу в Великобритании А. фон Бернstorфу передавал: «... с добрыми отношениями к России мы должны обходиться с большим вниманием, при любой возможности заботиться о них и избегать любого подозрения, чтобы Россия не могла причислить нас к своим противникам. При любых обстоятельствах... недопустимо, чтобы мы заканчивали... с худшими, чем сейчас, отношениями с Россией»²⁹.

В своих мемуарах Бисмарк писал: «Тройственный союз, которого я первоначально пытался добиться после заключения Франкфуртского мира... представлял собой союз трех императоров»³⁰. В союзе Германии и России с присоединением к нему Австрии помимо надежного оплота в борьбе с революцией Бисмарк видел гарантию от возможного создания коалиции государств на антигерманской основе, учитывая реваншистские настроения во Франции, а также беспокойства России и Австро-Венгрии по поводу возникновения у их границ нового мощного государства и его дальнейшего усиления.

В результате переговоров 1872—1873 гг. было достигнуто «Соглашение трех императоров». Его целью являлось «упрочить мир, господствующий ныне в Европе, и, если нужно, принудительно поддерживать европейский мир против всяких потрясений, откуда бы таковые ни проистекали»³¹. Бисмарк добился цели. Как писал историк Галл, «здесь в Берлине, не в С.-Петербурге или Вене, не в Париже или Лондоне, искали ключи от дальнейших комбинаций, отсюда ожидали дальнейших стремительных действий»³².

Хотя Соглашение и носило антиреволюционный характер, о восстановлении Священного союза в прежнем его варианте не могло быть и речи. В отличие от начала XIX в. собственные национальные интересы участников этого Соглашения скорее отдаляли их друг от друга. Австрия и Россия имели глубокие противоречия на Балканах, а антифранцузская политика Бисмарка порицалась Петербургом. Во время обострения ситуации в 1875 г., когда франко-германское противостояние вновь чуть не вылилось в европейскую войну, Александр II в беседе с военным министром Д.А. Милютиным, «говоря об образе действий Бисмарка, сравнил его с Наполеоном I, который по окончании каждой войны сейчас же искал предлога к начатию но-

вой»³³. Занятая Россией в этом вопросе жесткая позиция была воспринята в Берлине неодобрительно. Бисмарк хоть и называл в то время российского министра иностранных дел А.М. Горчакова «спасителем Франции»³⁴, но отношения между странами стали более напряженными³⁵. Получить реванш Бисмарк сумел на Балканах. Во время трагических событий в этом регионе в 1875—1876 гг. германский канцлер оказывал нажим на обеих союзниц Германии: России он давал понять, что в случае общеевропейской войны не допустит разгрома Австро-Венгрии, и рекомендовал купить ее нейтралитет уступкой Боснии, а Вене советовал не надеяться на военную помощь Берлина³⁶.

После Русско-турецкой войны, а в особенности Берлинского конгресса 1878 г. вера в искренность дружбы между Германией и Россией в Александре II и Горчакове была поколеблена. Это отразилось в известном «письме-пощечине»³⁷, в котором царь жаловался Вильгельму I на антирусскую позицию Бисмарка³⁸. Вместе с тем, участник Берлинского конгресса граф П.А. Шувалов писал о Бисмарке: «... будет несправедливо приписывать ему, как это делалось в Петербурге, враждебное отношение к России. И действительно, с самого начала восточного кризиса мы старались сделать его защитником наших интересов, слишком часто напоминая об оказанных ему услугах. С точки зрения психологии, это была ошибка»³⁹. На это указывал также С.С. Татищев: «... всего более задевало за живое и раздражало Бисмарка громко раздававшееся в России обвинение в том, что он черною неблагодарностью отплатил ей за многочисленные и неопенимые услуги, оказанные ею Пруссии в деле германского объединения»⁴⁰.

Тем не менее, действие «Соглашения трех императоров» слабело. В этих условиях поддержка «честным маклером» Бисмарком Австро-Венгрии на Берлинском конгрессе 1878 г., напротив, демонстрировала продолжение перезагрузки австро-германских отношений, которую Бисмарк фактически запустил еще в период военной тревоги в Европе. Предложение Бисмарка о союзе двух германских государств было поддержано на Дунае. 7 октября 1879 г. в Вене был подписан секретный Австро-германский договор, известный также как Двойственный союз, сроком на пять лет⁴¹.

Австро-германский договор, дополненный в 1882 г. Италией до Тройственного союза⁴² (также в 1883 г. к этому союзу присоединилась Румыния⁴³), на долгие годы определил германскую внешнюю политику, а сам принцип внешнеполитического согласия двух германских государств вплоть до окончания первой мировой войны стал играть определяющую роль в Центральноевропейском регионе.

Вместе с тем, Бисмарк не оставлял без внимания Петербург. В своих мемуарах он отмечал, что «по-прежнему считал необходимым поддерживать добрососедские отношения с Россией, наряду с нашим оборонительным союзом с Австрией»⁴⁴. Союз с Германией был необходим и для России. Даже известный противник Бисмарка — российский военный министр Милютин — писал, что «надобно во что бы то ни стало восстановить наши дружественные отношения с Германией, хотя бы для виду; другого союзника нет у нас в Европе. Если б не удалось нам сойтись с Германией, то нам грозила бы коалиция всей Европы против нас: Россия очутилась бы одна против всех»⁴⁵.

Отклонив российскую инициативу заключить двойственный союз между Германией и Россией⁴⁶, Бисмарк предложил восстановить альянс трех великих держав⁴⁷. Новый договор между Россией, Германией и Австро-Венгрией, известный как «Союз трех императоров», был подписан 18 июня 1881 г.⁴⁸ в Берлине сроком на три года и продлен 27 марта 1884 г. еще на 3 года⁴⁹. И хотя Германия становилась арбитром в австро-российском диалоге на Балканах, основное противостояние между Петербургом и Веной в этом регионе не было преодолено. После того как Австрия, не советуясь с Россией, поддержала Сербию в Болгарском кризисе 1885 г.⁵⁰, «Союз трех императоров» фактически распался, несмотря на все попытки Бисмарка сохранить призрачное единство входивших в него государств⁵¹.

Бисмарк пытался решить вновь обострившуюся из-за Болгарского кризиса Балканскую проблему с другого фланга: путем создания Средиземноморской Антанты. Подписанные по его инициативе в начале и в конце 1887 г. два соглашения между Великобританией, Италией и Австро-Венгрией⁵² предусматривали совместную политико-дипломатическую борьбу за сохранение статус-кво в бассейнах Средиземного, Чёрного, Эгейского и Адриатического морей, в черноморских проливах, Малой Азии, Болгарии и на побережье Северной Африки. Тем не менее, в этой Антанте «шли рука об руку видимость и реальность, заблуждение и самообман, высокие и более мелкие ожидания. Все было соткано из различных интересов и взглядов»⁵³. Средиземноморская Антанта оказалась непрочным блоком — в этих условиях она довольно скоро утратила свое значение, хотя и явилась попыткой Бисмарка усилить Тройственный союз приобретением Великобритании.

Укрепление Германско-австрийского блока, однако, не означало отказ Бисмарка от старых партнеров. Открытая после распада «Союза трех императоров» для дипломатического сближения с Францией Россия не устраивала германского канцлера, хотя развитие европейских событий в 80-е гг. XIX в. оставляло все меньше поводов для улучшения российско-германских связей и потепления в отношениях Александра III и германского канцлера. В 1883 г. Шувалов считал, что «во внешней политике нашей нам не остается ничего иного, как безмолвствовать и смиренно ожидать, чтобы после смерти Бисмарка внутренние в Германии раздоры дали нам возможность, вступив в союз с Францией... возвысить голос и выйти из того печального положения, в котором находимся. Бисмарк окружил нас железным кольцом»⁵⁴.

В 1887 г. Бисмарк осуществил свой последний брак по расчету с Северной Пальмирой: 18 июня между Германией и Россией был подписан тайный договор, названный в дипломатических кругах двух стран «Договором перестраховки». Бисмарк видел в поддержании тесных связей с Россией и другую выгоду: «до тех пор сдерживать антигерманские стремления в Австро-Венгрии, пока германская политика не разрушит моста, ведущего в Петербург, и не вызовет непреодолимого разрыва между Россией и нами»⁵⁵. Когда в 1890 г. срок действия «Договора перестраховки» истек, новое германское правительство Л. фон Каприви, выстраивая отношения с Россией по-новому, отказалось его возобновлять.

«Союз трех императоров», являвшийся сдерживающим фактором временного сохранения безопасности в европейских международных

отношениях, не решал основных противоречий между Россией, Австрией и Германией и не соответствовал их подлинным интересам и задачам времени в целом. Гораздо более действенным оказался Двойственный союз Германии и Австро-Венгрии, основанный на общности их культурно-исторических традиций, экономической базы и отсутствии противоречий во внешнеполитических курсах. Этот альянс сыграл важную роль в формировании предвоенной расстановки международных сил на континенте и складывании двух основных военно-политических союзов, борьба которых вылилась в невиданную прежде в мировой истории войну.

«Кошмар» созданных Бисмарком коалиций, с одной стороны, усложнил и обострил международные отношения последней четверти XIX в., но с другой, благодаря системе сдержек и противовесов, сохранял на несколько десятилетий после Франко-германской войны мир в Европе. Однако каким бы непоколебимым ни казался железный колосс Бисмарка, даже над ним стали сгущаться политические тучи. Это было связано с германским императором Вильгельмом II, ревниво относившимся к своей власти. Противостояние молодого монарха и престарелого канцлера закончилось отставкой последнего в 1890 году. Комментируя это событие, российский дипломат Шувалов писал из Берлина в Петербург: «... я... всегда смотрел на Бисмарка как на огромную гарантию поддержания мира, ибо я убежден в том, что он искренне стремился бы устранить все, что могло создать опасные для наших государств трения... вместе с ним исчезает уравнивающая сила, способная до некоторой степени регулировать внезапные, произвольные, не поддающиеся учету решения юного монарха (Вильгельма II. — *В.Д.*)». Против этих слов Александр III написал на полях: «Да»⁵⁶.

Бисмарк часто пренебрегал международными правилами и договоренностями ради интересов своей страны, что походило на политику французского императора Наполеона I. Но если Наполеон создавал империю в Общеευропейском масштабе, что в начале XIX в. было обречено в силу нерешаемости династических, национальных и социально-экономических вопросов, то Бисмарк строил империю на национальном уровне и не стремился к лишним территориальным приращениям, вследствие чего его империя просуществовала гораздо дольше и не распалась в трагедии первой мировой войны. Бисмарк мыслил не территориально, но стратегически. Не закрашиванием новых территорий в цвета своего государства на политической карте, но включением целых стран в сферу политического влияния Германии определялась масштабность его международной концепции.

По-своему агрессивный курс Бисмарка требовался новому государству — Германской империи — для утверждения своего места в семье европейских государств. Опасность потерять достигнутое в 1871 г. общенациональным напряжением сил заставляла Бисмарка решать сложные дипломатические задачи и искусно лавировать в опасных водах международной политики. Конечно, можно было бы оперировать мнением обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, который писал, что «Бисмарк слишком хорошо знает Россию, а потому, клянясь бесстрашием перед ней, он трусит ее и трусит смертельно»⁵⁷, однако верным кажется другое. Вне зависимости от характера

оценки российскими государственными деятелями политики Бисмарка, Петербург понимал, что при любых поворотах в российско-германских отношениях Бисмарк придерживался фундаментального принципа сохранения мирных отношений между Россией и Германией, поскольку этого требовали национальные интересы самой Германской империи ⁵⁸.

Вместе с тем, был запущен опасный механизма германской национальной идеи, которая для своего обуздания требовала фигуру, равную по масштабам Бисмарку. За неимением таковой эта идея в условиях триумфа германских вооруженных сил и общеевропейской гонки вооружений продолжила свое развитие. Возникла соблазнительная перспектива претворения в жизнь идеи Великой Германии и других идеологических концепций, среди которых был и «*Drang nach Osten*», совершенно не новый для XX века. Но обвинять Бисмарка в этом несправедливо, а искать в его политике коварные замыслы восточной экспансии — антиисторично.

Несмотря на успехи германской внешней политики при Бисмарке, не следует представлять «железного канцлера» сверхчеловеком своего времени, мастерски и безошибочно творившего историю своей страны и искусно манипулировавшего правителями и правительствами других государств ради реализации интересов Германии. Вернее всего предположить, что в тех международных обстоятельствах, которые сложились в Европе во второй половине XIX в., в условиях действия разновекторных политических программ, Бисмарку удалось умело реализовать свое восприятие немецкой национальной программы. Здраво оценивая международную ситуацию, Бисмарк, конечно, не без определенного риска, везения и собственного дипломатического мастерства, успешно осуществлял свои внешнеполитические замыслы. Но каждый раз, перед тем как ввязаться в очередной бой он задавался вопросом, соответствует ли этот бой подлинным национальным интересам Германии. Собственные симпатии в политике были чужды Бисмарку: он с легкостью мог организовать кампанию против вчерашнего союзника или начать налаживать мосты к сегодняшнему противнику, если этого требовали интересы Германии, и если это было политически достижимо. Для европейской политики второй половины XIX в. такое понимание международного курса в сочетании с продуманным, а не надуманным механизмом реализации политики было в некоторой степени революционным. Однако «белый», по меткой оценке германского историка Галла, «революционер» Бисмарк заложил в европейской политике принципы, неумелое использование которых его последователями привело к радикализации и революционизированию международных отношений. Ему не было свойственно проведение необоснованной и несоответствующей реальным стратегическим целям государства политики. Его главным стремлением было служение истинным интересам своей страны, с точки зрения которых «с Россией у нас никогда не будет необходимости воевать, если только либеральные глупости или династические промахи не извратят положения» ⁵⁹. Пренебрежение этим базовым принципом в XX в. знаменовало собой крах политики Бисмарка и привело к двум невиданным прежде по своим масштабам и последствиям цивилизационным катастрофам.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках Проекта № 15-18-30087 «Россия — Европа: веки совместной истории в коллективной памяти. XIX—XX вв.».

1. Bismarck-Bibliographie: Quellen und Literatur zur Geschichte Bismarcks und seiner Zeit. Köln-Berlin. 1966.
2. МЕДЯКОВ А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии. — Российская история. 2015, № 6, с. 63.
3. STEINBERG J. Bismarck: A Life. Oxford. 2012; ENGELBERG E., ENGELBERG A. Bismarck: Sturm über Europa. München. 2014; KOLB E. Otto von Bismarck: eine Biographie. München. 2014; KRAUS H.-C. Bismarck: Grösse, Grenzen, Leistungen. Stuttgart. 2015; MAYER T. Bismarck: Der Monolith. Reflexionen zu Bismarck am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg. 2015; NONN C. Bismarck: ein Preusse und sein Jahrhundert. München. 2015.
4. В 2004 г. Фондом была запущена публикация новой серии «Otto von Bismarck. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe», в которой представлены как уже опубликованные источники, так и новые архивные материалы о деятельности Бисмарка.
5. См., например: GALL L. Otto von Bismarck und Wilhelm II. Repräsentanten eines Epochenwechsels? Paderborn. 2000; SCHERER F. Bismarck und der Orient 1878—1890. Paderborn. 2001; GALL L. Otto von Bismarck und die Parteien. Paderborn. 2001; SCHMID M. Der “Eiserne Kanzler” und die Generäle. Deutsche Rüstungspolitik in der Ära Bismarck (1871—1890). Paderborn. 2002; WETZEL D. Duell der Giganten. Bismarck, Napoleon III und die Ursachen des Deutsch-Französischen Krieges. Paderborn. 2005; GALL L., LAPPENKÜPER U. Bismarcks Mitarbeiter. Paderborn. 2009; Der Wiener Frieden 1864: Ein deutsches, europäisches und globales Ereignis. Paderborn. 2016.
6. Прежде всего, это документы, содержащиеся в следующих сборниках: Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris: 1859—1862. Berlin. 1920; Die auswärtige Politik Preussens: 1858—1871. Oldenbourg. 1932—1945; BISMARCK O. von. Werke in Auswahl. Darmstadt. 2001.
7. РЕВУНЕНКОВ В.Г. Приход Бисмарка к власти. Л. 1941; ЕГО ЖЕ. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л. 1957; ЕРУСАЛИМСКИЙ А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М. 1968; ЧУБИНСКИЙ В.В. Бисмарк. Политическая биография. М. 1988.
8. KOHN H. Nationalism: Its Meaning and History. Princeton. 1955; ROCHAU A. L. von. Grundsätze der Realpolitik. Frankfurt-Berlin-Wien. 1972; HOLBORN H. History of Modern Germany: 1840—1945. Princeton. 1982; ЧУБИНСКИЙ В.В. Ук. соч.; KISSINGER H. Diplomacy. New York. 1994; WAYMAN F.W., DIEHL P.F. Reconstructing Realpolitik. Michigan. 1994; BEW J. Realpolitik: A History. Oxford. 2016.
9. ТЕРЕНТЬЕВ М.А. История завоевания Средней Азии. СПб. 1906; РОГИНСКАЯ А.Е. Очерки по истории Франции XVII—XIX вв. М. 1958; Grossdeutsche — Sachwörterbuch zur deutschen Geschichte. 1958, S. 372; Lexikon der deutschen Geschichte. 1977, S. 468; История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М. 1999; LUCHTERHANDT M. Österreich-Ungarn und die preussische Unionspolitik 1848—1851. In: Die Erfurter Union und das Erfurter Unionsparlament 1850. Böhlau-Köln u.a. 2000; СИДОРОВА М.М. Геополитическая дилемма России в конце XIX — начале XX в. М. 2003; БАШИНА С.Н., АРАПОВА Д.Ю., БЕКМАХАНОВА Н.Е. Центральная Азия в составе Российской империи. М. 2008; Британская империя: становление, эволюция, распад. Екатеринбург. 2010, с. 48—142.
10. БИСМАРК О. фон. Воспоминания, мемуары. М.-Мн. 2002, с. 375.
11. TILLY R.H. Vom Zollverein zum Industriestaat. Die wirtschaftlich-soziale Entwicklung Deutschlands 1834 bis 1914. München. 1990.
12. BOTZENHART M. Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789—1847. Frankfurt. 1985, S. 95—104; SIEMANN W. Vom Staatenbund zum Nationalstaat. München. 1995,

- S. 337—342; WEHLER H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 2. München. 2008, S. 131.
13. SCHMIDT R.F. Bismarck. Realpolitik und Revolution. Kreuzlingen-München. 2006, S. 61—63.
 14. Bismarck an Manteuffel. 15.II.1854. In: BISMARCK O. von. Die gesammelten Werke. Berlin. 1924—1935, Bd. I, S. 427.
 15. Bismarck an Manteuffel. 15.VII.1853. Ibid., S. 355; Bismarck an Schwester Malwine. 19.IV/ 1.V.1859. Ibid., Bd. XIV, Teil 1, S. 516.
 16. Иоганне фон Бисмарк. 19.IV.1859. В кн.: Отто фон Бисмарк. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1859—1862 гг. СПб. 2013, с. 77.
 17. МИЛЮТИН Д.А. Воспоминания. 1860—1862. М. 1999, с. 218.
 18. Bismarck an Leopold von Gerlach. 29.III.1854. In: BISMARCK O. von. Die gesammelten Werke, Bd. XIV, Teil. 1, S. 348.
 19. Санкт-Петербургские ведомости. 9 (21).I.1863, с. 30.
 20. БИСМАРК О. фон. Ук. соч., т. 1, с. 566; Bismarck an Johanna. 9.VII.1866. In: BISMARCK O. von. Werke in Auswahl, Bd. III, S. 757.
 21. БИСМАРК О. фон. Ук. соч., т. 1, с. 581.
 22. Там же, т. 2, с. 67.
 23. PFLANZE O. Bismarck. Bd. I. Der Reichsgründer. München. 1997, S. 271.
 24. Новое положение в Германии, — писали «Московские ведомости», — «не есть еще полная действительность, это есть еще только... вполовину совершившийся факт... Германия есть пока не что иное как кризис, исполненный опасностей и не близкий к концу». (Московские ведомости. 29.IV.1867, с. 2). Фраза «вполовину совершившийся факт» характеризовала то же, что имел в виду «Вестник Европы»: «близкое к завершению объединение Германии» (Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. 1868, т. I, с. 391). Об этом более откровенно писала в 1867 г. британская «The Times»: «упрочить единство между северной Германией и южной... наконец, увенчать Прусского короля короной Германского императора и, таким образом, воссоздать в пользу Пруссии Германскую империю». Московские ведомости. 23.III.1867, с. 2.
 25. Московские ведомости. 29.IV.1867, с. 2.
 26. ЛЮДВИГ Э. Бисмарк. М. 1999, с. 392.
 27. HAFFER D. Europa in den Augen Bismarcks. Paderborn. 2010, S. 530—531.
 28. GALL L. Bismarck. Der weisse Revolutionär. Frankfurt a. M. u.a. 1980, S. 409.
 29. Bismarck an Bernstorff. 28.XI.1870. BISMARCK O. von. Werke in Auswahl. Darmstadt. 2001, Bd. IV, S. 588—589.
 30. БИСМАРК О. фон. Ук. соч., т. 2, с. 245.
 31. Конвенция между Россией и Австро-Венгрией. В кн.: Сб. договоров России с другими государствами. 1856—1917. М. 1952, с. 126—127.
 32. GALL L. Bismarck, S. 509.
 33. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1876—1878. М. 2009, с. 202.
 34. ТАТИЩЕВ С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М. 2006, с. 508.
 35. Там же.
 36. GALL L. Bismarck, S. 515—517.
 37. CORDES G. Ohrfeigenbrief — Lexikon der deutschen Geschichte. Kröner-Stuttgart. 1998, Bd. I, S. 921.
 38. ТАТИЩЕВ С.С. Ук. соч., с. 877—879.
 39. П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. — Красный архив. 1933, № 4, с. 104—105.
 40. ТАТИЩЕВ С.С. Ук. соч., с. 849.
 41. Deutscher Reichs-Anzeiger und Königlich Preussischer Staats-Anzeiger. 3.II.1888; см. также: Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Stuttgart-Berlin-Köln-Mainz. 1986, Bd 2, S. 494—495 (Nr. 309).
 42. Об итальянской политике см.: HÜRTER J., RUSCONI G.E. Der Kriegseintritt Italiens im Mai 1915. München. 2007.
 43. ВИНОГРАДОВ В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М. 1969, с. 32; История Румынии. 1848—1917. М. 1971, с. 363—367.

44. БИСМАРК О. фон. Ук. соч., т. 2, с. 270.
45. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1879—1881. М. 2010, с. 92, 95.
46. WOLTER H. Bismarcks Aussenpolitik 1871—1881. Aussenpolitische Grundlinien von der Reichsgründung bis zum Dreikaiserbündnis. Berlin. 1983, S. 336; см. также: FESTER R. Saburow und die russischen Staatsakten über die russisch-deutschen Beziehungen von 1879 bis 1890 — Die Grenzboten. Zeitschrift für Politik, Literatur und Kunst. 80. Jahrgang. 2. Quartal. Berlin. 1921, S. 59.
47. CANIS K. Bismarcks Aussenpolitik 1870—1890. Aufstieg und Gefährdung. Paderborn. 2003, S. 166—180.
48. Договор, заключенный между Россией, Германией и Австро-Венгрией. В кн.: Сб. договоров России с другими государствами. 1856—1917. М. 1952, с. 228—231.
49. Протокол о продлении «Союза трех императоров». Там же, с. 238—239.
50. ЗОЛУТУХИН М.Ю. Болгарский кризис 1885—1886 гг. и крах австро-русско-германского союза — Вопросы истории. 1984, № 4, с. 43—56.
51. GALL L. Bismarck, S. 628—629.
52. PRIBRAM A.F. The secret treaties of Austria-Hungary. 1879—1914. Cambridge. 1920; MEDLICOTT W.N. The Mediterranean Agreements 1887. — The Slavonic Review. 1926, vol. 5, № 13, p. 66—88; SCHÖLLGEN G. Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage 1871—1914. München. 2000; ПАНТЕВ А. Австро-германское сотрудничество по “Българския въпрос” (1887—1890). In: Българо-германски отношения и връзки. Т. III. София. 1981.
53. CANIS K. Op. cit., S. 294.
54. ПОЛОВЦОВ А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 1 (1883—1886). М. 2005, с. 137.
55. БИСМАРК О. фон. Ук. соч., т. 2, с. 270.
56. ЛАМСДОРФ В.Н. Дневник. 1886—1890. М.-Л. 1926, с. 280.
57. К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. Т. 2. Минск. 2003, с. 492.
58. В своих мемуарах Бисмарк отмечал, что «непосредственная угроза миру между Германией и Россией едва ли возможна иным путем, чем путем искусственного подстрекательства или в результате честолюбия русских или немецких военных... которые желают войны, чтобы отличиться прежде чем слишком состарятся». БИСМАРК О. фон. Ук. соч., т. 2, с. 271—272.
59. Там же, т. 1, с. 314.

Кавказская война: проблема общей интерпретации

А.Х. Боров

Аннотация. В работе исследуются возможности обобщения различных подходов к комплексной интерпретации Кавказской войны как целостного исторического явления. Продвижение к этой цели трактуется как переход от относительно «простых» к более сложным или «обогащенным» интерпретациям. Первым шагом на этом пути является попытка очертить границы войны как социально-политического явления. За этим следует выход за пределы войны как таковой к ее контекстам — геополитическому, культурно-цивилизационному, этносоциальному. Поиски современного варианта общей интерпретации Кавказской войны происходят в определенном культурно-историческом контексте, который также должен стать предметом изучения.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Кавказская война, XVIII—XIX вв., история, историография, методология.

Abstract. The paper explores the possibilities of synthesizing different approaches to complex interpretation of Caucasian war as whole historical phenomenon. The advancement towards holistic representation of the Caucasian war is treated as a move from relatively “simple” to more complex or “enriched” interpretations. The first step on this way is an attempt to delineate the boundaries of the war as a socio-political phenomenon. The next task is getting beyond the war proper to its contexts — geopolitical, cultural-civilizational, ethno-social or areal ones. The search for modern version of an overall interpretation of Caucasian war proceeds in certain cultural-historical context, which, in turn, is subjected to the study.

Key words: Russia, North Caucasus, Caucasian war, XVIII—XIX centuries, history, historiography, methodology.

Рост общественного, публицистического и научного интереса к Кавказской войне в 1990-е гг. сопровождался политизацией подходов и выдвиганием различных интерпретаций основных ее проблем. К началу 2000-х гг. среди исследователей дискуссионными оставались «практически все основные аспекты Кавказской войны»¹. Высказыва-

Боров Аслан Хажисмелович — кандидат исторических наук, заведующий Центром социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик. E-mail: aslan-borov@mail.ru.

Borov Aslan H. — candidate of historical sciences, head of the Sosio-Political Researches. Department at the Kabardin-Balkar Scientific Center RAS. Nalchik. E-mail: aslan-borov@mail.ru.

валось суждение о «сегментации» историографии Кавказской войны, «предельно обостренной и политизированной обоюдными обвинениями в фальсификации»². И в середине 2010-х гг. обращение к ее проблематике обосновывается тем, что эта война остается «одной из самых болезненных и остродискуссионных проблем кавказоведения»³. Часто воспроизводится тезис о том, что и ныне «Кавказская война историографий» продолжается⁴. Эта характеристика создает впечатление вековой неподвижности и безысходности историографической ситуации. Однако разнообразие подходов и конфликт интерпретаций, наблюдаемые в современной российской историографии, являются в определенной мере беспрецедентными. При этом в основе дискуссий лежат не источникововедческие проблемы, не трудности решения частных вопросов реконструкции фактов и событий Кавказской войны, а различные подходы к ее общей интерпретации, то есть конструированию «Кавказской войны» как исторического явления.

В результате это понятие несет определенные характеристики «сущностно оспариваемого концепта» — ценностную окраску; внутреннюю сложность, допускающую различные описания и толкования, при том, что оценке подвергается «целое», а не отдельные компоненты; периодическую ревизию его значения⁵. При этом оно как бы циркулирует между сферами жизненной практики и академической дисциплины, так что выступает скорее в роли культурного и политического символа, нежели строгого научного понятия или термина.

Настоящая публикация имеет целью исследовать возможности обобщения унаследованных от историографической традиции и выдвигаемых в ходе современных дискуссий подходов к комплексной интерпретации Кавказской войны как исторического явления.

В современной литературе акцентируется сложная природа Кавказской войны, но методологический потенциал этого положения не реализуется в историографическом анализе. Применение критерия «достаточной сложности» предлагаемых интерпретаций позволяет по новому оценить наследие историографической традиции и открывает перспективу продвижения к обобщенной концепции Кавказской войны как сложного, но целостного исторического явления.

Кроме того встает вопрос о «границах» войны, о критериях вычленения ее как отдельного большого события, самостоятельного исторического явления. Он не сводится к определению ее хронологических рамок и в существенном смысле имеет две стороны. Первая — это вопрос о «внешних» границах войны, о правомерности выделения собственно военной фазы в истории отношений Российского государства с народами Северного Кавказа. Вторая — вопрос о ее «внутренних» границах, то есть о правомерности сведения всех форм взаимодействия России с народами Северного Кавказа «в период Кавказской войны» к вооруженному противоборству.

Вслед за этим возникает необходимость выйти за пределы войны как таковой — к ее контекстам. На минимальный объем и состав исторического материала, рассмотрение которого необходимо в этих целях, указывает предметная и концептуальная структура историографической традиции. Это геополитические цели и устремления Российской империи, культурно-цивилизационная дистанция между Россией и народами региона, социальный уклад и социальные

процессы в местных обществах. Аналитическая обработка всех этих факторов обязательна уже в силу их устойчивого присутствия в структуре научно-исторического дискурса.

Наконец, когда заходит речь о месте или «значении» Кавказской войны в истории России и народов Северного Кавказа, важно учитывать, что поиски современного варианта ее общей интерпретации протекают в определенном культурно-историческом контексте. Его изучение и понимание являются условием и одновременно составной частью искомой интерпретации.

На протяжении XIX и в начале XX в. взаимоотношения основных историографических традиций в изучении Кавказской войны концептуально оставались достаточно «прозрачными». Геополитические интересы и позиции заявлялись прямо и открыто, будучи практически независимы от конкретно-исторических интерпретаций и мало влияя на них ⁶. Российская имперская и западная геополитическая школы представляли достаточно симметричные трактовки Кавказской войны ⁷. В совокупности различных подходов возникал образ одного и того же исторического явления, на которое накладывались оценки, открыто отнесенные к различным интересам. В целом, концептуальная схема интерпретации Кавказской войны, многовекторная с политической точки зрения, оставалась сравнительно простой в логико-гносеологическом отношении. В предметном плане массив литературы того периода отражал сложную картину многообразных отношений, сопровождавших завоевание Кавказа Россией. Но в этом не усматривалось сложной концептуальной задачи, требующей специального решения.

Марксистская советская историография рождалась как идейно-политическая антитеза историографии дореволюционной. В.В. Дегоев справедливо указывает, что для нее с самого начала трудной проблемой было совмещение марксистской идеологии и марксистского метода ⁸. На тех или иных этапах ее развития идеология и политика могли полностью подавить научную продуктивность метода. Но в целом, как представляется, это обстоятельство вынуждало или позволяло советским историкам осмыслить изучение Кавказской войны в качестве сложной концептуальной задачи ⁹. Прежде всего, народы и общества Северного Кавказа должны были описываться в качестве самостоятельных субъектов исторического процесса, следующих тем же предписанным законами истории путем, что и их могущественные соседи, противники и союзники. Возможные констатации «отсталости», сравнительно «низкого уровня» их общественного развития компенсировались общей высокой оценкой роли народных масс и трудящихся классов в истории, представлениями об их способности выступать «союзниками» более «передовых» социальных сил и «догонять» их в своем развитии. И идеология, и метод марксизма по-своему препятствовали односторонней ангажированности, поскольку предписывали критический подход ко всем сторонам изучаемого конфликта, выявление «объективного» классового и исторического смысла их действий. В своем развитии советская марксистская историография продвинулась к синтезу противоборствующих историографических традиций, но не ликвидировала внутреннюю логическую напряженность в концептуальном представлении проблемы.

Попытку снять эту напряженность на основе выделения внутренней монолитной сущности Кавказской войны предпринял в первой половине 1980-х гг. М.М. Блиев¹⁰. Он выдвинул идею о том, что Кавказская война представляла собой процесс перехода общественных структур Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа от патриархально-родовых отношений к раннефеодальным, классовым. Если бы эта концепция была построена как интерпретация одного из аспектов сложного исторического явления или одного из факторов, объясняющих генезис и ход Кавказской войны, то ее воздействие на развитие историографии могло бы быть более плодотворным. Но, доведенная до своего логического предела, она обнаружила фундаментальный методологический изъян — установку на выявление одной единственной, «внутренней» социальной сущности исторического явления.

Политические аспекты истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа оказались в центре общественного и научного обсуждения на рубеже 1980—1990-х годов. Общий сдвиг в историографической ситуации определялся соединением двух тенденций. Во-первых, переходом инициативы в определении общественной и научной актуальности тех или иных сюжетов к местным интеллектуальным кругам, тесной увязкой постановки научных проблем с национальным вопросом, восстановлением исторической памяти, возрождением национально-культурных традиций. В этом контексте идеологема «добровольного вхождения» народов Северного Кавказа в состав России стала выглядеть как проповедь их добровольного отказа от своей исторической субъектности и была замещена идеологемой завоевания/сопротивления. Во-вторых, легитимация современной государственности России строилась не только на либерально-демократических принципах, но и на восстановлении прямой преемственности с исторической русской государственностью, включая ее имперский период. Эти два обстоятельства и привели к тому, что дискуссионными стали практически все основные аспекты проблемы. А стремление участников дискуссии утвердить однозначную трактовку природы войны в целом неизбежно возвращало их к «простым» ее интерпретациям.

В научной и политико-публицистической литературе присутствуют различные, порой противоположные трактовки вопроса об исторических масштабах Кавказской войны. В одном случае ее представляют как всеобъемлющий контекст и содержание российско-северокавказских отношений. В другом — как малую величину, которой можно пренебречь при изучении истории этих отношений.

В профессиональной историографии расширительная трактовка границ Кавказской войны строится при сугубо военно-историческом подходе к проблеме на основе представления о Российском государстве, как о преемственном субъекте военно-политической активности на Кавказе. В этом случае хронологические рамки Кавказской войны расширяются по сравнению с устоявшейся традицией до первой четверти XVIII века. Но здесь неизбежно возникают проблемы с ее целостным представлением. Приходится либо вести речь о ряде «Кавказских войн», либо говорить о бесполезности общего понятия «Кавказская война»¹¹. Датируя завоевание Кавказа 1722/1723—1877 гг., В.В. Лапин делает вывод, что попытки искать внутреннее единство в

типологически разных исторических явлениях, выявить природу этого исторического феномена, дать ему некую «обобщающую» характеристику — мало перспективны. Кавказская война — собирательное понятие ¹².

Другая ось дискуссий об исторических границах Кавказской войны с 1980-х гг. и до настоящего времени задается «социально-стадиальным» подходом Блиева, предпринявшего масштабную попытку построения целостной концепции этого явления. В ее основе также лежит представление о едином историческом субъекте Кавказской войны. Но он смещает фокус исследования на закономерности внутреннего развития горских обществ и связь с ними собственно военных событий в регионе. При этом также существенно расширяются хронологические рамки изучаемого явления. «Кавказская война», в том значении этого понятия, которое придает ему Блиев, охватывает жизнь горцев Большого Кавказа на протяжении всего XVIII и первой половины XIX века. В отличие от первого — «военно-исторического» — подхода, в рамках «социально-стадиальной» концепции Блиева многообразные события, наполняющие длительный период «Кавказской войны», образуют целостный феномен ¹³.

Однако представляется, что, когда за точку отсчета принимаются проявления военной активности той или другой стороны, происходит неизбежное сужение угла зрения. За скобками остается сложная, «двусторонняя», интер-социальная природа войны, поскольку из рассмотрения выпадают либо (гео)политическое содержание конфликта, либо его культурно-цивилизационные и социальные измерения. Сопровождающие такую операцию оговорки о многообразии и сложности связанных с войной явлений оказываются формальными. Расширение ее хронологических рамок в обоих рассмотренных выше вариантах, как представляется, не обеспечивает необходимого расширения анализа. Кавказская война предстает как «большое», но достаточно «простое» явление.

Второй аспект проблемы определения границ войны связан с тем, что военные события не исчерпывают содержания российско-кавказского взаимодействия и внутри «периода Кавказской войны», как бы его ни определять. В южнороссийской историографии активно работают школы, которые интерпретируют региональный исторический процесс XVIII—XIX вв. с точки зрения его конечного результата — превращения народов Северного Кавказа в равноправных субъектов единого отечества — России ¹⁴. Естественно, что в центре внимания указанных школ оказываются невоенные аспекты российской политики ¹⁵. Контуры Кавказской войны как самостоятельного исторического явления в этом случае расплываются, ее проблематика растворяется в широком процессе «социально-экономической, политической, административно-судебной, культурной и иной интеграции Северного Кавказа и России» ¹⁶. Здесь также возникает идея вообще отказаться от понятия «Кавказская война», но по другим причинам, нежели дискретность и многообразие военных эпизодов ¹⁷.

Исследования «невоенного содержания войны» весьма плодотворны и необходимы для ее целостной интерпретации. Но когда их результатам придается всеобъемлющее значение, происходит своего рода возвращение к «простым» способам осмысления Кавказской войны как исторического явления. Нет сомнения, что соотношение полити-

ки (цель) и вооруженной борьбы (средство достижения цели) в Кавказской войне было более сложным, чем в межгосударственных войнах той эпохи. Военные цели заключались не в разгроме вражеской армии, а в выведении территорий и групп населения (этно-территориальных и этно-социальных единиц) из вооруженной борьбы, то есть их «умиротворении». В этом случае было необходимо применение экономических, административных, социально-культурных мер, что также входило в круг задач военного командования. Но, как представляется, новейшие исследования этого аспекта Кавказской войны не снимают той диалектики военных и невоенных средств достижения целей России в регионе, которую в 1860 г. достаточно емко выразил полковник генерального штаба Д. Романовский: «Действительно, судя по историческому развитию кавказских горцев, и по тому образу жизни, с которым свыклись они в продолжение веков, умиротворить Кавказ без употребления оружия едва ли было возможно. Нельзя не думать даже, что так или иначе велась бы Кавказская война, явился бы или не явился мюридизм, во всяком случае горцы без крайности не изъявили бы покорности, а до крайности они не могли быть доведены иначе, как военными действиями. Но если трудно себе представить покорение кавказских племен без употребления оружия, то также нелегко себе вообразить, как и когда бы совершилось это покорение, если бы действия наши были основаны исключительно на оружии»¹⁸. Иными словами, проблема в том, что хозяйственно-культурное, «человеческое», цивилизационное взаимодействие, сопровождавшее процесс включения Северного Кавказа в состав Российской империи, не отменяет его (гео)политических целей и роли военных средств в их достижении.

С этой точки зрения границы войны в собственном смысле слова предстают как начальное и конечное звенья цепи военно-политических событий, скрепленных единством содержания — поэтапными необратимыми изменениями политико-административного статуса территорий, обществ, народов Северного Кавказа, ведущими к установлению прямого административного контроля над ними со стороны Российской империи при решающей роли вооруженной борьбы. Конечное звено такой цепи мало кем оспаривается — это завершение покорения Северо-Западного Кавказа в 1864 г., после которого весь Кавказ оказался в составе и под управлением Российской империи. Ее начало неправомерно отождествлять с вооруженными столкновениями России с местными владетелями или группами населения, происходившими в иных условиях и в ином политическом контексте. Искать, видимо, следует начало именно той войны, которая закончилась в 1864 году. Здесь есть реальная исследовательская проблема.

Важно уже то, что разночтения в определении начального звена цепи событий Кавказской войны весьма значительны. Ведь речь идет о не слишком отдаленном по историческим меркам и хорошо документированном периоде. Правда, не осталось какого-либо однозначно прочитываемого государственно-политического или международно-правового акта, который можно было бы считать формальной фиксацией начала войны. В этих условиях весьма четко проявляется зависимость конкретно-исторических интерпретаций от точки зрения интерпретатора. И каждая такая точка зрения соот-

ветствует не только политической позиции, но и методическому подходу автора.

Так, российская имперская историографическая традиция довольно определенно связывала начало Кавказской войны с 1801 (1802) г., когда присоединение Картли-Кахетинского царства породило геополитическую и военно-стратегическую необходимость скорейшего утверждения России на всем Кавказе, без чего удержание Восточной Грузии было весьма проблематичным. Другая сторона этой позиции — оценка характера военных действий, их планомерности, интенсивности, «цены» и т.д. С точки зрения осознанной постановки конечной политической цели военных действий России на Кавказе, возможно, 1802 г. и есть начало Кавказской войны. С точки зрения выработки стратегического плана ведения военных действий и начала его более или менее последовательной реализации, правомерно говорить о 1817/1818 годе. Вслед за этим на более высокий уровень поднялись военно-политическая самоорганизация и интенсивность борьбы горцев. Поэтому группа современных авторов высказывает суждение о том, что в российско-северокавказских отношениях война, «т.е. организованные боевые действия армий враждующих сторон», имела место только в 1810—1860-х и в 1990-х годах¹⁹. По этой же причине, например, военно-политические события, связанные с покорением Центрального Кавказа (в частности, Кабарды) традиционно не включались в Кавказскую войну, поскольку они развернулись еще до присоединения Восточной Грузии, не были тогда частью реализации общего стратегического плана, отличались сравнительно малой интенсивностью и в военном отношении не столь дорого обошлись российской армии.

Но, если принять в качестве отправной точки зрения позиции другой стороны или участника событий, они принимают иной вид. Например, события, которые с «русской» точки зрения выглядят как не слишком значительные военные эпизоды, с «кабардинской» точки зрения представляет собой глобальную военно-политическую катастрофу. Далее, они выступают как звенья единой цепи военно-политических событий, которая начинается с основания крепости Моздок (1763 г.) и простирается вглубь канонической (с 1801 или с 1817/1818 гг.) датировки начала Кавказской войны до окончательного «усмирения» Кабарды в 1825 году. Речь идет о вооруженных столкновениях, карательных экспедициях, волнениях и восстаниях в Кабарде в 1764, 1769, 1785, 1794—1798, 1804, 1810, 1822, 1825 годах. Поэтому, например, с точки зрения современных кабардинских историков, не подлежит сомнению, что Кавказская война началась в 1763 г. с «аннексии» территории Кабарды и вооруженного сопротивления²⁰. Впрочем, и в имперской историографической традиции встречаются суждения об особом значении основания Моздока в общем процессе «завоевания Кавказа». Согласно оценке русского военного историка В.А. Потто, оно оказалось началом «великой программы, на выполнение которой потребовалось целое столетие», хотя «при основании Моздока едва ли кто подозревал, что мы кладем краеугольный камень завоеванию Кавказа»²¹.

Следует повторить, что расширение границ анализа не предписывает увеличение хронологических рамок войны, но предполагает,

что ограничивая ее периодизацию, скажем, 1817—1864 гг., необходимо определенным образом интерпретировать и упомянутые выше военно-политические события, и точку зрения на них адыгских (кабардинских) историков. Убедительное решение задачи возможно будет найдено не в каком-то «первоначальном событии», а в последовательном нарастании ряда шагов, несущих «признаки войны» с точки зрения той или другой из вовлеченных в них сторон. В результате этих поисков датировка, учитывающая все возможные перспективы и возобладавшая в науке, неизбежно будет конвенциональной. Но если она выработана на основе научно-рационалистических аналитических процедур (включающих дискуссии), то конвенциональность и будет синонимом научности.

То, что в имперской традиции иногда обозначалось как «кавказско-горская война», при самой узкой ее датировке охватывает более трех десятилетий. На протяжении этого времени военные действия развивались весьма неравномерно. Но разнородность собственно военных эпизодов компенсируется постоянством геополитических факторов, интересов и целей. Так или иначе, это обстоятельство прочитывается в высказываниях самих творцов российской политики эпохи Кавказской войны. Сразу после победы в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Николай I поставил перед командующим русскими войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичем задачу начать другое, «столь же славное» и более важное дело — «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»²². Здесь не делается какого-либо различия между политикой по отношению к безусловному геополитическому противнику и к населению края. Так что последовавший за этим апогей Кавказской войны обусловлен необходимостью довести до логического завершения процесс реального включения Кавказа в состав Российской империи. В рескрипте на имя Главнокомандующего Кавказской армией Александр II по случаю окончания войны дал весьма полное изложение официальной трактовки ее характера, но при этом отметил, что завершено «начатое полтора века назад дело покорения Западного Кавказа»²³.

Однако общий ход событий конца XVIII — начала XIX в. показывает, что достижение или закрепление геополитических целей не обязательно строилось на применении военной силы. В ряде случаев народы и общества Северного Кавказа сами инициировали изменение своего геополитического статуса. Совокупность событий и актов такого рода и лежит в основе историографической теории их «добровольного вхождения» в состав России. В ряде других случаев они оставались в неведении относительно международно-правовых актов, фиксирующих изменения их геополитического статуса. Причины этого понятны. На Северном Кавказе ко времени Кавказской войны не сложилось ни одного государственно-политического образования, которое стало бы самостоятельным центром силы и субъектом международного права, признанным ведущими державами того времени. Регион вовлекался в систему международных отношений как совокупность локальных социальных субъектов, для которых изменения геополитического баланса приобретали жизненно важное значение поскольку прямо затрагивали материальные основы их существования, социальный порядок и символические представления о себе и мире, то есть их «цивилизацию».

Механизм, порождавший напряжение во взаимодействии геополитических устремлений с культурно-цивилизационными факторами, был заложен как раз в «не колониальном» характере политики имперских верхов России. Имперская идеология несла установку на административно-правовую интеграцию региона: Кавказ должен был стать не колонией, а неотъемлемой частью империи. Но для местных обществ и культур это означало появление нового мощного соседа, оказывающего постоянное давление, стесняющее или даже подрывающее воспроизводство традиционного уклада жизни. Недавно предложена емкая формула: «обострение ситуации на Северном Кавказе в 1-ой половине XIX в. может быть понято как институциональный конфликт, т.е. конфликт социальных и политико-правовых институтов Российской империи и горских обществ в контексте острой геополитической борьбы в регионе»²⁴.

Культурно-цивилизационный конфликт раскрывает природу Кавказской войны на уровне достаточно высокой абстракции. Из него нельзя напрямую вывести «материализованные» формы вооруженного противоборства. Поскольку цивилизации являются культурными единицами, а не политическими, заметил С. Хантингтон, «они сами не занимаются поддержанием порядка, восстановлением справедливости, сбором налогов, ведением войн, заключением союзов и не делают ничего из того, чем заняты правительства»²⁵. Но нельзя сказать, что всем этим на Северном Кавказе XVIII—XIX вв. были «заняты правительства». Война для северокавказских обществ не была «продолжением политики иными средствами». Напротив, кристаллизация раннегосударственных структур была одной из форм их ответа на вызов войны. Происхождение Кавказской войны, ее затяжной характер, формы военных действий с обеих сторон соотносятся с традиционным социальным укладом в целом. А при аналитическом представлении «горской» социальной системы в ее общей связи с войной на первый план выступают консерватизм ее базовой социальной единицы, имманентно присущие ей «военный быт» и воинская культура, особенности организации регионального этносоциального пространства.

Концепция Блиева предполагает, что главными носителями и бенефициарами набеговой практики, а также движущей силой революционной трансформации общества выступали восходящие группы военно-демократической социальной среды. Его оппоненты в региональном научном сообществе также характеризовали «народно-освободительное движение» (Кавказскую войну) через призму его социально-классовых состава, противоречий и интересов²⁶. Но социальные «атомы», из которых складывались все эти общества, это — не столько социальные классы и слои, сколько социально-территориальные единицы — общины (в случае эгалитарных обществ Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа) и вотчины-общины (в случае феодализованных этнополитических образований). Даже в обществах с классовой социальной структурой феодалы были включены в ее земельную и административную организацию, а феодалы были владетели подпадали под регулятивные установления обычного права. Такая социальная организация характеризуется глубоким консерватизмом, ориентацией на устойчивое воспроизводство собственных основ — хозяйственных, социально-правовых, ценностных.

Но проблемы, с которыми столкнулись все горские общества в условиях продвижения России в регион, были связаны как раз с угрозой дестабилизации, разбалансировки внутриобщинных и межобщинных, внутривотчинных и межфеодальных связей и отношений.

При этом в «довоенном» горском обществе независимо от степени зрелости классовой структуры основным фактором социальной дифференциации была личная, фамильная, общинная сила, а ее применение, то есть насилие, было основным регулятором всей системы социальных взаимодействий²⁷. В региональной историко-этнографической литературе, не связанной с оценками Кавказской войны, признается, что военный быт в значительной степени определял социокультурный облик и социальную организацию общества, будь то военно-аристократическая или военно-демократическая. Военная активность представляла собой неотъемлемую и важную часть социальных практик и в «аристократических» и в «демократических» обществах. Военная доблесть и удачливость занимали высокое место в иерархии ценностей и во многом определяли социальный статус индивидуума. В большинстве районов Кавказа, по оценке Лапина, война воспринималась как часть повседневности²⁸.

Особенности войны определялись во многом спецификой организации местных обществ. Как полагает Ч. Кинг, центральной проблемой, с которой сталкивались Московское государство, а затем и Россия в отношениях с горцами, было отсутствие централизованной политической власти. Ни в одном из ареалов Северного Кавказа не было политических элит, которые могли бы претендовать на представительство более или менее значительных групп населения, а тем более, навязать им свою волю²⁹. В обществах, где бесспорно существовала феодально-корпоративная власть, как в княжеской Кабарде, ее политическая эффективность подрывалась внутренним соперничеством феодальных группировок и социальным расколом между верхами и подвластным населением. Россия не могла окончить войну в целом неким конкретным соглашением, «мирным договором», поскольку соответствующей «центральной» власти у горцев не было. «Столиц» как таковых не существовало, равно как и стратегических пунктов, захват которых признавался бы обеими сторонами как важное событие³⁰. «Наиболее благоустроенное и наиболее могущественное из горских владений составляло ханство Аварское, которого главным пунктом было местопребывание ханов, аул Хунзах», но «занятие нами Хунзаха в 1837 г. вовсе не подчинило нашему влиянию соседние племена», — сетовал Д. Романовский³¹.

Каждый из указанных выше «контекстуальных» факторов Кавказской войны внес свой вклад в генезис и характер ее протекания. Но ни один из них по отдельности не может рассматриваться как достаточная причина или исчерпывающее выражение ее «сущности». Геополитические цели России и ее продвижение на юг создали саму возможность вооруженного столкновения с горцами Северного Кавказа. Культурно-цивилизационные различия между ними делали такое столкновение в высокой степени вероятным и в некоторых случаях — неизбежным. Особенности социальной и политической организации народов и обществ региона обусловили упорство и длительность противоборства.

Вместе с тем, политические и военные формы взаимодействия с Россией выступили в качестве новых факторов, оказавших решающее влияние на эндогенные социально-политические процессы в местных обществах. Произошел кардинальный сдвиг в соотношении общества и власти. На «довоенном» Северном Кавказе возможности влияния власти на общество, выходящие за пределы социально-правовой традиции, то есть осуществления преобразований, «реформ», были минимальны. Шаг за шагом властные структуры, наделенные подобным потенциалом, генерировались в ходе войны местными обществами. А по ее завершении утвердилась независимая от них и стоящая над ними власть, которая формировала условия и административно-правовые механизмы функционирования общества, задавала ему ориентиры. Изменился сам механизм социально-культурного развития народов региона.

Нередко звучащие в ходе современных дискуссий призывы к объективности как бы предполагают, что познавательные проблемы в изучении Кавказской войны уже решены, недостает только научной и личной добросовестности у оппонентов, чтобы признать истину. В этом отражается двуединая природа текущей историографической ситуации. С одной стороны, профессиональным историкам, кажется, должно быть понятно, что Кавказская война как историческое явление сегодня доступна восприятию только в качестве познавательной конструкции. С другой стороны, нет возможности ограничиться сугубо профессиональным анализом и обсуждением исследовательских проблем как таковых и по отдельности, поскольку в конечном счете они должны быть переложены в рассказ о реальном событии или периоде истории, значимом для национальных и социальных групп современного российского общества, идентифицирующих себя с различными сторонами конфликта, имевшего место в прошлом. Призывы «отделить» работу профессиональной историографии по созданию национальных нарративов от жизненной практики, от общественных запросов малопродуктивны. Действительная проблема заключается в том, чтобы академическая дисциплина давала ответ на общественный запрос в соответствии со своими собственными правилами — правилами научной рациональности.

Весьма полезные процедурные рамки или алгоритм обсуждения соответствующих вопросов представляют идеи современного методолога Йорна Рюзена, в частности, его анализ механизмов порождения исторического смысла в интерпретации и нарративе. Исходный пункт движения к исторической интерпретации находится в сфере жизненной практики. Имея сложившиеся представления о своем месте в культурно-историческом процессе (историческую идентичность), социальные и национальные группы и целые общества сталкиваются с непредвиденными изменениями условий своей жизнедеятельности, с кризисом. Отсюда возникает потребность в воспроизведении и изображении прошлого, способного служить ориентации человеческой жизни в настоящем³². «Непредвиденное изменение» условий существования, с которым российское общество в целом и народы Северного Кавказа в частности, столкнулись на исходе XX в. — это все то, что связано с концом биполярного мира, распадом СССР, трудным опытом становления современного Российского государства, процес-

сами демократизации и глобализации. В социально-культурном и политическом плане ключевой элемент современной ситуации — потребность России и различных общностей, формирующих ее социально-культурный ландшафт, в подтверждении своей идентичности, собственной исторической цельности. В историографическом аспекте специфика ситуации состоит в том, что еще не завершено формирование национальных исторических нарративов и России в целом, и народов Северного Кавказа по отдельности.

Выдающийся английский историк П. Ласлетт как-то заметил, что реконструкции истории и ее интерпретации строятся для того, чтобы примирить некоторую группу с ее прошлым и с тем, чем ее настоящее отличается от этого прошлого³³. Реализуя эту социальную функцию, научная историография не может не учитывать, что значимость интеграции проблематики Кавказской войны в структуру национальных нарративов различного «уровня» объективно неодинакова. Для общего представления российской национальной истории Кавказская война останется в некотором смысле побочным, частным сюжетом. Даже когда она является непосредственным предметом анализа, ее интерпретации и оценки скорее всего будут подчиняться другим, более широким и важным, процессам и явлениям. Так, если предметом исследования является исторический процесс формирования российского многонационального государства, то каждый отдельный период или явление региональной истории могут интерпретироваться как один из этапов, аспектов или даже «моментов» указанного процесса³⁴. Но дело в том, что в национальных историях отдельных народов Северного Кавказа широкие процессы формирования многонационального государства или модернизации предстают как отрезок на пути их собственного исторического развития и, соответственно, один из смыслообразующих элементов их исторического сознания. Для научной историографии здесь возникает методологическая проблема — необходимость найти такую интерпретацию исторического места Кавказской войны, в которой Россия и народы Северного Кавказа выступали бы как очень разные, но равно значимые для современного общественного сознания субъекты единого исторического процесса.

Решение этой проблемы достижимо в рамках сложной, но внутренне последовательной исторической концепции Кавказской войны. Хорошо известно суждение М. Вебера о том, что в основе деления наук лежат не «фактические» связи «вещей», а «мысленные связи проблем»³⁵. В мировоззренческом аспекте здесь важно, чтобы «мысленные связи проблем» задавались не заранее принятой иерархией, а координацией базисных и долгосрочных интересов всех — «малых» и «больших», «передовых» и «отсталых» — субъектов исторического процесса, вовлеченных в изучаемый комплекс отношений и конфликтов. В профессиональном плане целью исследования являются не актуальные политические выводы из опыта войны, а тот синхронный и диахронный исторический контекст, вне которого нельзя ни объяснить войну как явление своей эпохи, ни определить ее место в длительном историческом цикле российско-кавказских отношений от их истоков до наших дней. На концептуальном уровне необходима полнота охвата материала аналитическими и синтетическими процедурами, что позволит не стереть грани между войной и миром — не ра-

сформировать трактовки войны в трактовках периодов взаимного тяготения (сближения, культурного обмена), но равным образом — не увести в тень войны ценность и значение последних. Таким образом, следуя своим академическим правилам, историография способна не просто ответить на нужды и ожидания общества, но произвести «теоретическую добавку» к ним — эмпирически обоснованное и концептуально насыщенное знание, с которым все общественные силы должны будут считаться, независимо от различия их интересов ³⁶.

Различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга. Тем самым становится достижимым необходимый уровень сложности исторической интерпретации этого явления. Открывается перспектива единого прочтения и «своего» и «чужого» прошлого. С научно-рационалистической точки зрения для этого нет непреодолимых преград. Вопрос заключается в том, в какой мере общественно-идеологическая атмосфера в стране и в регионе будет способствовать или препятствовать этому.

Примечания

1. ЧЕРНОУС В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20—50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса. — Научная мысль Кавказа. 2003, № 1, с. 58.
2. ПАТРАКОВА В.Ф. Проблемы истории Кавказской войны XIX века в зеркале современных подходов. В кн.: Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 2007, с. 80.
3. ГАПУРОВ Ш.А., БУГАЕВ А.М., ЧЕРНОУС В.В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании. — Научная мысль Кавказа. 2014, № 4, с. 90.
4. ОЛЕЙНИКОВ Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания. В кн.: Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб. 2001, с. 69—88.
5. COLLIER D. Essentially contested concepts: Debates and applications. — Journal of Political Ideologies. October 2006, vol. 11, No. 3, p. 216—218.
6. Наиболее яркий, но не единственный пример — Р.А. Фадеев. См.: ФАДЕЕВ Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис. 1860.
7. BADDELEY J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. London. 1908, p. XXXVIII, 21—22.
8. ДЕГОЕВ В.В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги. В кн.: ДЕГОЕВ В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М. 2001, с. 238.
9. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2009, с. 190—191.
10. БЛИЕВ М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. — История СССР. 1983, № 2, с. 85—96.
11. КУМЫКОВ Т.Х. К вопросу о периодизации Кавказской войны. В кн.: Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала. 1998, с. 30—32. ГАДЖИЕВ В.Г. Нерешенные и спорные вопросы истории Кавказской войны. Там же, с. 6.
12. ЛАПИН В.В. История Кавказской войны. СПб. 2003, с. 12—15.
13. БЛИЕВ М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М. 2004, с. 17—18, 58—60, 128, 795.
14. МАТВЕЕВ В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX — начало XX в.). Ростов-на-Дону. 2006.
15. ВИНОГРАДОВ В.Б. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. М.—Армавир. 2006; КЛЫЧНИКОВ Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном

- Кавказе (1816—1827 гг.). Ессентуки. 1999; ЕГО ЖЕ. Российская политика на Северном Кавказе (1827—1840 гг.). Пятигорск. 2002.
16. ВЕЛИКАЯ Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства. В кн.: Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 2007, с. 96.
 17. Вопросы южнороссийской истории. М.-Армавир. 2006, с. 90—113.
 18. РОМАНОВСКИЙ Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским; ЭСАДЗЕ С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ.-гор. войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. М. 2004, с. 205.
 19. ГАТАГОВА Л.С., ИСМАИЛ-ЗАДЕ Д.И., КОТОВ В.И., НЕКРАСОВ А.М., ТРЕПАВЛОВ В.В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? — Отечественная история. 1998, № 5, с. 131.
 20. КУШХАБИЕВ А.В. Русско-кавказская война в истории адыгского народа. — Исторический вестник. VII выпуск. Нальчик. 2008, с. 350—371; МИРЗОЕВ А.С. Кавказская война — название, научное определение, хронология и периодизация. В кн.: Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (К 150-летию окончания). Нальчик. 2014, с. 133—163; БГАЖНОКОВ Б.Х. Моздок в истории Кавказской войны. В кн.: Кавказская война: события, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик, 15—19 октября 2014 г.). Нальчик. 2014, с. 3—22.
 21. ПОТТО В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб. 1887, с. 52—53.
 22. Цит. по: ФАДЕЕВ А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960, с. 340.
 23. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20—70-е годы XIX века): Сб. архивных документов. Нальчик. 2001, с. 310—311.
 24. ГАПУРОВ Ш.А., БУГАЕВ А.М., ЧЕРНОУС В.В. Ук. соч., с. 95.
 25. ХАНТИНГТОН С. Столкновение цивилизаций. М. 2006, с. 51.
 26. ОРТАБАЕВ Б.Х., ТОТОВЕВ Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности. — История СССР. 1988, № 2, с. 78—96; Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20—60-х гг. XIX в. Махачкала. 2006, с. 68—109, 167—194.
 27. КАРПОВ Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа. В кн.: Антропология насилия. СПб. 2001, с. 221—262.
 28. ЛАПИН В.В. Ук. соч., с. 40.
 29. KING CH. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford. 2008, p. 38.
 30. ЛАПИН В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...» Военные планы покорения Кавказа. В кн.: Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. СПб. 2005, с. 15.
 31. РОМАНОВСКИЙ Д. Ук. соч., с. 25—26.
 32. РЮЗЕН Й. Утрачивая последовательность истории. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М. 2001, с. 12.
 33. ЛАСЛЕТТ П. История и общественные науки. В кн.: Философия и методология истории. М. 1977, с. 200.
 34. КЛЫЧНИКОВ Ю.Ю. Перспектива новых трактовок традиционных конфликтных сюжетов в кавказоведении (на примере т.н. Кавказской войны). В кн.: Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14—15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону. 2013, с. 87.
 35. ВЕБЕР М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. В кн.: ВЕБЕР М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М. 2006, с. 285.
 36. MEGILL A. Jorn Rusen's Theory of Historiography: Between Modernism and Rhetoric of Enquiry. — History and Theory. 1994, vol. 33, No 1, p. 51.

Роль дипломатии в истории Балкан

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена проблематике международных отношений на Балканах в контексте международной научной конференции, состоявшейся в ноябре 2017 г. в Приштине. В центре внимания автора — поднятые ее участниками дискуссионные проблемы, касающиеся как общей ситуации на Балканском полуострове, начиная с XVI в., так и российской политики в регионе. Особое внимание уделено перспективам урегулирования балканских проблем на основе международного взаимодействия России, Турции и других ключевых игроков.

Ключевые слова: Россия, Турция, Балканы, Сербия, Албания, Черногория, Косово, Крым, великие державы, международные отношения.

Abstract. The publication is devoted to the history of diplomacy in the Balkans in the context of international scientific conference took place in Prishtina in November 2017. Author pays particular attention to disputable problems connected with the situation in the Balkan Peninsula since XVI century as well as Russian policy towards the region. Peacekeeping in the Balkans on the basis of cooperation between Russia, Turkey and other powers are of special interest in this matter.

Key words: Russia, Turkey, Balkans, Serbia, Albania, Montenegro, Kosovo, Crimea, Great Powers, international relations.

Редакция журнала «Вопросы истории» начинает публиковать на русском и английском языках наиболее интересные и актуальные материалы, касающиеся международных связей нашего издания. Это репортажи и информация об участии наших авторов в международных научных конференциях, статьи иностранных исследователей, документы двусторонних и международных форумов и многое другое.

Открывает нашу новую рубрику репортаж о состоявшейся 9—10 ноября 2017 г. в Приштине (Косово) международной научной конфе-

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

ренции «Роль дипломатии в истории Балкан». (Российская Федерация признает статус Косово в том виде, в каком он зафиксирован в резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 от 10 июня 1999 г.). Ее организаторами выступили философский факультет Приштинского университета им. Хасана Приштины и Стамбульский университет. В работе конференции приняли участие свыше 40 исследователей из России, Турции, Румынии, Черногории, Японии, Польши, а также Косово. Форум открыл главный редактор журнала «Вопросы истории» П.А. Искендеров.

* * *

В своем докладе на тему «Великие державы и албанское национальное движение (1878—1914)» Искендеров проанализировал такие ключевые аспекты, как тесная связь развития национальной борьбы албанцев с международной обстановкой на Балканах и в Европе в целом в рассматриваемый период, постепенная эволюция и радикализация требований албанских лидеров — от культурно-национальной автономии к провозглашению независимой Албании, противоречивая роль великих держав и балканских стран, предъявлявших в том числе территориальные претензии к албанцам.

Важным обстоятельством представляется отсутствие в албанском национальном движении «привязки» к какому-либо конкретному географическому региону в качестве ядра «собираения» национальных земель, что придало самому движению гораздо большую гибкость по сравнению с соседними странами. Отправным пунктом выступила деятельность Призренской лиги 1878—1881 гг., явившейся ответом на нежелание европейских держав обсуждать албанские сюжеты на конгрессе в Берлине 1878 года. Албанское движение очень быстро охватило практически все области Балканского полуострова, где проживали албанцы. В свою очередь, нерешенность албанского вопроса в том виде, как его понимали сами албанские лидеры, а также «двойные стандарты» великих держав в значительной степени обусловили перманентную напряженность на Балканах, которая сохраняется и сегодня.

Тему политики великих держав на Балканах — и в первую очередь России — продолжил в своем докладе профессор Приштинского университета Ибрагим Гаши, уделивший первоочередное внимание деятельности русских дипломатов А.В. Неклюдова и Н.Г. Гартвига. Они оба выступали за активную политику России на Балканах, но зачастую понимали ее конкретные направления с прямо противоположных позиций. Как подчеркивал в этой связи один из ведущих российских специалистов в области истории международных отношений В.М. Хвостов, оба русских посланника «сами перессорились друг с другом; они обменивались раздраженными письмами и телеграммами, минуя свое начальство»¹. Подобная ситуация представляла серьезную проблему для российского внешнеполитического ведомства, поскольку, как напомнил в своем докладе Гаши, Россия последовательно выступала за сближение балканских государств и заключение между ними союзов, видя в этом ключевое средство противодействия проникновению на Балканы австро-германского блока и укрепления

собственных позиций в регионе. В конечном итоге, в силу противоречий между Белградом и Софией, сербо-болгарский антитурецкий союз 1912 г. оказался, по словам Гаши, «гордиевым узлом», разрубить который союзники попытались уже летом 1913 г. во второй Балканской (Межсоюзнической) войне.

В свою очередь, исторические корни второй Балканской войны не могут быть объективно поняты без анализа событий Великого Восточного кризиса 1875—1878 годов. И в этом отношении особое значение в рамках рассматриваемой конференции приобрел доклад профессора Университета им. Фатиха Султана Мехмета Вакифа (Стамбул) Хасипа Сайгылы на тему «Османская дипломатия перед лицом болгарского восстания 1876 г.». Автор критически переосмыслил причины обострения кризиса на Балканах, а также проанализировал объективные и субъективные причины, обусловившие позицию великих держав, и, в частности, побудившие Россию вступить в войну с Турцией. По мнению Х. Сайгылы, Россия вмешалась в конфликт, в том числе, в силу пропагандистской антитурецкой кампании, организованной в западных средствах массовой информации, в первую очередь, в Великобритании, которой власти Османской империи не смогли адекватно противодействовать и в результате потерпели сначала дипломатическое, а затем и военное поражение.

В развитии отношений Болгарии с великими державами и своими балканскими соседями, начиная с конца XIX в. ключевую роль играл македонский фактор, которому уделил особое внимание в своем докладе профессор Фракийского университета в Эдирне Кадер Озлем. По его справедливой оценке, взаимные споры Болгарии и Македонии, зачастую имевшие характер территориальных претензий, не только имели «символическое значение» для Софии и Скопье, но и выступали реальным дестабилизирующим фактором. В этой связи докладчик дал высокую оценку подписанному в 2017 г. болгарско-македонскому Договору о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, как призванному создать «новую систему координат» для обоих государств и для Балканского полуострова в целом.

Особое место Сербии и Болгарии в балканской политике России и одновременно противоречивость сербского и болгарского внешнеполитических «векторов» Санкт-Петербурга восходят еще ко временам Великого Восточного кризиса 1875—1878 годов. Наиболее выпукло они проявились в контексте прелиминарного мирного соглашения России и Османской империи, подписанного в 1878 г. в Сан-Стефано. Данное соглашение предусматривало создание на Балканах независимой Болгарии в широких границах, что, в свою очередь, вызвало негативную реакцию не только со стороны других великих держав (прежде всего Австро-Венгрии и Англии), но и в балканских столицах, а также в рядах албанского национального движения. «Переговоры в Сан-Стефано между Османской империей и Россией в 1878 г. и проблема мусульманского населения» — так озаглавил свой доклад профессор Технического университета Йылдыз в Стамбуле Мехмет Хаджисалихоглу. Изучив хранящиеся в турецких архивах протоколы вышеуказанных переговоров, он подверг критике существующую в балканских странах историографию данного вопроса, определяющую Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. как войну за «освобождение балканских

христиан», но при этом замалчивающую тот аспект вышеуказанных переговоров, который касался положения мусульманского населения балканского полуострова — в том числе обсуждавшегося этнического «размена», при котором границы новообразованной Болгарии должно было покинуть все мусульманское население при соответствующих уступках со стороны османских властей. По мнению профессора Хаджисалихоглу, данная модель решения национально-государственных проблем на Балканах нуждается в объективном изучении (вне зависимости от того, что сами положения Сан-Стефанского предварительного соглашения так и не были претворены в жизнь), поскольку подобные проекты оказались востребованы на Балканах в последующие десятилетия.

Следует отметить, что участники конференции в своих докладах в целом отдавали должное активной политике России на Балканах, признавая как ее преемственность, так и гибкость в зависимости от конкретных исторических условий в регионе. В частности, профессор Университета им. Сулеймана Демиреля Хайри Чапраз посвятил свой доклад проблематике балканской политики России в первой четверти XIX в. и деятельности российского императора Александра I, видя в этих событиях определенный прообраз и истоки будущего развития событий. Для объяснения динамики развития обстановки турецкий исследователь использовал парадигму «выбора между войной и миром», которая, по его мнению, определяла в рассматриваемый период внешнеполитический курс в отношении Османской империи не только России, но также Австрии и Франции. При этом уже в начале XIX в., по мнению Х. Чапраз, ведущие европейские державы были вынуждены в своей политике учитывать переплетение интересов коллег по «концерту великих держав». Данное обстоятельство будет приобретать все большее значение на протяжении всего XIX столетия, с тем чтобы накануне первой мировой войны стать, по сути, решающим фактором, определившим место Балкан в общей системе международных отношений в Европе.

Еще более глубокие исторические корни и факторы развития российско-турецких отношений рассмотрел в своем докладе профессор Билькентского университета в Анкаре Хакан Кирымлы. Он проанализировал историю крымской династии Гиреев в контексте взаимоотношений Османской империи и Крымского ханства, начиная с XVI века. Как подчеркнул автор, представителям этой династии (численностью несколько сот человек) принадлежала важная и во многом уникальная роль в румелийских владениях Османской империи, куда они были переселены после установления османского контроля над Крымским ханством. А это, в свою очередь, явилось важным фактором развития общей ситуации в регионе и, в том числе, в разрезе русско-турецких отношений уже в XIX веке.

Содействуя укреплению отношений между славянскими государствами Балканского полуострова, Россия в конце XIX — начале XX в. должна была принимать во внимание активизацию албанского национального движения и, в частности, все более крупные антитурецкие выступления албанцев. Ключевую роль в этом сыграло восстание 1911 г., лидеры которого, по словам российской исследовательницы И.Г. Сенкевич, «впервые в ясной и конкретной форме»

выдвинули «требование о предоставлении автономии областям, населенным албанцами»².

Албанское восстание 1911 г. оказало существенное влияние на отношения России и Турции. Как отметил в своем докладе на конференции профессор Университета Девятого сентября в Измире Бильгин Челик, оно в значительной степени явилось «отправной точкой» серии ключевых событий, в конечном итоге приведших к Балканским войнам 1912—1913 годов. В отличие от предыдущих албанских выступлений, оно стало международной проблемой и вынудило Россию и Австро-Венгрию как «ведущие европейские державы на Балканах» оказать жесткий дипломатический нажим на Турцию. Б. Челик выделил ведущую роль России в урегулировании отношений Стамбула и лидеров албанского восстания в целях недопущения выступления Австро-Венгрии на стороне католических албанских племен.

Тем не менее, несмотря на многочисленные попытки великих держав избежать возникновения на Балканах кризиса, чреватого глобальными осложнениями, они были вынуждены считаться с требованиями балканских народов, в том числе албанцев. В 1912—1913 гг. именно албанская проблема неоднократно могла стать детонатором общеевропейской войны. Профессор Приштинского университета Газменд Ризай в своем докладе проанализировал три дипломатических кризиса вокруг Албании накануне первой мировой войны, которые, по его мнению, во многом явились следствием того обстоятельства, что в начале XX в. Османская империя оказалась «меж двух фронтов». С одной стороны, Австро-Венгрия и Италия стремились установить собственный контроль на Балканском полуострове. С другой, — балканские монархии (Болгария, Греция, Сербия и Черногория) взяли курс на максимальное расширение собственных пределов, в том числе, посредством военного разгрома Турции. В сложившейся ситуации великие державы пришли к выводу, что создание албанского государства является «единственной предпосылкой» к сохранению мира в этой части Европы и способно уберечь от дальнейшего распада Османскую империю. Однако территориальные претензии балканских государств, а также противоречия между самими великими державами (среди которых Россия и Франция наиболее активно и последовательно поддерживали албанских соседей) приводили накануне первой мировой войны к регулярному повторению международных кризисов вокруг Албании.

Албанские сюжеты активно обсуждались на международном уровне в рамках открывшегося в декабре 1912 г. в Лондоне совещания послов великих держав. Как отмечали участники конференции в Приштине, собравшиеся в Лондоне дипломаты были вынуждены, в частности, выработать международно-правовой статус Албании, провозгласившей независимость 28 ноября 1912 г. и при этом решить судьбу территорий, занятых к тому времени сербскими, черногорскими и греческими войсками. Острота противоречий — в первую очередь, сербо-албанских — временами достигала таких масштабов, что Россия, традиционно поддерживавшая Сербию, уже после завершения работы конференции послов великих держав в британской столице была вынуждена присоединяться к коллективным представлениям Австро-Венгрии и Италии, требовавшим от Белграда обеспечить сво-

бодный доступ «албанского населения на места его постоянного проживания на основании постановлений Лондонского совещания».

При этом в европейских столицах отдавали себе отчет в том, что великие державы имеют собственные интересы на Балканах и отнюдь не всегда способны предложить согласованные решения балканских проблем, примером чему ранее послужил, в частности, боснийский кризис 1908—1909 годов. Как справедливо отметила исследовательница из Приштинского университета Альбина Дранчолли Рамадани, аннексионный кризис крайне негативно повлиял на дальнейшее развитие отношений между Россией и Австро-Венгрией, а тем самым и на общую ситуацию на балканском полуострове, подорвав возможность конструктивного взаимодействия Санкт-Петербурга и Вены по ключевым региональным проблемам.

Однако взаимоотношения великих держав по Балканским проблемам — это не только контакты министров иностранных дел и послов в ведущих европейских столицах в рамках ключевых международных форумов наподобие Лондонского совещания послов 1912—1913 годов. Данная международная деятельность представляет собой лишь верхушку дипломатического «айсберга», аккумулирующего информацию и идеи, собираемые и генерируемые на более низких уровнях, в том числе в дипломатических представительствах на Балканах. «Работа на местах» не только предоставляла необходимую информацию в министерства иностранных дел, но и сама по себе служила важным фактором той самой «мягкой силы», которую принято считать одним из важнейших элементов обеспечения национально-государственных интересов той или иной державы. Именно дипломаты непосредственно контактировали с балканскими лидерами, и это взаимодействие носило без преувеличения «обоюдоострый» характер.

Данное соображение в полной мере относится и к истории провозглашения независимости Албании 28 ноября 1912 г. лидером албанского национального движения Исмаилом Кемали. Исследователь из Исторического института им. Али Хадри в Приштине Селвер Исламай особое внимание в своем научном докладе уделил активным дипломатическим контактам И. Кемали с многочисленными дипломатическими миссиями, представленными на Балканах, среди которых особая роль принадлежала австрийскому посольству в Греции. Согласно данным, собранным С. Исламаем, председатель первого правительства независимой Албании особенно активно взаимодействовал именно с этим дипломатическим представительством, убеждая через него Австро-Венгрию в необходимости активной поддержки албанского движения за независимость. Австрийское дипломатическое представительство в Афинах сыграло важную роль в обеспечении благоприятной для албанской стороны позиции Австро-Венгрии и других великих держав по вопросам, связанным с разграничением Албании, и одновременно способствовало более широкому ознакомлению европейской общественности с подлинными целями и интересами албанского национального движения — делает вывод историк.

Важность всестороннего изучения и осмысления политики Австро-Венгрии в отношении албанского национального движения — прежде всего, в наиболее значимый период 1912—1914 гг. — подчеркнули в своем совместном докладе исследователи Приштинского уни-

верситета Селим Березай и Ментор Хасани. Они подробно аргументировали значимость албанского направления в балканской политике Монархии Габсбургов, которая в значительной мере «изменила историю албанцев и Балкан в начале XX века».

Однако и Россия в рассматриваемый период уделяла пристальное внимание албанским сюжетам, чему в немалой степени способствовала активность представителей албанского национального движения, в том числе «встроенных» в иерархию османских органов власти. Одному из наиболее ярких представителей этой группы — Турхан-паше Пермети — посвятил свой доклад один из организаторов конференции, профессор Стамбульского университета Хаджер Топакташ Устюнер. Т. Пермети (1846—1927) являлся одним из самых талантливых турецких дипломатов албанского происхождения, в разные годы работая в дипломатических представительствах в Риме, Мадриде, Лондоне и других европейских городах, а также в Санкт-Петербурге. В российской столице прекрасно образованный, владевший несколькими языками дипломат представлял интересы Турции накануне первой мировой войны — в разгар наиболее драматических событий на Балканах. После возвращения из российской столицы он возглавил образованное под эгидой Международной контрольной комиссии новое правительство Албании. Как докладывал в Санкт-Петербург министру иностранных дел С.Д. Сазонову российский комиссар в Албании А.М. Петряев, «личность Турхана Паши достаточно известна Вашему Высокопревосходительству и мне нет надобности задерживать на ней Ваше внимание. О том, что кандидатура его на пост председателя совета министров намечалась раньше, я уже имел честь сообщать Императорскому министерству. Назначение Турхана принято здесь скорее с чувством общего удовлетворения, так как, по своей предыдущей политической карьере, он считается пока вне сферы австро-итальянского влияния, а, вследствие долгого отсутствия из Албании, стоит вдали от местных интриг и не имеет врагов. Только его преклонные лета, да слишком мягкий характер внушают опасения, что принятое им на себя тяжелое бремя устройства Албании окажется ему не по силам...»³ При этом деятельность Пермети вплоть до настоящего времени не являлась предметом всесторонних исследований даже в Турции и Албании, что открывает перед историками широкое поле деятельности, — справедливо подчеркнул профессор Х.Т. Устюнер.

Примечания

1. История дипломатии. Т. II. М. 1945, с. 219.
2. СЕНКЕВИЧ И.Г. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М. 1959, с. 188.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Канцелярия. 1914 г., оп. 470, д. 6, л. 30.

* * *

The Role of Diplomacy in the History of the Balkans

P.A. Iskenderov

“Voprosy Istorii” history journal is starting a new topic devoted to its international cooperation. We are planning to tell about international activities of our journal, to publish the articles of foreign colleagues, various documents and materials. Now we are glad to present the international conference took place on November 9–10 of 2017 in Prishtina (Kosovo): “The Role of Diplomacy in the History of the Balkans”. (Russian Federation deals with Kosovo status according UN SC Resolution 1244 adopted on June 10 1999). It was organized by University of Prishtina Faculty of Philosophy and Istanbul University. More than 40 historians from Russia, Turkey, Romania, Montenegro, Japan, Poland as well as Kosovo presented their reports.

Petr Iskenderov, editor-in-chief of “Voprosy istorii” journal, made the opening presentation for the conference. He pointed out in his report that history of the Albanian national movement historically was closely connected with two key factors: internal development in the Albanian-populated areas in the Balkans as well as politics of the Great Powers. The initial point in this sense were the decisions of the Congress of Berlin 1878 that totally neglected interests of the Albanians. As a result — the League of Prizren (1878–1881) was established as the mean to promote the goals of the Albanian national movement. That League confronted with main Balkan states and some Great Powers. But in the same time it creates the first program of Albanian national unification. Second period of the Albanian national movement development was presented by Albanian uprisings 1908–1912 resulted in proclamation of independence on November 28, 1912 in Vloera. During that period Austria-Hungary and to significant extent Italy and several other Great Powers already paid particular attention to Albanian matters — but refused to support independence of Albania. After World War I Great Powers finally recognized Albania’s independence but its borders remained unsolved by Albanian leaders’ point of view. That “burden” seriously undermined situation in the Balkan during XX century and resulted in today’s tensions in the Balkans.

In this sense one should agree with Turkish researcher Umut Arik pointing out that till today “as far as Europe is concerned, it has not proved possible for an “International Security System” to be formed”¹.

Professor Ibrahim Gashi from University of Prishtina in context of the situation in the Balkans at the beginning of the XX century analyzed Russian policy towards the Serbo-Bulgarian relations. He stressed that Russian diplomacy has considered as a immediately need to approach the Balkan Slavic states and establish sustainable alliances between them: only in this way Russia would be able to strengthen its position on the Balkan Peninsula and, on the other hand, prevent the penetration of its rivals from the

Austro-German bloc. Ibrahim Gashi noted that the Russian diplomacy's approach to the Balkan states' accession, with the aim of creating the Balkan Alliance, diverged especially during 1909–1912. The initiative for this was taken by Serbia, and a special role in accelerating the achievement of the Serbian-Bulgarian agreement, which was in fact the «Gordian knot» in these efforts, was Russian diplomatic representative to Belgrade N.G. Hartwig. During the early years of working as a diplomat in Belgrade, Hartwig showed special interest in reaching the Serbian-Bulgarian alliance. In his efforts, he found the support of his colleague, the Russian ambassador to Sofia A.V. Neklyudov. But both diplomats often had different views on developments in the Balkans, professor Ibrahim Gashi stressed in his report.

Historical roots of the Balkan Wars 1912–1913 cannot be rightly understood out of the context of Eastern Crisis of 1875–1878. As professor Hasip Saygılı (Fatih Sultan Mehmet Vakif University) rightly noted, the important crucial point of that crisis was Bulgarian uprising and its suppress in 1876. It can be said that agitations of the Western public opinion, especially Britain's "Bulgaria massacres" and "Bulgarian horrors" have caused Tsarist Russia's wage war against Ottoman Empire and at finally set up Bulgarian Principality, author stressed. In other words, processes which reached to splits have been products of diplomatic deadlocks, beside unconvincing foreign public opinion. Struggling political, financial, military and social problems, The Sublime Port has been deprived of diplomatic leverages in order to conduct the process effectively. It seems that Ottoman diplomacy has not convinced its respondents, believing the rightfulness. But, in the end, Ottoman Empire has been lost her important lands under full control beyond dispute, not far away to Istanbul, professor Hasip Saygılı concluded.

As far as relationship between Bulgaria and other Balkan states and Great Powers are concerned, one should underline the role of Macedonian factor. The relations between Macedonia and Bulgaria still are one of the most important topics for the Balkan affaires. As professor Kader Ozlem from Trakya University pointed out in his report, Treaty of Friendship, Good Neighborhood and Cooperation signed by Bulgaria and Macedonia on the date of August 1, 2017, has importance for bilateral relations because of its creating a new framework. This treaty (that is delayed signing for a long time) has more different meanings beyond its symbolic importance and certainly is a result of essentiality for both countries, professor Kader Ozlem stressed.

“San Stefano negotiations between the Ottoman Empire and Russia in 1878 and the question of Muslim population” — that was the topic of Yildiz Technical University Professor Mehmet Hacısalihoglu. He stressed that the existing Balkan historiography emphasizes that the Russo-Ottoman War of 1877–1878 was a war of liberation for Balkan Christians and does not mention the negotiations concerning the fate of Muslims in the region. On the basis of the protocols from the San Stefano negotiations in the Ottoman archives Professor Hacısalihoglu pointed out that the issue of the “exodus” of all Muslims from the newly created Bulgarian principality was one of the points during the negotiations. The lack of interest evinced in the historiography can be explained by the fact that this Russian-Bulgarian project was not carried out in the end, Mehmet Hacısalihoglu underlined. But in any case that issue should be carefully analyzed because “ethnic homogenization” and “population exchanges” became later on significant models in the Balkans.

The problem of Russian policy towards the Balkans was one of the most important topics in the conference under discussion. Its participants paid particular attention to the historical roots of the Russia's interests in the Balkan Peninsula and underlined her objective ties with regional peoples as well as complicated history of the Russo-Ottoman relationship. As Professor of Süleyman Demirel University Hayri Çapraz stressed, since the end of XVIII century the conditions of peace-war choice in Russia's policy towards the Ottoman State have been regularly questioned. Professor Çapraz described Russia, Austria, and France as main actors in the European policy as far as the Balkan affairs were taken into account. The diplomatic activities in the Mediterranean after the invasion of Egypt in 1798, the formation of the Seven Islands Republic, the Serbian revolt, the Tilsit meeting, the Vienna Congress and the Greek revolt of 1821 were key issues in this context. In the same period, an opinion was given on the European-Russian diplomacy in the Balkans taking into account the Balkan policy of the related European states. Thus, the determinative elements of the foreign policy inherited from the XVIII century by the Russian administration in the reflection and shaping in the Balkans at the beginning of the XIX century were identified, Hayri Çapraz noted.

Professor Hakan Kırımlı from Bilkent University paid particular attention for the history of the Geray dynasty of the Crimean Khanate. As he noted, following the establishment of the Ottoman suzerainty over the Crimean Khanate, starting from the XVI century on, members of the Geray dynasty, the ruling house of the khanate, began to be settled by the Ottoman State in its Rumelian territories. In the course of time, the number of the Gerays who were resettled in Rumelia reached several hundreds, far surpassing those remained in their homelands. Their presence in the Ottoman domains offered the Porte a handy pool of candidates for the Crimean throne and other high posts in the Crimea and the possibility of intervention in the policies of the incumbent khan. Although they never break their psychological ties with their homeland, nor did they ever lose their Chinghiside consciousness and identity, the Gerays in Rumelia would get very much accustomed to the life in Rumelia and became innate parts of it, professor Hakan Kırımlı emphasized. Not only did they possess vast lands and in many cases impressive wealth, but, as the virtual administrators of these lands, they also possessed enormous influence and power on the local scale. Not surprisingly, they played very interesting roles in the events at the turn of the XIX century, though this went resentfully understudied thus far, the author noted.

Professor of Dokuz Eylül University Bilgin Çelik paid particular attention to the effects of the Malissor uprising of 1911 on Russo-Ottoman relations that can be to some extent considered as the starting point of a series of crucial events led to the Balkan Wars. By his point of view that uprising was one of the challenging cases in the Balkans that had left the Ottoman empire in a difficult situation in the second decade of the twentieth century. The uprising gradually turned into an international problem involving the other regional imperial powers — i.e. Russia and Austria that caused heavy diplomatic pressure on the Ottoman central government, professor Bilgin Çelik noted. As a result Russia decided to resolve the crisis for fear of the possibility of Austrian intervention exploiting the rebellious Catholic Malissors as happened before.

But in the same time diplomatic efforts of the Great Powers had only limited effect on the Albanian problem as a whole and cannot prevent three diplomatic crises upon Albania on the eve of World War I, noted University of Prishtina Professor Gazmend Rizaj. He stressed in his report that in the first decade of the XX century the Ottoman Empire found itself facing two-front threats. On one front, Austria-Hungary and Italy were claiming to establish their control over the Balkan Peninsula. On the other front, Balkan monarchies Bulgaria, Greece, Serbia, and Montenegro were working diligently to bring about the destruction of the Ottoman Empire, and thus expand their own territories. The Powers of the Triple Alliance and the British diplomacy had fairly early assessed that in the event of the status quo failure and the subsequent departure of the Ottomans from the Balkan territories, a national Albanian state had to be created as the only prerequisite that could ensure a sustainable peace in that part of Europe. Nonetheless, during the years 1910–1912 of the Albanian national revolution, which erupted as the result of the rise of Albanian nationalism and as the opposition to the Young Turks hostile stance on national Albanian claims, the autonomy of Albania seemed to be gaining grounds even without the dissolution of the Ottoman Empire. These new events and the prospect of Albanian autonomy caused widespread alarm amongst Albania's Balkan neighbors, who at the time of the 1912 Albanian uprising were stipulating interminably a series of agreements for the founding of a Balkan Alliance against the Ottoman Empire, each of them aiming to take a chunk of ethnic Albanian territories. In view of the circumstances, it is understandable why each Balkan monarchy vigorously opposed the actualization of an autonomous Albania that could have potentially followed in the wake of the Albanian-Ottoman negotiations of July-August 1912. A wide polarization took place when Russia and France came to endorse every single argument presented by the Balkan states against the Albanian autonomy, and Austria-Hungary and Italy came in support of Albanian demands. However, the preservation of the status quo did not last long: in October 1912, the Balkan Wars erupted, and during the war years 1912–1913, three international crises over the Albanian question were provoked, which may very well be regarded as *casus belli* for the outbreak of World War I, Gazmend Rizaj pointed out.

London Ambassador's Conference and Balkan 1912–1913 was the crucial point of the Great Powers peacekeeping efforts towards Albania and other Balkan states on the eve of World War I. As Kosovo researcher Sylë Ukshini rightly stressed, the First Balkan War posed serious challenges for the European diplomacy. Almost all the Great Powers pursued political or economic interests in the Balkans, which made it difficult for them to adopt a common attitude towards the conflict parties. At the same time to the surprise of all European observers, the Ottoman troops were beaten on all fronts within a few weeks and forced them to withdraw. After some turmoil behind the scenes, the Great Powers agreed on a joint ambassadorial conference in London. The London Conference of 1912–1913 had to solve three main problems, Sylë Ukshini underlined: the clarification of the status of Albania, which had proclaimed independence in November 1912, but which had not been recognized by the Balkan countries; the belonging for the Sancak of Novi Pazar, which was occupied by Austrian troops in 1878–1908, but which was claimed by Serbia; the division of the other conquered territories: Kosovo, Macedonia, and Thrace. Austria insisted on

reducing Belgrade's influence. The state of Albania was also established in order to prevent Serbia from gaining access to the Mediterranean in the sense of Austria-Hungary. After much discussion, the Ambassadors reached a formal decision on 29 July 1913, to establish the Principality of Albania as a sovereign state independent from the Ottoman Empire. Albania became independent, although large parts of its territory were immediately occupied by Serbs, Greeks, and Montenegrins, Sylë Ukshini finalized.

The role of the Great Powers in the Balkans was significantly put under question during Bosnian Crisis of 1908–1909 when Austria-Hungary annexed two Ottoman provinces contrary to the decisions of the Congress of Berlin 1878. The period of 1897–1908 in Russo-Austrian relations is known as “Entente” between Saint Petersburg and Vienna. But, as a historian Albina Drançolli Ramadani from University of Prishtina “Hasan Prishtina” pointed out in the report, the annexation of Bosnia and Hercegovina had a very negative impact on mutual relations of Russia and Austria-Hungary.

Among the Albanian leaders during the period under discussion Ismail Kemali played the most significant role. He made active efforts to promote Albanian goals and interests among the Great Powers. As Selver Islamaj (Institute of History “Ali Hadri” Prishtina) rightly noted, in the first decade of the XX century Ismail Kemali had intensive contacts with various diplomatic missions in the European part of the Ottoman Empire. This includes the Austro-Hungarian diplomats, especially those in Greece, who had direct contact with Ismail Kemali. Reports prepared by Austrian Mission in Athens include important details, some of which have not been published until today. There are more details about the character of Ismail Kemal and his contacts with the representatives of the other Great Powers, which are explained in these reports. The rumors spread by third parties to harm the image of Ismail Kemali are partly explained in the reports. On the other hand, diplomats were familiar with Kemali's movements, as well as the contacts he had to certain persons and politicians in Europe, Selver Islamaj explains.

Selim Bezeraj and Mentor Hasani from University of Prishtina Department of History paid particular attention to the issue of Austro-Hungarian diplomatic views in diplomatic correspondence for Albania and Albanians during 1912–1914 years. In the period referred to, a clear diplomatic position of Vienna is consolidated against political, social and cultural developments especially in Albania, and generally in Albanians' territories, the authors stressed. The large number of diplomatic correspondence and the significant presence of Austro-Hungarian diplomats in Albanian territories are a powerful historical testimony through which we understand the interest, role and importance that the diplomacy of the Austro-Hungarian Empire has played in the years 1912–1914 for Albania and Albanians. From the external and internal criticism of these diplomatic correspondences we understand in detail the language, style and detailed elaboration of the information of Austro-Hungarian diplomats, as well as the arguments expressed and presented with the sharpness of diplomatic thought as well as in the form of «Diplomatic playmaker» on issues of the discussion on the diplomatic tables and agreements that changed the history of the Albanians and the Balkans at the beginning of the XX century, Selim Bezeraj and Mentor Hasani rightly noted.

Russian policy towards Albania and Albanian national movement also became more and more active before World War I. Important role in this

sense was played by an Ottoman diplomat and statesman of Albanian origin Turhan Pasha Permeti (1846—1927). As professor Hacer Topaktaş Üstüner from Istanbul University stressed in his report, Permeti's career in the Ottoman Empire can be explained in two categories; diplomatic missions and other bureaucratic posts. Turhan Pasha was a well-trained Ottoman bureaucrat and diplomat among other diplomats of the Hamidian era and also during the Second Constitutional era. There were a couple of people who stood out as prominent actors of the foreign politics and diplomacy of the in the last decades of the Empire. Turhan Pasha was one of those loyal and trustworthy people in the close circle of the Ottoman Sultans. Some of the diplomatic missions of Turhan Pasha during the reign of Abdulhamid II were in St. Petersburg, Rome, Madrid, Corfu, and London. Also, he was the ambassador of the Ottoman Empire in Rome (1877—1880), Madrid (1886—1894) and St. Petersburg (1908—1914). Turhan Pasha was an entrusted person with his multilingual, experienced, equipped with other technical qualifications and one of the loyal people of Abdulhamid II, and proficient in Ottoman foreign relations especially on the Balkans and Eastern Europe, Hacer Topaktaş Üstüner pointed out in his report. But unfortunately issue of Turhan Pasha's Ottoman diplomatic missions based on the Ottoman sources, has not appropriated studies in the historiography.

That situation opens wide possibilities for the researches – as well as other topics discussed at the conference in Prishtina. In the same time multidimensional relations between Russia and Turkey are connected to a very significant extent with the factor of “soft power” using models of historical memories of both nations ². But in any case “individual security” is still closely connected with “national security” ³. And that option demands to solve regional disputes as soon as possible recognizing interests of all parties involving in Balkan conflicts.

Notes

1. ARIK U. Turkey and the International Security System in the 21st Century. — Eurasian Studies. 1995/96, № 4, p. 5.
2. VOROBYOV S.V., KASHIRINA T.V. Historical memory as a factor of “soft power”. — Voprosy Istorii, 2018, № 1, p. 111.
3. SØRENSEN G. Individual Security and National Security: The State Remains the Principal Problem. — Security Dialogue. 1996, № 4, p. 371.

Идея свободы и порядка в политической философии Эмиля Оливье

М.А. Уварова

Аннотация. Политические трактаты и деятельность Эмиля Оливье, одной из ключевых фигур Второй империи, были в значительной мере обойдены вниманием историографии. Между тем, он оставил богатое политико-философское наследие. В условиях авторитарного режима Оливье был наиболее активным подвижником либеральных реформ. Его работы демонстрируют, что в период империи либеральная мысль жила и развивалась. Вторая задача данной публикации — сравнительный анализ работ Оливье и одного из классиков либерально-консервативной мысли Франсуа де Шатобриана.

Ключевые слова: либерализм, Вторая империя, свобода и порядок, плебисцитарная демократия, бонапартизм.

Abstract. Political treatises and activities of Emile Ollivier, an eminent figure of the epoch of the Second Empire, have been ignored by historians for quite a long time. Meanwhile Ollivier has left behind abundant heritage of works. Under the authoritarian regime Ollivier was the most active leader of liberal movement for the reforms. His works show that liberal thought has been alive and developing during this period. Another task of this publication is comparative analysis of the works of Ollivier and Francois de Chateaubriand who represented classical liberal conservatism.

Key words: liberalism, Second empire, order and liberty, plebiscitary democracy, bonapartism.

История французского классического либерализма пережила сильнейшее потрясение в 1848 г. — в ходе демократической революции и падения правительства Франсуа Гизо, время которого было ознаменовано нахождением либералов у власти. Либерализм развивался как идейное течение и политическая практика в тесной связи с монархической системой: изначально либерализм формировался как оправдание реставрации Бурбонов и как попытка соединить достижения революции с традициями тысячелетней монархии. Республика породила демократию, которая традиционно противопоставлялась

Уварова Мария Александровна — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета. E-mail: uvarovamaria82@gmail.com.

Uvarova Maria A. — PhD (History), associate professor at the Moscow State Linguistic University. E-mail: uvarovamaria82@gmail.com.

либерализму. На смену республике вновь пришел аналог монархии — бонапартистская империя. Но именно она парадоксальным образом, очень схожим с ситуацией эпохи Реставрации, дала новое дыхание либерализму. Время либералов у власти Второй империи было недолгим — всего около трех лет, в течение которых в конце 1860-х гг. были проведены глубокие реформы политических институтов, причем либеральные идеи были реализованы не только на практике, но и имели теоретическое обоснование. У империи Наполеона III появилась своя «Хартия 1814 года» и ее автор — лидер политической оппозиции Эмиль Оливье, боровшийся за реформы и взявшийся в итоге за их осуществление. В обоих случаях — и при Второй империи, и при Реставрации — либеральные идеи были поставлены на службу власти, ценности революции и гражданских свобод возведены в государственную идеологию ради оправдания монархической системы и конкретной династии: в первом случае — Бурбонов, во втором — подобным же образом восстановившихся на троне Бонапартов. Реставрация и тех, и других нуждалась в социальной и политической базе. Равным образом главы государства сознавали, что после прошедших революций их власть не может считаться легитимной без широких гражданских свобод, что возврат к абсолютизму невозможен. И Бонапарты, и Бурбоны стремились найти компромисс между свободой и порядком, авторитарностью и демократией, традицией и модернизацией политических институтов. Контекст эпохи отныне определялся свободой, парламентаризмом и гражданским равенством. Основой своей империи Наполеон III провозгласил «свободу и порядок» — не этот ли принцип отстаивали идеологи конституционной монархии Шатобриан и Гизо в первой половине XIX века? Старые лозунги были возрождены бонапартистской монархией.

Подобные аналогии наводят на мысль о необходимости анализа теоретических обоснований обновленного либерализма Второй империи и его взаимодействия с бонапартистской системой власти. В данной публикации речь пойдет о работах Эмиля Оливье, в которых содержатся мысли, имеющие немало параллелей с идеями автора одного из фундаментальных либерально-консервативных документов — «О монархии согласно Хартии» Ф.Р. де Шатобриана. Оба политических деятеля и мыслителя создали труды, которые имеют общую платформу: их идеи должны были соединить свободу и порядок в отношениях граждан — власть и стать опорой государственной политики, обосновывая и подпитывая ее.

В отличие от Шатобриана, признанного классика европейской либерально-консервативной мысли (не говоря уже о его литературных достижениях как одного из пионеров европейского романтизма), Оливье как мыслитель практически забыт, а его окружение и соратники не завоевали статус «мозгового центра» эпохи. Но именно этим и интересны его работы. Эмиль Оливье оставил солидное наследие — многотомные сочинения, мемуары, архив переписки с Наполеоном III и видными государственными деятелями того времени¹. Вниманием историографии Оливье также обойден — о нем предпочитали писать как о реформаторе-практике, но не как о теоретике. Его фигура зачастую теряется на фоне других деятелей той эпохи и прежде всего самого Наполеона III. Оценки его деятельности и мировоззрения противоречивы — французские историки рассматривают его скептически, подвергая критике за недалекость и «времен-

щицкий» характер мышления, ограниченного эпохой империи и не имеющего корней в прошлом и перспектив в будущем²; вполне объективно его рассматривает англо-американская историография³, ставя в один ряд с выдающимися реформаторами монархических систем — от Неккера до Дизраэли. В отечественных работах Оливье практически не представлен — ни в советских, ни в современных. Марксизм рассматривал бонапартизм не как систему идей, а лишь как форму общественного строя. Данное исследование стремится показать, что либерализм, соединенный с бонапартистской системой правления, дал жизнь новой уникальной идеологии. Именно поэтому важно привлечь внимание отечественного научного сообщества к работам и деятельности Оливье.

Одна из задач данного исследования — проследить адаптацию либеральной идеи к бонапартистскому режиму. Это позволит сформировать новый взгляд на бонапартизм — не только как на политическую систему, обозначенную К. Марксом как «социальная демагогия», но и как на своеобразную идеологию, зародившуюся во Франции XIX в. в силу ряда социальных и нравственных потрясений. Система ценностей Оливье представляет интерес именно с этой точки зрения, поскольку его работы стали идейно-ценностной основой реформистского периода в истории империи, отразили ранее не исследованную сторону бонапартизма, продемонстрировали его способность к эволюции в сторону более либеральной системы. С помощью методики сравнительного текстового анализа будут сопоставлены части сочинений «классика» Шатобриана и «новатора» Оливье, посвященные ряду ключевых проблем отношений «государство — гражданин»: понимание свободы, ее взаимодействия с принципами порядка и монархического строя, роль законов, парламента, важность свободы слова, прогресса, опыт прошлого и вектор исторического развития Франции в XIX веке.

Либерализм второй половины XIX в. зародился в условиях, схожих с либерализмом предыдущей эпохи: революционная эйфория, сменившаяся реставрацией практически абсолютистского режима с сильной официальной идеологией и институтом политического лидерства. После десятилетия давления на гражданские свободы Наполеон III объявил о необходимости проведения реформ, о торжестве свободы над порядком — и либералы во главе с Оливье переместились из лагеря оппозиции в ранг официальных идеологов режима, подобно своим предшественникам в начале века с той лишь разницей, что Шатобриан и Гизо были рупорами восстановленной легитимной монархии, а Оливье — рупором узурпаторского бонапартизма, цезаристской монархии-демократии. Тем не менее, перечисленные деятели отразили в своих произведениях идейную платформу власти. Основой этой власти было наследие революционных ценностей свобод человека и гражданина. Вопрос в том, в какой степени эти ценности должны были регулировать монархию и каким образом служить ей. Подверглись ли переосмыслению классические либеральные ценности, и в чем заключалось их обновление? Как изменились в понимании либерала эпохи Второй империи такие прежде острые и противоречивые вопросы, как демократия, равенство и всеобщее избирательное право, вызывавшие диспуты и сомнения среди апологетов Реставрации? Как Оливье видел свободу индивида и гражданина, какое место отводил ей в современном ему социуме?

Свою политическую карьеру Эмиль Оливье начал на волне революции 1848 г.; в тот период он разделял республиканские идеалы и выступил за свержение Орлеанской династии. Равным образом он осудил переворот Наполеона III в 1852 году. Однако впоследствии он сам, как его современники и историки, причислил себя к либералам. Либеральность Оливье во многом была связана с его активной реформаторской деятельностью в период 1867—1870 гг., названного в то время «либеральная империя»: это и был период проведения реформ политических институтов и расширения политических свобод. В дореформенный период Оливье находился в оппозиции империи, продолжая защищать принципы гражданских свобод и равенства. В 1857 г. он и пятеро его соратников в ходе общенациональных выборов смогли добиться депутатских мест в Законодательном корпусе. С этого момента политическая карьера и деятельность Оливье начали стремительно набирать высоту. Следующие выборы принесли Оливье еще больший успех и популярность. Он и его соратники, к которым вскоре присоединился один из лидеров старой либеральной школы, архитектор переворота 1830 г. Адольф Тьер, сформировали программу реформ, включавшую требования расширения законодательных полномочий парламента, отмену цензуры прессы, свободу собраний и предвыборной агитации и ответственность министров перед парламентом. Рост популярности оппозиции и общего уровня социальной напряженности заставили Наполеона III в 1867 г. принять решение о начале либеральных преобразований. Император рассматривал такую уступку как единственный шанс рациональным и бескровным путем сохранить свою власть и ее авторитет, ибо революционный сценарий стал бы губительным для Франции, на тот момент вступившей в эру бурного экономического роста, социальной стабильности и укрепившей свои внешнеполитические позиции. На Оливье была возложена ответственность за проведение реформ, что вызвало отставку в конце 1869 г. бонапартистского ультраконсервативного кабинета министров и назначение нового либерального правительства во главе с Оливье.

Родство Оливье с традицией его предшественников проявилось в первую очередь в том, что реформизм он мыслил в рамках конституционно-монархического порядка. Второй принцип — это осмысление проблемы свободы, которая являлась фундаментом всех преобразований и дебатов той эпохи. В либеральном дискурсе свобода трактуется в рамках понятия о взаимных компромиссах и взаимной ответственности власти и граждан. На этой основе была сформулирована основная проблема французского либерализма XIX в. — совместимость свободы и порядка.

В эпоху Реставрации сосуществование порядка и свободы объяснялось двойной реальностью политической жизни страны: с одной стороны, невозможно отречься от политических свобод и конституционности, завоеванных в ходе великой революции, с другой стороны, возвращение на трон Бурбонов необходимо для гарантии легитимности правящей элиты. Монархия олицетворяла порядок, контролирующей и регулирующий свободу. Свобода понималась, прежде всего, как свобода личности, выражающаяся в праве на свободу слова, мысли, веры, в неприкосновенности частной собственности. Угроза повторения революции 1789 г. побуждала либералов обосновать ограничение гражданских свобод введением имущественного ценза для избирателей, что перечеркивало революционное завоевание всеобщего

голосования. Отрицание принципа всеобщего избирательного права либералы обосновывали тем, что такой свободой должен обладать класс зажиточных граждан, которым досуг и образованность позволяют размышлять над судьбами нации⁴. Понятие «демократия» для мыслителей начала XIX в. было несовместимо с понятием «свобода» и отождествлялось с якобинским периодом революции — террором, насильственным установлением свобод в интересах узкой группы элит. Многие отталкивались от идеи Ж. де Сталь о преждевременной свободе, внедрение которой сильно опережало традиции, политическое мировоззрение граждан и институциональные «обычаи» французов⁵.

В своей трактовке проблемы соотношения свободы и порядка в обществе Оливье исходил, безусловно, из актуальной ситуации, в которой авторитарная власть сохранила всеобщее избирательное право и, более того, мыслила свою легитимность только основанной на волеизъявлении нации. Поэтому Оливье и его соратники размышляли над приоритетами системы бонапартистской власти, опиравшейся на доверие нации: порядок, воплощаемый императором, или свобода граждан, закрепленная в конституции империи? Сохранит ли власть императора прочность и авторитет при расширении политических свобод народа? Оливье писал о том, что свобода гражданина представляет собой основу «современного цивилизованного, христианского, гуманистического общества»⁶. При этом он подчеркивал мессианскую роль французской нации: с 1789 г. Франция являлась европейской родиной политической свобод, она подала пример другим европейским народам, на нее возложена задача развивать и укреплять их; величие нации отныне измеряется не международным статусом, не масштабными завоеваниями и не блеском королевского двора, а уважением власти к гражданским свободам и их полноценностью. Единомышленник Оливье Тьер писал, что нация не может занимать достойное место среди развитых и «цивилизованных» государств, «если ее основой не является свобода, под которой мы подразумеваем способность защитить своих граждан от правонарушений, предоставить им право самим распоряжаться своей судьбой, право самоуправления — даже если при сохранении монархического режима»⁷.

Подобно своим старшим коллегам первой половины XIX в., Оливье понимал свободу как естественное и неотъемлемое право каждого человека, которая принадлежит только народу вне зависимости от формы власти, и власть, будь то республика или монархия, признается легитимной лишь тогда, когда она опирается на свободы гражданина⁸. По словам Ф. де Шатобриана, «... свобода — порождение не политического права, как думали в восемнадцатом столетии, но права естественного и возможного при всяком правлении...»⁹ Оливье, однако, уделяет больше внимания свободе как праву политическому, а не личному. В его представлении именно политическая свобода, а не жесткие ограничения и контроль со стороны исполнительных органов, помогает победить и разрешить противоречия между общественными группами, между гражданами и властью: «Свобода избавляет от двух крайностей — от власти одного и от беспорядочных волнений многих; свобода — это способ разрешить без насилия и утопии сложные проблемы нашего времени; это свобода без беспорядков, но порядок без деспотизма»¹⁰. Политическую свободу Оливье определил как «права, которые индивид использует для контроля над властью»,

отдельно поставив личную свободу — «права, которые не подлежат контролю государства»¹¹.

Размышления Оливье продолжил Тьер, сформулировавший понимание прав и свобод гражданина на момент второй половины XIX в.: это право граждан выражать свое мнение о действиях правительства, «не будучи зависимым от кого-либо кроме правосудия»; право избирать представителей нации без давления со стороны исполнительной власти; право обращения к главе государства, право требовать от правительства отчетности и ответственности за совершенные ошибки¹². Таким образом, свобода — это способ взаимодействия между властью и народом, принадлежащая прежде всего сфере общественного, а не частного. Ключевые слова в этих идеях — «контроль» и «отчетность»: правительство не контролирует нацию — она контролирует правительство.

При этом, по мнению Оливье, свобода может являться основой справедливого общества лишь в том случае, когда ее уравнивает порядок. В этом контексте либералы апеллируют к монархии и конкретной династии — Бонапартам, чье правление связывалось в массовом сознании не только с экономическим подъемом и внешнеполитическими успехами, но и с социальной стабильностью, достигнутой при помощи сильной власти, опиравшейся на волю нации: «Наполеон III представлял собой скалу, одновременно препятствие и фильтр, пропускающую сквозь себя только целебные волны. Наполеон должен был стать воспитателем, покровителем и укротителем демократии, исполнять эту двоякую задачу социального прогресса и порядка...»¹³ Таким образом, свободы все же нуждаются в надзоре и «воспитании», что не позволяет им перейти в нигилизм относительно власти. Здесь Оливье практически вторит Шатобриану, писавшему, что «истинную полноту свободы гарантировали не законодательные акты республиканского Конвента, а положения Хартии 1814 года»¹⁴ — то есть документа, регламентировавшего именно монархическую форму правления. Оливье выступал апологетом наследственной монархии, которая «генетически» передает уважение к традициям и конституционным принципам, оберегая их «сверху» и осторожно преобразуя их «снизу» соответственно изменениям общественных настроений, появлению новых идеологий¹⁵. В понимании легитимности Оливье, безусловно, сильно расходился с архитекторами Реставрации: в его понимании легитимность монарха явным образом основана на всеобщем избирательном праве (это сугубо демократическая ценность, а также дань традиции плебисцитов, успешно практиковавшихся обоими Наполеонами). Между тем, в записках Шатобриана о событиях революции 1830 г. есть манифест классического консервативного либерализма: принцип народного суверенитета, пришедший на смену божественному суверенитету королевской власти, разрушает и обесценивает сам принцип монархии — соответственно, легитимен только представитель династии, избранной не народом, а существующей в силу традиции¹⁶.

Однако оба официальных идеолога двух Реставраций сходятся в идее о том, что либеральная политика, уступки гражданскому обществу имеют целью спасение существующего режима и его элиты от революции, неизбежно возникающей из-за репрессивной политики власти: «Либеральный режим — единственное спасение для империи. Как еще следовало бы поступить среди революционных страстей?»¹⁷

— писал Оливье. «Древняя и состоятельная аристократия, поднатюревшая в государственных делах, может сохранить ускользающую власть одним-единственным способом: перейдя с Капитолия на Форум и возглавив новое движение» — полагал Шатобриана¹⁸.

Это не означает, что Оливье отрицал возможность установления во Франции республики. Он соглашался с тем, что республиканцы и либералы заняли в данный момент общую платформу, борются за одни и те же права и свободы граждан, но на данном этапе различие между этими группами состоит в методике и тактике осуществления преобразований: республиканцы требуют свержения монархии любой ценой, не исключая революции, либералы же стоят за реформизм в рамках (и ради) сохранения монархической системы. Оливье полагал, что французская нация еще не скоро созреет для республики и поэтому нуждается именно в либерально-монархическом режиме. При этом Оливье заявлял, что спустя некоторое время Франция сумеет прийти к республике; он допускал республику «мудрую и умеренную, уважающую общественный порядок, то есть традиционные законы, свободную без анархии, дружественную народу без демагогии»¹⁹. Но в реалиях 1860-х гг. это было невозможно, поскольку революционный накал все еще был силен в умах французов и опыт демократии в стране был непродолжителен. Самоуправление нации нуждалось в наставнике. В итоге, как полагал Оливье, в будущем французское общество будет готово к установлению республиканского строя — республика станет неизбежной в связи с эволюцией массового сознания и общественных институтов, и переход этот будет мирным, естественным, а не революционным. Такая либеральная парадигма построена на страхе перед революцией, в ходе которой уже дважды рождалась республика во Франции — и в идеях Оливье она не нова: еще в 1830-х гг. Шатобриан говорил о возможности республики, к которой страна может прийти мирным путем, вследствие естественного социального развития и неизбежности прогресса, ибо «выборная» Июльская монархия уже закладывает фундамент республиканской системы²⁰. Идея такой преемственности оказалась устойчивой — точно так же либералы 1860-х гг. воспринимали демократическую империю. Либеральные реформы закладывали фундамент для бескровного и естественного перехода к республике.

Если бы Шатобриан дожил до переворота 1852 г. и реставрации Бонапартов, он, скорее всего, охарактеризовал бы этот режим как «выборная монархия» («la monarchie électorale»). Термин этот, весьма глубоко передающий сущность новой политической системы, был им применен некогда к Июльской монархии в брошюре 1832 г. «О Реставрации и выборной монархии» («De la Restauration et de la monarchie électorale»). Именно в этом произведении он четко обозначил границы легитимности монарха: легитимен лишь тот, кто правит в силу традиции, а не в силу народного суверенитета; монархию могут контролировать лишь законы и Конституция, но не избирательное право народных масс²¹. В представлении Шатобриана сосуществование монархии и избирательного права — абсурд, противоречие, которое либо приведет к революции и демократии, либо превратит монархию в абсолютистскую тиранию из-за ее страха перед восстанием. В любом случае, народный суверенитет погубит трон. Оливье же основывал легитимность власти Наполеона III на гражданских свободах и воле нации и пророчил его престолу прочность именно на основе демократии.

Вторая империя, как и реставрация Бурбонов, образовалась на волне революции и при формировании своих институтов учитывала опыт предыдущих социальных потрясений. При Бурбонах порядок и свобода являлись порождением страха перед новой революцией. Наполеон III также строил свою власть на отрицании революционного пути, поэтому порядок и свобода для него играли не менее фундаментальную роль. Оба режима при этом взяли лучшее от революции — гражданские свободы: «я признаю политические права, установленные революцией и сохраненные Хартией», — писал Шатобриан²². Равным образом Оливье не мыслил развития Франции без уважения принципов 1789 г.: они провозгласили, что «нация принадлежит не узкой группе элиты, но распоряжается собой самостоятельно, что народ, хозяин своей судьбы, сам выбирает тех, кому поручено руководить своими подданными»²³. Шатобриан считал революции справедливыми в том случае, если король преступает закон, абсолютизируя тем самым свою власть — о революции 1830 г. он писал, что возмущение общества вызвала «бесстыдная убежденность в том, что воля короля превышает любого закона»²⁴. Оливье также признавал необходимость революции в определенном случае: «... она происходит, когда закон превращается в невыносимое насилие. Нация погибнет, если она не свергнет правительство...»²⁵ Иными словами, революция полезна только для уничтожения абсолютистского, тиранического режима. Относительно поведения правящей элиты по завершении революции двое мыслителей разошлись: Шатобриан настаивал на несменяемости династии в силу традиции престолонаследия, Оливье принимал новую династию и считал ее легитимной в силу народного суверенитета.

В то же время Оливье предупреждал и об опасных, нежелательных последствиях революции, о ее эксцессах, вызываемых разрывом между желаемым и реальным, между теорией и возможностями и нравственным состоянием нации в данный момент — размышления, непредумышленно восходящие к г-же де Сталь и впоследствии развитые Ф. Фюре в виде своего рода догмы террора, поскольку для поддержания образа победителей и для сплочения нации вокруг новой идеологии лидеры революции постоянно вынуждены прибегать к террору²⁶. Рассуждая о преимуществах монархии или республики, Оливье заключал, что не существует «дурных» форм власти — есть просто дурные правители, нарушающие закон; поэтому монархия может оказаться намного более справедливой, чем республика, в то время как республика может переродиться в тиранию и нарушать законы еще более преступным образом, чем абсолютизм (пример тому — якобинский террор). Шатобриан еще за полвека до Оливье заметил, что нарушение закона и злоупотребление властью не зависят от формы режима — в памяти народа Франции еще свежи воспоминания о терроре демократического правительства, а в данный момент времени именно монархия принесла стране долгожданные свободы в виде Хартии 1814 г.: «монархия бывает свободнее, причем во много раз свободнее, чем республика...»²⁷

В понимании либералов гарантом реальных свобод должны были выступать органы законодательной и исполнительной власти — но они нуждались в глубоком реформировании, поскольку находились под контролем государственного аппарата, парламент же был лишен права законодательной инициативы. Такая система оказалась совер-

шенно не адекватной всеобщему избирательному праву и сильно тормозила внедрение и развитие гражданских свобод, равно как и социально-экономический прогресс в целом.

Ключевым пунктом либеральной программы стало введение принципа ответственности министров перед парламентом. Они не должны являться агентами личной власти императора — общество, построенное на принципе избирательного права и суверенитета нации, предполагает всеобщую ответственность на всех уровнях власти; взаимный контроль и отчетность должны пронизывать все органы²⁸. Оливье полагал, что такая реформа не ослабит власть, но, напротив, укрепит ее авторитет, создаст более прочные связи между ней и нацией, ибо отчетность власти позволит ей «взаимодействовать с представительной властью и выйти из изоляции, опасной для власти и для нации»²⁹.

Кроме того, ответственность министров направлена на защиту императора от общественной критики и только укрепляет авторитет его власти; если государство основано на народном суверенитете и нация выражает свою волю через представителей, то эти представители должны судить не правителя, а исполнителей его постановлений: «Если министры ошибаются, они должны платить за свою ошибку своими полномочиями... В настоящее же время министры не несут наказания, за них расплачивается император»³⁰. Иными словами, переговоры с обществом должны лечь на посредников исполнительной власти, чтобы сохранить прочность власти монарха и тем самым избавить его от волны критики со стороны общественного мнения. На тех же принципах и с теми же целями Шатобриан в свое время предлагал ввести ответственность министров: отчитываться перед парламентом должны агенты исполнительной власти, чтобы принять на себя удар общественной критики; король же должен оставаться вне нападков общественного мнения, ибо его власть «божественна и неподсудна»³¹.

Второй целью либералов было добиться расширения полномочий парламента — предоставить ему право не только обсуждать, но и вносить поправки и отклонять предлагаемые императором законы. Парламент — важнейший помощник императора. Он помогает исполнительной власти взаимодействовать с нацией и тем самым обеспечивает императору прочную, легитимную социальную базу: только голос нации подскажет исполнительной власти то, какие реформы нужно провести, какие институты нужно усовершенствовать³². Лишенный реального действия и законодательной инициативы парламента не может справляться со своей ключевой функцией — представлять интересы народа, он превращается в слугу императора и зависит от его воли так же, как при старом порядке Генеральные штаты собирались только по решению короля. А значит, современное состояние представительной власти близко к ее состоянию при абсолютизме.

Однако на основании этих утверждений Оливье вносил определенное противоречие в систему разделения властей. Если парламента имеет право отвергать предложенные законопроекты, это не означает, что ему принадлежит полная и безусловная законодательная инициатива. Либералы убеждены, что парламента не должен обладать правом принимать законы, это право должно быть закреплено за императором. Оливье разграничивал полномочия и функции правительства и парламента: дело народных представителей — обсуждение и критика предлагаемых законов, но не законодательная инициатива, поскольку

ку депутат парламента — всего лишь посредник между нацией и исполнительной властью, всего лишь представитель народа, не всегда гарантированно соблюдающий его интересы; правительство же, как власть исполнительная и реально действующая, несет перед народом большую ответственность, отчитываясь об определенных действиях. Оливье считал законодательную власть «безответственной» в том случае, если ее не контролирует власть исполнительная; кроме того, депутаты — власть «пристрастная», то есть они слишком зависимы от собственных личных интересов в ущерб соблюдению интересов избирателей³³. Оливье полагал, что всеобщее избирательное право может показать свою эффективность только при прямом голосовании — референдуме — но не через посредников-депутатов. Поскольку депутаты в первую очередь используют парламент для реализации своих личных амбиций, а не для защиты чаяний избирателей³⁴. Именно поэтому парламенту может быть дана только ограниченная законодательная власть, но полной инициативой он обладать не должен. Исполнительная власть имеет возможность наиболее достоверно узнать мнение нации через референдум. Оливье настаивал на важности референдума: это средство воспрепятствовать принятию «антинародного закона», одобренного вероломными депутатами³⁵. Безусловно, в подобных размышлениях Оливье защищал бонапартистскую систему — ведь именно наполеоновская идея предполагала скептицизм в отношении посреднической роли парламента и опору на прямую демократию. Законодательная инициатива должна принадлежать императору, силу закона ей придает одобрение нации. В конце концов получается, что законотворчество распределено между императором, парламентом и народом: император предлагает, парламент обсуждает, нация утверждает. Общие для исполнительной и законодательной власти права на законотворческую инициативу провозглашал и Шатобриан: король и палата депутатов должны делить между собой законодательную инициативу, поскольку «никто, кроме короля, не может лучше контролировать законы общенационального значения»³⁶. Открытая дискуссия в палате депутатов необходима для того, чтобы оградить короля от претензий со стороны общественного мнения, если предложенный им законопроект окажется сомнительным³⁷. Таким образом, обе системы отрицают полную законодательную инициативу представителей нации: Реставрация — с позиции божественного права короля (зафиксированного в Хартии 1814 г.), бонапартизм — с позиции народного суверенитета и прямой демократии, при которой плебисцит заменяет парламент.

В идеях Оливье бесполезность парламента выступает как часть бонапартистской системы прямой демократии. Шатобриан же строил свою систему взглядов на отрицании народного суверенитета и в этом смысле являлся даже более убежденным сторонником парламентаризма, чем Оливье, так как роль представителей народа для него важнее роли самого народа, поскольку задача палаты депутатов — выражение мнения нации (что ставит под сомнение Оливье) и устранение «революционных настроений», которые проявились бы при прямой демократии³⁸. В понимании Оливье сдерживать массы должен лично император, в понимании Шатобриана — парламент.

В целом либеральная программа реформ институтов власти была направлена на сохранение фундаментальных принципов бонапартистского режима: сосредоточение законодательной и исполнительной

властей в руках императора (что отменяло принцип разделения властей), контроль исполнительной власти над парламентом, приоритет референдума над решениями парламента. Порядок сдерживал свободу. По-прежнему олицетворением порядка являлся император, а не институты гражданского общества, которым преждевременно было бы доверить самоуправление. Но если для Оливье порядок — это император и его решения, то для Шатобриана порядок все же воплощается в сотрудничестве короля и парламента — как уже было сказано, он, в отличие от Оливье, считал, что истина общественного голоса как раз воплощена в депутатах (здесь, конечно же, необходимо учесть контекст эпохи Хартии, когда всеобщее избирательное право было в принципе поставлено под сомнение). Король, уважающий волю нации, выраженную через представителей, и депутаты, уважающие волю монарха, — вот залог порядка. Это означает, что при такого рода порядке свобода будет иметь наилучшие гарантии — она будет контролируемой, а значит, не причинит нации того вреда, который она уже наносила ей в предыдущую эпоху ³⁹.

Следующим важным блоком программы реформаторов являлся вопрос о гражданских свободах — об отмене цензуры в периодический печати и о снятии административно-полицейского контроля за публичными собраниями. До реформ 1867 г. существовала особая уголовная статья — «преступления прессы» (критика журналистами действий правительства); такие преступления причислялись к самым тяжким и подвергались судебному преследованию в рамках особой правительственной комиссии, заседания которой проходили в закрытом порядке, что нарушало систему общегражданского суда присяжных. В понимании Оливье это было грубым нарушением принципа равенства всех граждан перед законом, зафиксированного в конституции империи согласно традициям Декларации прав человека и гражданина 1789 года.

Право на свободу слова не является особой привилегией — оно неотделимо от всех прочих прав и свобод гражданина. Как рассуждали либералы, в государстве, основанном на всеобщем избирательном праве и праве плебисцита — то есть на правах нации выражать свое мнение о действиях правительства — это право не должно быть изъято у прессы. Разумеется, издания должны быть подчинены законам, но целью этих законов должен быть контроль за злоупотреблениями, а не запрет и вмешательство полиции. Лучший контролер над прессой — само общество, которое принимает или отвергает тот или иной журнал того или иного политического направления. Пресса в конкретную историческую эпоху, как мыслил Оливье, играет просветительскую роль, а не только роль критика и насмешника над властью. Пресса — часть общего прогрессивного движения мира, в котором идет быстрое развитие техники и науки, а значит, расширяются познавательные способности человека. Отличительная черта эпохи — своего рода информационная революция, начавшаяся, как считал Оливье, еще в эпоху Просвещения, а потому ни один политический режим не будет прочным, если он будет держать граждан в неведении ⁴⁰. Невежественный гражданин — это, прежде всего, опасный гражданин, именно невежды совершают революции и насилие, именно в невежестве коренятся главные социальные и нравственные пороки. Свобода выражения общественного мнения способствует налаживанию мирного диалога между гражданами и властью, помогает гражданам вести свою борьбу в рамках закона.

Обратившись к более ранней эпохе, можно найти подобные суждения у Шатобриана. Для него, как для представителя консерватизма, свобода слова была необходима как главная из общественных свобод, ибо она заменяла отрицаемое консерваторами всеобщее избирательное право. Широкий доступ к голосованию противоречит принципу суверенитета монарха, однако в постреволюционном мире невозможно сохранить эту монархию без признания свобод; поэтому свобода граждан должна быть выражена опосредованно — через слово, мнение. Шатобриан подчеркивал, что новые общественные условия сами диктуют неизбежность свободы прессы, мир сделал значительный рывок вперед, он тяготеет к открытости и доступности, пресса олицетворяет прогресс: «Пресса — новая стихия, невиданная прежде сила, пришедшая в мир недавно... Вам необходимо примириться с прессой, как примирились вы с паровой машиной»⁴¹.

Оливье полагал, что выражение некоего мнения не должно считаться преступлением, ибо мнение не есть призыв к действию или подстрекательство. Преступлением нужно считать только газетные тексты, призывающие (как правило без ясной аргументации) к свержению власти или революции. Если за каждым гражданином закреплено равное право на свободу слова, то это право не должно быть исключением для журналов — их необходимо изъять из ведения специальной закрытой комиссии и подвергать общему для всех суду присяжных⁴². Свобода прессы в данном случае предстает своего рода социальным контрактом между империей и обществом: журналы получают свободу мнения в обмен на относительную лояльность — критику власти в рамках дозволенного, без воззваний к радикальным переменам. Кроме того, разнообразие журналов и мнений должно обучать граждан формировать свое собственное мнение, отбирать из прессы лучшие издания с наиболее умными авторами — таким образом, лучшим судьей для прессы станет само общество, выбраковывающее несостоятельных. Как замечал Оливье, «самое эффективное ограничение свободы прессы — это полнота ее свободы»⁴³.

Оливье и Шатобриан обнаруживали солидарность в идее о том, что свобода прессы должна выражаться, прежде всего, в ее изъятии из ведения различных государственных чиновников и министров, дабы они не сделали журналы агентами своего влияния и пропаганды; общественное мнение — это главный фактор контроля за министрами и депутатами, «источник их полномочий»⁴⁴. Впрочем, понятны и расхождения двух политиков: для Оливье свобода прессы являлась частью широких гражданских свобод на основе избирательного права, для Шатобриана она заменяла народный суверенитет суверенитетом свободы слова. Примечательно, что в своих идеях Шатобриан действительно ограничивался свободой прессы как высшим выражением общественной свободы; Оливье же шел намного дальше — его заботил вопрос о свободе собраний и предвыборной агитации среди населения — вопрос уже сугубо демократический.

После бонапартистского переворота 1851 г. свобода собраний оказалась фактически под запретом — необходимо было подать заблаговременное уведомление в полицию, на собраниях всегда присутствовали особые комиссары полиции для контроля за выступлениями ораторов. Оливье считал, что запрет свободы собраний противоречит принципу всеобщего избирательного права: открытые и справедливые выборы могут происходить только при условии публичной дис-

куссии, представления программ кандидатов, их встреч с избирателями⁴⁵. Такие собрания не равносильны подготовке заговора или мятежа. Их сущность и функции аналогичны свободе прессы — они носят просветительский характер, учат граждан формировать собственные взгляды, отбирать наилучших. Политические собрания не противостоят конституции — они, напротив, полностью соответствуют закреплённому в ней принципу суверенитета нации.

Идеи Оливье и его соратников, несмотря на явное стремление к созданию новой и цельной системы ценностей, пронизаны противоречиями. Именно отсутствие цельности и стройности картины мира отличает размышления Оливье от идей Шатобриана, которые как раз являются собой логичную, отточенную, кристально чистую картину мировоззрения политика и философа эпохи реставрации. Шатобриан мыслил простыми категориями, противопоставлением конституционности абсолютизму «старого порядка». Бесспорно, полвека спустя либеральные ценности уже переживали серьёзную переоценку и деформацию, они искали обновления и компромиссов с реальностью. Торжество демократических принципов, суверенитета нации, той «выборной монархии», которую описал и о наступлении которой предупреждал Шатобриан, — на эту эпоху пришлась политическая деятельность Оливье. Идеиная картина его эпохи была намного сложнее и многообразнее, чем время его учителей: в начале XIX в. единственной альтернативой для Франции было возвращение к абсолютизму или конституционная монархия, во второй же половине века общество было насыщено множеством идеологий — от коммунизма до классического легитимизма. В гуще этой битвы идеологий либерализм так или иначе был вынужден заново обрести себя, приспособить свои традиции к новизне, принять новые ценности. Поэтому в произведениях Оливье чувствуется поиск формы общественного строя, основанного на примирении двух Франций: старой — монархической, основанной на авторитете и силе власти, и новой — демократической.

Стоит учесть, что взгляд Шатобриана на проблематику свободы и порядка был, прежде всего, взглядом аристократа эпохи старого порядка, вынужденного примириться с новыми реалиями и адаптирующего традиции к современности. Оливье, напротив, представлял собой либерального демократа, встраивающегося в достаточно архаичную систему власти (бонапартизм, по сути — авторитаризм), к которой необходимо приспособить ценности постреволюционного общества.

Примирение двух Франций выразилось в идеях Оливье в том, что он сделал выбор в пользу прямой демократии. Во-первых, целью либеральных реформ было все же сохранение авторитета и полномочий императора, а не ограничение их подобием Хартии. Во-вторых, свои условия диктовала реальность — наличие принципа всеобщего избирательного права. Чтобы две эти цели сошлись и заработали совместно, Оливье отстаивал прямую демократию. Народное представительство в понимании Шатобриана он заменил голосом нации фактически без посредников, без парламента. А значит, нарушался принцип разделения властей — и законодательная, и исполнительная власть сходились в руках императора, что противоречило либеральной традиции, согласно которой законотворчество отдавалось парламенту.

Гегелевская формула «конца истории» при появлении некоей универсальности проскальзывает у обоих мыслителей — и монархия, согласно Хартии, и новая империя понимаются как законченные формы; однако развитие и прогресс не подлежат отрицанию. Шатобриан видел будущее в республике, как и Оливье. Они оба были устремлены в будущее, к демократии через прохождение этапа смешанных конституционных режимов. Разное понимание легитимности — уже само по себе свидетельство прогресса: на смену легитимности традиционно-династической приходит легитимность в силу народного суверенитета. Пожалуй, Оливье и Шатобриан были недалеко от марксизма и формационного подхода — в идеях обоих заметна система стадий прогресса общества (от феодального — к индустриальному, с тесной взаимосвязью экономической системы от социально-политического развития) и материалистический подход. Из произведений Оливье не ясно, как он понимал современный ему марксизм, но этот «дух времени» неумышленно мог отразиться на его идеях. Необходимо также учесть, что идеи Оливье, в отличие от Шатобриана, формировались в мире, переполненном идеологиями: среди социализма, социал-дарвинизма, марксизма, смешанных систем — «социального либерализма» Дж.С. Милля и «социального консерватизма» Б. Дизраэли. Так или иначе эти идеи и системы размывали традиционное видение конституционной монархии.

Бесспорно, общей платформой для двух мыслителей являлось отрицание абсолютизма и обоснование его как тирании. Шатобриан основывался на идее доминирования законов, которые превыше воли короля; Оливье — на основании суверенитета нации, обличившей доверием правителя. Приверженность суверенитету нации переводит Оливье из лагеря либералов в лагерь либеральных демократов. Шатобриан выступает наследником Просвещения, в том числе вольтеровской теории о том, что свобода есть подчинение только закону. Оливье же наследовал не только либеральную, но и республиканскую традицию в духе революции 1848 г., когда власть закона дополнилась властью нации.

Оливье и Шатобриан единодушно высказались в поддержку фундаментальной свободы — свободы слова: парламент не сможет принимать адекватные и обдуманые решения, не прислушиваясь к мнению общества; пресса должна быть независимой — иначе она станет рупором министров; только общественное мнение является источником полномочий министров и депутатов. Однако Оливье пошел дальше — он обосновал необходимость свободы собраний и предвыборной агитации, что уже прямо связано с институтами демократии. Шатобриан считал основой прогресса суверенитет законов, Оливье — суверенитет нации.

Ф. Фюре и Л. Жирар дали очень удачные определения различий в идеологии двух либералов: Шатобриан принадлежал к так называемому «аристократическому либерализму», для которого противостояние абсолютизму исходило из свободы личной; Оливье представлял республиканский либерализм с его идеей гражданских свобод⁴⁶. Оба мыслителя ставили своей целью оправдание восстановленной монархии после потерпевшей фиаско эпохи демократии. Оба стремились примирить старую и новую Францию, закон и порядок, свободу и традиции, монархию и гражданское общество, суверенитет народа и авторитет короля (императора); соединить лучшее от республики и от

монархии; предотвратить революционную катастрофу через создание законодательной базы, защищающей интересы и граждан, и государства. «Необходимо, насколько возможно, смешать интересы и воспоминания о старой Франции с новой... Я хочу соединить все свободы, весь прогресс в духе Просвещения с остатками старого порядка... с вечными принципами правосудия и нравственности...», — писал Шатобриан⁴⁷. Оливье стал наследником множества идейных течений — не только Просвещения, но и республиканской, демократической, социалистической идей. Оба мыслителя понимали реформизм своих эпох как прогресс, как неукротимое движение общества, его естественное развитие как живого организма, пренебрежение которым приводит к падению монархий. Оба были заинтересованы в сохранении и усовершенствовании конституционно-монархических систем; оба создали произведения, обосновывавшие необходимость таких систем в данный момент истории. Оба мыслили основой нового общественного строя свободу. Различия заключались лишь в степени и форме свободы. Либерализм эпохи Второй империи продемонстрировал свое стремление отойти от достаточно умозрительного «аристократизма» и сблизиться с демократией, уже понимаемой как символ прогресса и стадия развития общества, а не как особая привилегия для широких масс, даруемая правителем.

Примечания

1. OLLIVIER E. L'Empire libéral. Paris. 1899—1912, vol. 1—12 ; EJUSD. Démocratie et liberté. Paris. 1867. Archives nationales de la France. Fonds Bonaparte. 400 AP-44. Correspondance avec Ollivier.
2. DANSETTE A. Naissance de la France moderne. Le Second Empire. Paris. 1976; GORCE P. de la. Histoire du Second Empire. V. 5, 6. Paris. 1904—1908; FURET F. La Révolution 1814—1880. Paris. 1988; GIRARD L. Napoléon III. Paris. 1986; PLESSIS A. De la fête impériale au mur des fédérés. 1852—1871. Paris. 1979; ROSANVALLON P. L'Etat en France de 1789 à nos jours. Le Seuil. 1990; SEIGNOBOS CH. Histoire de la France contemporaine. Paris. 1921; TUDESQ A. La démocratie en France depuis 1815. Paris. 1971; ANCEAU E. Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier. 2012; BOIA L. Napoléon III, le mal-aimé. Editions Les Belles Lettres. 2007; DARGENT R. Napoléon III, l'empereur du peuple. Collection Témoignages de l'Histoire. Editions Jacques Grancher. 2009; DUFREIGNE J.-P. Napoléon III : Un empereur qui rêvait... Paris. 2007; MILZA P. Napoléon III. Paris. 2004; MINC A. Louis-Napoléon revisité. Paris-Gallimard. 1996; SAGNES J. Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris. 2008; TULARD J. Pourquoi réhabiliter le Second Empire? Paris. 1997; TROISIER A. Emile Ollivier. Dictionnaire du Second Empire. Fayard. 1995.
3. CORLEY TH. Democratic Despot: a Life of Napoleon III. London. 1961; GOOCH G.P. The Second Empire. London. 1960; SMITH W. Napoleon III. Paris. 1982; ZELDIN T. E. Ollivier and the liberal empire of Napoléon III. Oxford. 1963; NORD PH. The Republican Moment: Struggles for Democracy in Nineteenth-Century France. Cambridge (MA)-Harvard University Press. 1995.
4. ФЕДОСОВА Е.И. Либеральная мысль в период Реставрации. В кн.: Французский либерализм в прошлом и настоящем. М. 2001, с. 82; МАТВЕЕВ С.Р. Либеральный консерватизм Франсуа Гизо. Препринты. — НИУ ВШЭ. Серия «Гуманитарные исследования». 2015, № 5.
5. STAEL G. de. Considérations sur les principaux événements de la révolution française. Paris. 1843.
6. OLLIVIER E. Démocratie et liberté, p. 25.

7. THIERS A. Discours sur les libertés politiques. Paris. 1865, p. 6.
8. OLLIVIER E. L'Empire libéral, v. 11, p. 534.
9. ШАТОБРИАН Ф. Р. Замогильные записки. М. 1995, с. 441.
10. OLLIVIER E. Démocratie et liberté, p. 71.
11. Ibid., p. 384.
12. THIERS A. Op. cit., p. 13.
13. OLLIVIER E. L'Empire libéral, v. 13, p. 121.
14. CHATEAUBRIAND F.R. De la Restauration et de la monarchie élective. Paris. 1832, p. 12—14.
15. OLLIVIER E. L'Empire libéral, v. 13, p. 297.
16. ШАТОБРИАН Ф.Р. Ук. соч., с. 438—441.
17. OLLIVIER E. L'Empire libéral, v. 12, p. 272.
18. ШАТОБРИАН Ф.Р. Ук. соч., с. 408.
19. OLLIVIER E. L'Empire libéral, v. 11, p. 115.
20. ШАТОБРИАН Ф.Р. Ук. соч., с. 438, 457, 581—587.
21. Там же, с. 441.
22. CHATEAUBRIAND F.R. De la monarchie selon la Charte. Paris. 1816, p. 44.
23. OLLIVIER E. L'Empire libéral, v. 11, p. 24.
24. ШАТОБРИАН Ф.Р. Ук. соч., с. 402.
25. OLLIVIER E. L'Empire libéral, v. 11, p. 112.
26. Ibid., p. 326.
27. ШАТОБРИАН Ф.Р. Ук. соч., с. 441.
28. OLLIVIER E. Démocratie et liberté, p. 67.
29. Ibid., p. 365.
30. Ibid., p. 555.
31. CHATEAUBRIAND F.R. De la monarchie selon la Carte, p. 3, 5, 13.
32. OLLIVIER E. Démocratie et liberté, p. 2.
33. EJUSD. L'Empire libéral, v. 6, p. 432.
34. Ibid., v. 13, p. 327.
35. Ibid., p. 325.
36. CHATEAUBRIAND F.R. De la monarchie selon la Charte, p. 5.
37. Ibid., p. 7.
38. Ibid., p. 54.
39. FRITZSCHE P. Chateaubriand's Ruins: Loss and Memory after the French Revolution. — History and Memory. 1998, vol. 10, № 2, p. 102—117.
40. OLLIVIER E. Démocratie et liberté, p. 131.
41. ШАТОБРИАН Ф.Р. Ук. соч., с. 401.
42. OLLIVIER E. L'Empire libéral. V. 10, p. 394.
43. Ibid., p. 400.
44. CHATEAUBRIAND F.R. De la monarchie selon la Charte, p. 15, 21.
45. OLLIVIER E. Démocratie et liberté, p. 373.
46. GIRARD L. Les libéraux français, p. 204, 212.
47. CHATEAUBRIAND F. De la monarchie selon la Charte, p. 79.

Майор И.-Г. Гербер о даргинцах Акуша-Дарго

Б.Г. Алиев, А.О. Муртазаев

Аннотация. Работа посвящена описанию и историографическому анализу сведений о даргинцах федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго, имеющихся в сочинении офицера русской армии И.-Г. Гербера. Это сведения о расселении и территории даргинцев, расположении Акуша-Дарго, вероисповедании, языке и численности населения. Гербер писал о взаимоотношениях Акуша-Дарго с правителем (уцмием) Кайтага и причинах вступления даргинцев в подданство России. Сведения Гербера о даргинцах Акуша-Дарго в целом верны, они представляют большой интерес и являются важнейшим источником при изучении их социально-экономического и политического положения в конце XVII — первой трети XVIII века.

Ключевые слова: даргинцы, союзы сельских общин, Акуша-Дарго, федерация, земледелие, скотоводство, уцмий Кайтага.

Abstract. This work is devoted to the description and the historiographic analysis of information about Dargins of federation of the unions of the rural communities of Akusha-Dargo which are available in the composition of the officer of the Russian army I.-G. Gerber. It data on resettlement and territory of Dargins, Akusha-Dargo's arrangement, religion, language and population. Gerber wrote about Akusha-Dargo's relationship with the governor (utsmiya) of Kaytaga and the reasons of the introduction of Dargins to citizenship of Russia. Gerber's information about Akusha-Dargo's Dargins in general is right, they are of great interest and are the major source by their social and economic and political situation in the end of XVII — the first third of the 18th century.

Key words: Dargins, unions of rural communities, Akusha-Dargo, federation, agriculture, cattle breeding, utsmiy Kaytaga.

Даргинцы, второй по численности коренной народ Дагестана, проживают в центральной части среднего Дагестана в Акушинском, Ле-

Алиев Багомед Гадаевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: arslist777mail.ru; *Муртазаев Арсен Омарович* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: arslist777mail.ru.

Aliev Bagomed G. — doctor of historical sciences, professor, senior researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Centre RAS. E-mail: arslist777mail.ru; *Murtazayev Arsen O.* — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography at the Dagestan Scientific Centre RAS. E-mail: arslist777mail.ru.

вашинском, Кайтагском, Сергокалинском и Дахадаевском районах Республики Дагестан, в Агульском, Буйнакском, Каякентском, Хасавюртовском, Кизлярском, Ногайском, Бабаюртовском, Дербентском и других районах, а также во всех городах Дагестана. Их можно встретить в Ставропольском крае. Численность даргинцев, по переписи населения 2010 г., составляет 589 144 человека ¹.

В прошлом даргинцы были разделены на племенные группы, на основе которых возникли две различные государственно-политические структуры: раннефеодальные образования (Кайтагское уцмийство, Зирихгеран, ал-Карах, Шандан и Филан) и союзы сельских общин (Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Мугинский, Усишинский, Урахинский, Сюргинский, Буркун-Дарго и т.д.). Если во главе первых структур стояли феодальные правители, то во главе вторых — наиболее крупные и сильные общества и их администрация. Всего в прошлом у даргинцев было 18 союзов сельских общин, известных в исторической литературе как «вольные» общества и «демократические республики». Это были небольшие территориальные и военно-политические структуры, называемые самими даргинцами «хлуреба», что означает войско, ополчение, рать и говорит о военном характере первоначального объединения племенных групп даргинцев, что было характерно и для других дагестанских народов, у которых были «вольные» общества.

Среди даргинских наиболее крупным было Акушинское «вольное» общество, которое, начиная примерно с конца XIV — начала XV в., стало во главе верхнедаргинских объединений. Это была федерация пяти обществ: Акушинского, Цудахарского, Мекегинского, Усишинского и Мугинского и в исторической литературе стала известна как Акушинская. Под «акушинцами» авторы, писавшие об Акуша-Дарго, всегда имели в виду всех верхнедаргинцев.

О даргинцах Акуша-Дарго сообщали различные авторы, побывавшие на Кавказе и в Дагестане, — историки, географы, путешественники, ученые, военные, чиновники местных и российских государственных учреждений, занимавшие различные должности. Среди них был офицер (майор) русской армии, затронувший в своем описании основные вопросы социально-экономического развития и политического положения Акуша-Дарго после похода Петра I в Прикаспий в 1722 году.

И.-Г. Гербер, немец по происхождению, родился в Германии. С 1710 г. находился на русской службе, участвовал в походе Петра I в этот регион в 1722 г., после которого был оставлен в занятых русскими войсками областях. В 1726 г. стал членом комиссии по установлению русско-турецкой границы в Прикаспийской области и заключения договора между Россией и Турцией. В Дагестане Гербер находился до 1729 г. и неплохо знал жизнь дагестанских народов. Выполняя правительственное задание, в 1729 г. он составил описание местностей, расположенных между Астраханью и рекой Курой. Это сочинение было издано несколько раз — сначала на немецком языке, затем на русском под названием «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и их состоянии в 1728 г.» в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» в 1760 г. (июль-октябрь). Вторич-

но оно под названием «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.» было напечатано в сборнике архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» в 1958 г. под редакцией М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. Это издание в основном и будет использовано в данной работе.

В сочинении Гербера, наряду с другими политическими структурами Дагестана, описаны федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго, Кайтагское уцмийство и Кубачи. Каждое из них названо уездом. «Акуша, уезд», по мнению Гербера, располагался «между горами Иджар под таулинцами (горцами. — *Б.А., А.М.*)» и, как писал он далее, было «отделено высокими непроходимыми горами, которые зимой и летом снегом покрыты»².

Действительно, Акуша-Дарго находилась в средней части горного Дагестана. Но вряд ли верно, что горы здесь зимой и летом были покрыты снегом. Ни один автор, писавший об Акуша-Дарго (Д.И. Тихонов, С.М. Броневский, П.А. Зубов и др.), не отмечал этого. Горы, вершины которых бывают покрыты снегом и летом, находились на территории соседних народов — аварцев и лакцев, а также в Южном Дагестане, далеко от даргинцев.

Остановившись на вопросе о составе Акуша-Дарго, Гербер писал, что «уезд состоит во многих деревнях»³. Действительно, как показывают сведения других авторов, хотя и позднего периода, в состав федерации Акуша-Дарго входило много сел. По сведениям академика РАН И.А. Гильденштедта, в 70-е годы XVIII в. Акуша-Дарго состояла из 39 сел (без учета отсеков и хуторов)⁴. Но в перечне Гербера ошибочно даны и некоторые села, входившие в другие политические структуры даргинцев. В целом же можно согласиться с таким количеством, если иметь в виду, что в первой половине XVIII в. в составе Акуша-Дарго было «30 деревень»⁵.

Другие дагестанские политические структуры в период составления «Описания...» Гербера и в последующие периоды были гораздо меньше Акуша-Дарго. Поэтому здесь было и больше жителей. Гербер не писал конкретно о численности населения федерации Акуша-Дарго, но о ее многолюдности можно судить, исходя из сведений последующих периодов. Так, по данным участника Персидского похода В. Зубова 1796 г. И.Т. Дренякина, в Акуша-Дарго было более 30 000 дворов и до 100 000 жителей⁶. Даже ни одно феодальное образование, кроме Аварского ханства и Дженгутаевского владения, не имело такого количества жителей.

Жители федерации Акуша-Дарго, кроме отдельных аварских и лакских сел, говорили на даргинском языке, но в каждом из пяти входивших в нее союзов сельских общин имелся свой диалект. Все они являлись диалектами одного единого даргинского языка, и люди понимали друг друга. Гербер был не прав, когда писал, что у жителей Акуша-Дарго «особливый язык, который не с каким сходства не имеет»⁷. На даргинском языке говорили и говорят ныне и жители субэтноссов даргинцев, входивших в прошлом в другие союзы сельских общин — Урахинский, Сюргинский, Буркун-Дарго, Гуцу-Дарго и т.д.

Жители федерации Акуша-Дарго, как и все даргинцы и дагестанские народы, были мусульманами, исповедовали ислам суннитского толка, о чем писал Гербер.

Кроме того он сообщал, что в Акуша-Дарго не было феодальных владельцев, а каждая деревня управлялась старшиной⁸. Но он не заметил при этом особенностей управления больших сел. Известно, что во главе больших сел, в особенности центров союзов сельских общин, стояли несколько старшин, которые выбирались либо из каждого квартала, либо из каждого коренного, наиболее древнего, сильного и авторитетного тухума. Так, в Акуша, Цудахаре и Муги выбирались по 4 старшины, в Мекеги — 5 и т.д. В центре федерации — селении Акуша — было 4 квартала, и каждый из них выдвигал по одному старшине. Старшины «избирались сроком на один год из почетнейших лиц, притом известных только фамилий»⁹. В селении Муги было более 10 тухумов, но только 4 из них — наиболее влиятельные, древние и богатые — имели право выдвигать старшин. В Цудахаре из 6 основных тухумов старшин («хулелов») выдвигали только четверых. В Мекеги из 12 кварталов старшин имели право выдвигать только 5¹⁰.

Федерация Акуша-Дарго имела свое управление. Во главе федерации стоял кадий. В его руках как правителя всей федерации а, следовательно, всех пяти союзов сельских общин, составляющих эту федерацию, находилась вся верховная, светская, духовная и военная власть. Таким образом, в Акуша-Дарго сложилась теократическая форма государственно-политического правления. Союзы сельских общин, составлявших федерацию Акуша-Дарго, управлялись органами власти центральных сел, во главе которых стояли свои кадии и старшины.

Российское подданство Акуша-Дарго приняла в 1725 г., на что указал в своем «Описании» и Гербер, отметив при этом, что она находилась «под владением усмеева», то есть владетеля Кайтагского уцмийства, которому после похода Петра I в Прикаспие в 1722 г. хитростью и шантажом удалось в какой-то мере подчинить Акуша-Дарго. Об этом более подробно Гербер сообщил при описании политического положения Акуша-Дарго.

В части «Описания...», посвященной хозяйственной деятельности населения Акуша-Дарго и названной «Промыслы», Гербер остановился на двух вопросах: основные занятия и военная организация федерации даргинцев. По первому вопросу сказано так: «Акушинцы пашни много не имеют, ибо оные между горами живут, питаются больше скотиною и содержат великое число баранов»¹¹.

Из приведенных слов Гербера выходит, что жители Акуша-Дарго мало занимались земледелием. Но это неверно: еще с древности земледелие наряду со скотоводством являлось ведущей отраслью экономики. Как писал в начале XIX в. генерал А.П. Ермолов, бывший в Акуша в конце 1819 г., хотя жители занимали гористые места, у них были «не весьма обширные, но прекрасные долины». И земля, по его словам, была «весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет ни малейшего пространства не возделанного»¹². О высоком уровне земледелия в Акуша-Дарго писали и другие авторы XIX века. Более того, некоторые из них отмечали, что местные жители даже продавали излишки зерна, получаемого на своих полях или купленного в земледельческих владениях, соседним аварским горным обществам.

Что касается скотоводства, о котором Гербер писал как об основном занятии жителей Акуша-Дарго, то оно, действительно было хорошо развито. Основным видом скотоводства было овцеводство. Для содержания овец в летнее время в Акуша-Дарго имелись хорошие условия — летние горные пастбища. Зимой же скот пасли на арендуемых зимних пастбищах Тарковского шамхальства и Кайтагского уцмийства. Так, Гербер при описании Кайтага отмечал, что «акушинцы и многие таулинцы (горцы. — *Б.А., А.М.*) баранов своих зимним временем суды (Кайтаг. — *Б.А., А.М.*) на корм пригоняют» и «каждую зиму более 100 000 баранов здесь кормится»¹³.

Гербер не сообщал, что в Акуша-Дарго была развита домашняя промышленность, в особенности обработка шерсти, из которой делали разноцветное сукно, продававшееся как внутри Дагестана, так и во многих городах Закавказья. Этому производству способствовало обилие шерсти. Причем, в работе, изданной в 1760 г., автор прямо писал, что шерсть акушинских овец была лучше, «нежели на других овцах в тамошних странах». Поэтому акушинцы «и делают много сукна, которое во все тамошние земли развозится, и употребляется на платье»¹⁴.

Кроме того, жители Акуша-Дарго из шерсти «и войлочные епанчи делают»¹⁵. Из других источников также известно, что, действительно, из шерсти местных овец во многих селах Акуша-Дарго (Акуша, Муги, Усиша, Мекеги, Хаджалмахи и др.) изготавливали шерстяную ткань, известную как «лезгинское сукно». В связи с этим уместно привести слова лингвиста И. Клапрота, писавшего, что шерсть акушинских овец «превосходна и они из нее изготовляют сукно, известное на всем Кавказе»¹⁶. Особым же спросом пользовалось сукно, изготовлявшееся из верблюжьей шерсти, которую приобретали в Астрахани.

Была развита в Акуша-Дарго и торговля. В центрах союзов сельских общин в определенные дни недели открывались местные базары, куда стекались не только местные жители, но и жители многих соседних и даже отдаленных сел феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана. Была развита и внешняя торговля. Гербер отмечал, что сукно «во все тамошние земли развозится», из чего выходит, что жители Акуша-Дарго были связаны торговыми отношениями с другими территориями Дагестана, в особенности, с ближайшими союзами сельских общин Аварии и такими феодальными владениями, как Казикумухское, Аварское и Мехтулинское ханства, а также Тарковское шамхальство. Это подтверждается и более поздними источниками. Жители федерации ездили не только на зональные рынки Дагестана, открытые в торговых центрах, таких, как Кумух, Тарки, Эндирей, Ботлих, Дербент (последний является общедагестанским и транзитным центром торговли) и т.д., но и в русские города и города Закавказья, в особенности Азербайджана и Грузии.

Очень интересен второй вопрос, поднятый Гербером в разделе «Промыслы». Это вопрос о вооружении и готовности жителей Акуша-Дарго к «ратному делу». Гербер не писал о численности воинских сил Акуша-Дарго, но давал высокую оценку военной подготовке жителей федерации, их хорошему вооружению и отваге воинов: «оны все люди к войне храбрые, доброконные и оруженные»¹⁷. Действи-

тельно, в Акуша-Дарго военное дело было поставлено лучше, чем в других политических структурах Дагестана. Оно находилось на более высоком уровне даже по сравнению с крупными феодальными владениями Дагестана. Это подчеркивалось и многими авторами, писавшими позже Гербера, отмечавшими в то же время, что жители Акуша-Дарго были самыми храбрыми и «славились в прежние времена своею воинственностью, выставяя многочисленное ополчение»¹⁸. В 80-е гг. XVIII в. побывавший на Кавказе, в том числе в Дагестане, доктор Я. Рейнеггс писал о жителях Акуша-Дарго: «Сила их и храбрость всему Кавказу известны, и сами лезгинцы, соседи их, с коими они часто сражаются, едва могут стоять противу их мужества»¹⁹. Нельзя согласиться с Рейнеггсом, что федерация Акуша-Дарго часто воевала с соседями. Она просто принимала участие в различных междоусобицах и это в том случае, когда ее жителей звали вмешаться в конфликты, происходившие между различными владениями и обществами. Действительно, это были люди, которые, как и другие народы Дагестана, а возможно, и больше их, «к ратному делу», к «воинскому духу присоединяли гораздо более трудолюбия, неутомимости и силы, нежели другой какой Азийский (азиатский. — *Б.А., А.М.*) народ»²⁰.

По разным сведениям, Акуша-Дарго в различных событиях и в разное время выставяла от 10 до 25 тыс. человек. По тем временам это было огромное войско, которого не имела ни одна политическая структура Дагестана. Более того, при всеобщем вооружении в периоды большой внешней угрозы независимости страны, Акуша-Дарго могла выставить и до 30 тыс. вооруженных бойцов. При этом среди них была конница со всеми необходимыми доспехами.

Именно такая мощь ставила Акуша-Дарго в один ряд с феодальными владениями Дагестана, которые вынуждены были не только считаться, но и постоянно обращаться к ней за помощью и содействием в урегулировании внутренних и внешнеполитических вопросов. Известно, что к Акуша-Дарго постоянно обращались за военной помощью шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, аварский хан, а после прихода к власти в Кубинском ханстве, присоединения к своему владению Дербентского ханства и образования Кубино-Дербентского ханства — Фатали-хан. Известно также, что основное войско тарковского шамхала состояло из верхнедаргинцев. По сведениям академика П.Г. Буткова, войско шамхала доходило до 26 тыс. чел. среди которых были в основном акушинцы²¹. Через несколько лет кизлярский комендант А.И. Ахвердов писал, что «войска у него (шамхала. — *Б.А., А.М.*) окружных деревень его и республиканцев, называемых Дарга Окуша, собраться может до пятнадцати тысяч человек; зимою же в самой крайности и пяти тысяч войска выставить не может в разсуждении неимущества у горцев нужного платья, так как и по невозможным проходам через горы от великих снегов»²².

Как и в любом владении или обществе, во главе войска в Акуша-Дарго стоял его глава — акушинский кадий, имевший всю полноту светской и духовной власти. В одном из источников XIX в. говорится: «Кадий объявлял войну и собирал ополчение, он назначал сотенных командиров и приказывал, по сколько человек должно с каждого двора идти на войну. В важных случаях собиралось поголовное опол-

чение, всякий могущий носить оружие должен был идти. Кадий непременно должен был командовать войсками и идти в битву впереди всех ...»²³

Последний сюжет об Акуша-Дарго, поднятый Гербером в своем «Описании...», назван «Состояние» и посвящен политическому положению Акуша-Дарго после Каспийского похода Петра I. Гербер показывает, как и почему Акуша-Дарго попала в определенную зависимость от кайтагского уцмия. Гербер не пишет, кто был в то время уцмием Кайтага. На самом деле звали его Ахмед-хан, и он был одним из сильных и храбрых владетелей Дагестана того периода. Еще до похода Петра I он принимал активное участие в антииранском восстании народов Северного Азербайджана и Дагестана в 1707—1721 гг., которое возглавляли Хаджи Дауд и Сурхай-хан I Казикумухский. А во время Каспийского похода Петра I в 1722 г. Ахмед-хан проявил враждебность к России. При продвижении русских войск к Дербенту через земли Утамышского султана он вместе с последним выступил против войск Петра I.

Вторично он напал на русские войска, когда они, покинув Дербент, проходили по его территории, а в третий раз Ахмед-хан показал себя противником России во время выступления в 1725 г. шамхала Адиль-Гирея, совершившего поход на крепость Святого креста, построенную на его территории по указанию Петра I. Вместе с Адиль-Гиреем были и войска Акуша-Дарго, и уцмий Ахмед-хан. Шамхал, как известно, не смог взять Святой крест и был вынужден сдаться. Он был сослан в Архангельскую губернию, где и умер.

Между тем, Россия не могла оставить без наказания участников осады Святого креста. Естественно, должен был быть наказан и Ахмед-хан. Как писал Гербер, против него были посланы русские войска и, когда они «к усмейскому уезду приближались, чтоб его усмея, добром или силою под российскую империю привести, то усмей через подарки акушинцов к себе звал, чтоб ему помогли русским противиться»²⁴. Даргинцы пришли к нему на помощь, и это уцмий использовал для подчинения Акуша-Дарго, и, как писал далее Гербер, «когда он, усмий (Ахмед-хан. — *Б.А., А.М.*), добром Российской империи поддался (добровольно вступил в подданство России. — *Б.А., А.М.*), присягу и аманатов дал, то он акушинцов подданными своими объявил и что они ему русским противиться хотели», и поэтому необходимо их «ныне силою в послушание привести». В то же время хитрый и коварный Ахмед-хан пугал акушинцев русскими войсками, утверждая, что они намерены идти в Акуша «и их раззорить», так как они пришли ему на помощь, когда русские войска шли наказать его. Хитрость и коварство Ахмед-хана дали свои плоды. Как писал Гербер: «Акушинцы, сего боясь, просили усмея, чтоб он их как подданных своих защитил, пообещали ему во всем послушными быть и дали ему для лучшего уверения (подтверждения. — *Б.А., А.М.*) аманатов, и сим обманом усмей акушинцов под свою власть привел»²⁵. Конечно, в последующем Акуша-Дарго освободилась от опеки кайтагского уцмия, хотя и раньше, как отмечал Гербер, жители Акуша-Дарго «себя подданными числить» не давали, и уцмий вынужден был «с ними вежливо поступать»²⁶.

О правдивости сказанного говорит то, что буквально в том же 1725 г. независимо от кайтагского уцмийства даргинские общества

признали «над собой власть России» и обязались принимать участие в военных действиях вместе с ее войсками²⁷. В следующем, 1726 г., состоялось официальное принятие Акуша-Дарго в подданство России и опять без участия уцмия Кайтага. Это стало следствием обращения акушинского кадия, как управителя всей федерации даргинцев, к русскому правительству, когда даргинские общества «России присягали»²⁸. Принятие даргинских обществ в подданство России было зафиксировано и в договоре между Россией и Турцией, заключенном 12 декабря 1727 года²⁹. Опять-таки без участия уцмия через 8 лет, в 1735 г., генерал Левашов «взял присягу от кадия (акушинского. — Б.А., А.М.) лезгинских народов», как писал академик Бутков, «зависящих от шамхала, или бывших некогда в его власти: Салатов, Аккуша, Мига, Цудахари, Микяга, Ошуша, известных под общим именем Аккушинцев, а по крепости их мест, Дарга. Они же и тавлинцы»³⁰.

Из всего сказанного выше видно, что Гербер поднял много вопросов социально-экономического и политического положения Акуша-Дарго в первой трети XVIII века. Он коснулся буквально всех основных вопросов, характеризующих Акуша-Дарго как одну из известных и значимых политических структур Дагестана. Хотя сведения, содержащиеся в «Описании...» Гербера, кратки и в ряде случаев неточны, значимость их большая, так как они являются наиболее ранними сведениями, по которым можно составить более или менее полную картину социально-экономического и политического положения одной из наиболее известных и значимых по своему политическому весу федераций союзов сельских общин Дагестана Акуша-Дарго.

Многие вопросы, поднятые Гербером, находят подтверждение в трудах авторов, писавших об Акуша-Дарго в последующие периоды. Поэтому сведения Гербера являются важнейшим источником по истории Акуша-Дарго конца XVII — первой трети XVIII века. Это тем более значимо, что письменных источников по истории этого периода мало, а по многим вопросам они вообще отсутствуют. Сведения Гербера об Акуша-Дарго не может обойти ни один исследователь, занимающийся не только изучением истории даргинцев, но и истории народов Дагестана в целом, так как федерация Акуша-Дарго, являясь наиболее крупным и влиятельным объединением союзов сельских общин Дагестана, играла и в начале XVIII в., и в последующие периоды важную роль в политической жизни Страны гор.

Сведения, содержащиеся в работе Гербера, дают возможность в какой-то мере показать место Акуша-Дарго в политической структуре Дагестана конца XVII — 30-х гг. XVIII века.

Примечания

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках поддержанного проекта № 16-31-01067/17-ОГОН «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI — первая половина XIX в.».

1. Итоги всероссийской переписи населения в 2010 г. в 11 томах. Т. 4. Кн. 3. М. 2012, с. 2009.
2. ГЕРБЕР И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. (ИГЭД). М. 1958, с. 101.

3. Там же.
4. ГИЛЬДЕНШТЕДТ И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб. 1809, с. 130.
5. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. 1869, с. 128.
6. ДРЕНЯКИН И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. ИГЭД, с. 157.
7. ГЕРБЕР И.-Г. Ук. соч., с. 101.
8. Там же.
9. KLAPROTH J. Beschreibung der Russischen Provinzen dem Kaspischen und Scharzen Meeze. Berlin. 1814, p. 16.
10. Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Арх. матер. М. 1965, с. 208.
11. ГЕРБЕР И.-Г. Ук. соч., с. 101.
12. ЕРМОЛОВ А.П. Записки с приложениями (1816—1827). Ч. 2. М. 1869, с. 101.
13. ГЕРБЕР И.-Г. Ук. соч., с. 101.
14. ЕГО ЖЕ. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и их состоянии в 1728 г. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль-октябрь 1760 г., т. 17, с. 111.
15. Там же.
16. KLAPROTH J. Beschreibung der Russischen Provinzen dem Kaspischen und Scharzen Meeze. Berlin. 1814, p. 17.
17. ГЕРБЕР И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, с. 101.
18. РЖЕВУСКАЯ А. 1845 год на Кавказе. В кн.: Кавказский сборник. Т. 6. Тифлис. 1882, с. 260.
19. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. Махачкала. 1992, с. 274.
20. Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. СПб. 1805, с. 25.
21. БУТКОВ П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. ИГЭД, с. 210.
22. АХВЕРДОВ А.И. Описание Дагестана. 1804 г. Там же, с. 213—229.
23. Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М. 1965, с. 14.
24. ГЕРБЕР И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, с. 101.
25. Там же, с. 101—102.
26. Там же, с. 101.
27. Путеводитель по Дагестану. Составлен для проезда Государя императора от гор Петровска через Гуниб до границы Терской области в 1871 г. Тифлис. 1871, с. 27; НЕВЕРОВСКИЙ А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов в Закавказье. СПб. 1848, с. 16—18.
28. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 годы. Новые ежемесячные сочинения. СПб. 1796 г., месяц август, ч. 52, с. 74.
29. НЕВЕРОВСКИЙ А.А. Ук. соч., с. 21.
30. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. 1869, с. 128.

Приказ Большого дворца в Российском государстве в XVII в.

Л.Ю. Варенцова

Аннотация. Особое место в системе центральных органов власти в России XVII в. имела группа дворцовых приказов, ведавших обслуживанием царского хозяйства и двора. Приказ Большого дворца контролировал социально-экономическое и политическое развитие царского домена на территории всего Российского государства. Вопреки особой значимости этого приказа нет специальных работ, посвященных его истории. Цель данной публикации — рассмотреть деятельность этого приказа в системе центральных органов власти России XVII века.

Ключевые слова: приказ Большого дворца, дворцовые вотчины, дворцовое царское хозяйство.

Abstract. The group of court orders, directing the maintenance of the Royal household and court occupied a special place in the system of central authorities of the seventeenth century. The order of the Grand Palace controlled the socio-economic and political development of the Royal domain in the territory of the Russian state. Despite the special significance of this order there are no special works devoted to its history. The purpose of this publication is to review the activities of the order in the system of the central authorities of Russia of the XVII century.

Key words: the order of Great Palace, the Palace estate, the Palace Royal family.

Первоначально приказы (Казенный и Конюшенный, Большой дворец), кроме управления хозяйством великого князя, выполняли ряд государственных функций (вопросы раздачи земли светским и духовным феодалам, суд по земельным спорам, сбор налогов) ¹. Большой дворец был учрежден в одно время с другими московскими приказами и просуществовал со времен деятельности великого князя Ивана III до преобразований Петра Великого ². Он возник как ведомство, управлявшее дворцовыми вотчинами, постепенно выделявшимися из состава великокняжеских общегосударственных владений. В его ведении находились дворцовые города и слободы, починки, волости, села, деревни ³. Как приказ, он оформился в начале XVI в.; в

Варенцова Лариса Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент Нижегородской академии МВД России. E-mail: l_varentsova.65@mail.ru.

Varentsova Larisa Yu. — candidate of historical sciences, associate professor of the Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: l_varentsova.65@mail.ru.

1501 г. упомянут как «Дворцовая изба», в 1527 г. как «Большой дворец»⁴. Относился к группе приказов, обслуживавших дворцовое царское хозяйство наряду с Постельничим, Ловчим, Сокольничим и др. В записных книгах Большой дворец упоминается с 1627 по 1709 годы⁵.

В XVII в. в данном приказе сосредотачивалось все управление обширным дворцовым хозяйством в Москве и по всему государству⁶. Приказ Большого дворца ведал снабжением царского двора всем необходимым⁷, пополнением его казны⁸. «Ведомы были в оном приказе покупка товаров, заготовление всяких, про дворец, столовых припасов, соляные раздачи, гранатные и счетные дела, также все дворцовые в государстве доходы»⁹. Ж. Маржерет отмечал, что «императорские имущества состоят большею частью в жизненных припасах, именно в хлебе, водке, меде, дичи, мясе, птице, фруктах и всем прочем»¹⁰.

Довольно подробное описание состава и действий приказа Большого дворца дал современник царя Алексея Михайловича, подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин, покинувший Россию в 1664 г., по заказу шведских властей написавший труд «О России в царствование Алексея Михайловича». В своей книге об экономическом и политическом развитии Российского государства он отмечал, что в приказе Большого дворца «сидит боярин и дворецкой, да околничей, да думной человек, да два или три диака, и тот боярин честию бывает другой человек, под конюшим первой, а когда дворецкого не бывает, и тогда ведаёт околничей...»¹¹ В Большом дворце главным судьей являлся дворецкий, «а под ним судьи подчиненные, коих он себе выбирал»¹². В 1599—1600 гг. в списке судей значились боярин С.В. Годунов и дьяк Т. Осипов. К работе в приказе привлекались известные государственные деятели XVII в.: в 1633—1654 гг. — боярин В.В. Бутурлин и окольничий Б.М. Хитрово, в 1655—1656 гг. — окольничий Ф.М. Ртищев, в 1698—1699 гг. — боярин Т.Н. Стрешнев¹³.

Руководство приказом было коллегиальным. Возглавляли приказ назначаемые царем «судьи» из числа членов Боярской думы «с товарищи». В приказе находилась канцелярия из приказных дьяков и подьячих, заведовавших определенными вопросами, относившимися к ведомству приказа («столы» и «повытья»). Имелся значительный штат обслуживающего персонала (приставы, сторожа, и т.д.).

Для людей, которые трудились в дворцовых учреждениях, и людей, населявших царские вотчины, этот приказ был высшим административным, судебным и финансовым органом. Сюда поступали натуральные и денежные оброки, таможенные пошлины, кабацкая прибыль, откупа¹⁴. По мнению Маржерета, с домениальных владений взимались налоги, как с городов, так и с крестьян по типу тальи¹⁵ (фр. *Taille*, англ. *Tallage* — земельный налог в средневековых Англии и Франции. — Л.В.).

Приказ контролировал поставки сельскохозяйственной продукции на нужды двора, строительство и ремонт дворцов и усадеб. Все доходы направлялись на содержание царской семьи и двора. Приказную казну пополняли тягло и подати с дворцовых посадских людей, кабаков, таможен, с вод, мельниц, ежегодные откупа и «верный сбор» с рыбных ловель, с других оброчных статей¹⁶. Из дворцовых сел и волостей приходили подати хлебом, деньгами, сеном, в том числе сборы за ловлю рыбы, бобровые гоны, бортные ухозя, сенные поко-

сы на царских землях, откупа деньгами с разного вида угодий, с перевозов и мостовщины. Ежегодно это давало доход в 120 тыс. рублей¹⁷. Это была достаточно крупная сумма, составлявшая примерно $\frac{1}{10}$ часть всего бюджета Российского государства (1 220 367 руб.) второй половины XVII века¹⁸. Собранные деньги направлялись на различные дворцовые расходы¹⁹. Царь использовал полученные суммы на церковные строения, тюрьмы, богадельни, покупку дворцовых земель.

В этом приказе производились все дела по царским имениям, делались распоряжения по дворцовой службе²⁰, собирали печатные пошлины с грамот и иных дел, которые посылались по челобитью всяких чинов в города, дворцовые села и волости. Пошлинных денег ежегодно поступало около 2 тыс. рублей. По сведениям Котошихина, на печати Большого дворца был изображен «инорог»²¹.

В непосредственном подчинении у приказа Большого дворца находились дворы: Хлебный, Кормовой, Житенный, Сытенный, отвечавшие за продовольствие для царского дворца²². «В оных дворцах была всякая дворцовая надлежность»²³. Хлебный и Житенный дворы находились между собой в постоянном взаимодействии. Последний принимал и хранил хлеб, поступающий из царских сел, понизовых городов, с государевых полей. При Житенном дворе находилось 300 житниц, откуда брали на Хлебный двор рожь и пшеницу. Хлебные запасы предназначались не только во дворец, их раздавали в качестве жалования духовенству, стрельцам, людям иных чинов²⁴. Зерно, отпущенное с Житного двора, отдавали молотить на царские мельницы в Москве и в селах. На Хлебном дворе, кроме выпечки хлеба и калачей, приготовлялись кушанья для царского стола: мясные блюда — в воскресенье, вторник, четверг и субботу, нескоромные — в остальные дни недели и в посты. Кормовой двор заведовал приготовлением блюд как для царского стола, так и в раздачу боярам и ближним людям, послам иностранных держав, иноземным монархам, другим именитым иностранным гостям, толмачам из Посольского приказа²⁵. По мнению С.М. Соловьёва, на государев стол и так называемые «подачи» ежедневно доставлялось до 3 тыс. блюд. Только рыбных припасов каждый год с Кормового дворца поставлялось на сумму в 100 тыс. рублей²⁶. На Кормовой дворец в больших количествах поступали продукты питания: соленые огурцы в ведрах, свиные туши, мясо гусей, уток, ветчина, окорока, вяленая рыба. Из прудов привозили стерлядей, щук, судаков²⁷. Сюда же из разных уездов везли тару, элементы конской упряжи, рогожные кули, лыко, вожжи, хомуты, санные и тележные оглобли, дуги, а также дрова и сено²⁸. Кормовой дворец выполнял функции складирования продовольствия и приготовления²⁹ блюд для царской семьи и по заказам государя для российских и иностранных политических и общественных деятелей.

В Фонде 396 РГАДА «Оружейная палата» сохранилась «Память о пожаловании Кормового дворца стряпчего П. Мошкова». В ней говорится, что в 1665 г. за службу и радение он получал от царя Алексея Михайловича сукно с названием «кармазин»³⁰. Стряпчие Хлебного дворца жаловались вотчинными владениями. Например, в документах Печатного приказа за 1613—1615 гг. имеется упоминание о стряпчем К. Лихачёве, получившем за службу вотчину в Переяславле³¹. Эти факты свидетельствуют о том, что за успехи на государевой службе

стряпчие Кормового дворца имели щедрые награды от царя в виде вотчин и ценных подарков.

Сытенный двор ведал снабжением царского дворца продовольствием: вином, медом, пивом, поставлявшимся к царскому столу и на раздачу разного чина людям в знак особой царской милости³². Они отпускались для приема в Москве послов с многочисленными свитами, а также для пожалований русских людей, которые производились от имени великого государя. Из 30 погребов Сытенного двора ежедневно раздавалось по 100 ведер вина и пива, по 400—500 ведер различных медов³³. Здесь велись «Книги записные расходные выдачи лимонов и напитков с Сытного дворца на царский обиход»³⁴. Такая книга за 1692 г. имеется в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. По ней отпускались с веденя царя столовые кушанья, различных видов напитки, в том числе «водка боярская», «вино церковное», «брага», «приказное и малиновое пиво». Таким образом, эти четыре двора находились в непосредственной зависимости от приказа Большого дворца, который заведовал всем придворным хозяйством, частным царским бытом и службой, с ним соединенной.

В приказе Большого дворца существовали столы для делопроизводства. Отписки о сборе денежных доходов в городах, находившихся в ведении данного приказа, посылались из денежного стола, о столовых запасах — из приказного, о десятинном, посопном, выдельном и отсыпном хлебе — из хлебного стола, о стрелецком хлебе — из стола «сбору стрелецкого хлеба»³⁵.

Во второй половине XVII в. приказ Большого дворца неоднократно подвергался трансформации: частично изменялись его функции, сфера деятельности, усиливались контакты с другими приказами. Около 1664 г. из состава приказа Большого дворца выделился подчиненный ему Судный дворцовый приказ. С 1663 по 1676 г. часть дворцовых сел и волостей перешла в ведение приказа Тайных дел, но после кончины царя Алексея Михайловича все вернулось к прежнему порядку³⁶. В приказе ведались почти все монастырские и многие церковные земли до появления Монастырского приказа в 1649 году³⁷. В 1677—1701 гг. Большому дворцу вновь было поручено ведать архиерейскими и монастырскими вотчинами³⁸. 8 ноября 1679 г. в приказ Большого дворца были переданы дела из Хлебного приказа, а также присланы подьячие. Среди приказов, курировавших домениальные владения в Российском государстве XVII в., Большой дворец отличался особой стабильностью.

Подчиненные приказу Большого дворца приказные избы управляли всеми дворцовыми вотчинами, их населением в уезде, отдельными промыслами. В городах и уездах воеводы и приказчики непосредственно несли ответственность перед Большим дворцом. Разбросанные по всему государству царские владения — города с уездами, слободы, волости — управлялись во всех отношениях приказом Большого дворца³⁹. В конце XVI в. в данный приказ поступали доходы от 36 российских городов⁴⁰. В последней четверти XVII в. в его ведении находились Балахна, Белоозеро, Вага, Дмитров, Кинешма, Молога, Олонец, Перемышль, Плёс, Романов, Рыбная Слобода, Скопин, Соль Большая и Соль Малая, Углич, Юрьевец По-

волжский. По мнению Котошихина, приказом контролировались более 40 городов ⁴¹.

Ему же принадлежали Барашская, Басманная, Гончарная, Котельная, Красносельская, Напрудная, Огородная, Садовая, Таганная слободы в Москве, населенные ремесленниками, которые, кроме уплаты податей, имели обязанность производить всякого рода работы и поделки для нужд дворцового хозяйства ⁴². В приказ собирались подати с посадских людей, таможен, откупов, с различных угодий ⁴³.

Под надзором воевод и дворцовых приказчиков осуществлялась обработка дворцовых земель. Результаты посева, за вычетом той части, которая нужна была для местных расходов, присылались в натуральном виде на Житный двор Большого дворца. Иногда дворцовая земля отдавалась в краткосрочную или долгосрочную аренду крестьянам или посадским людям в городах. Хлебные запасы с дворцовых сел и понизовых дворцовых городов поступали на Житный двор, рыбные и другие запасы — на Кормовой двор, ягоды, мед — на Сытный двор, дрова — на Хлебный двор Большого дворца. Эти натуральные сборы иногда заменялись денежными платежами. А. Лаппо-Данилевский в монографии «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» привел пример достаточно большого перечня платежей в приказ Большого дворца для крестьян села Дунилова и Мадрасской волости, которые платили деньги за посопный хлеб и молотьбу, за сенную косьбу и возку, за «приказчиков доход», за ягоды, орехи, столовые запасы, за изделие, «постильное дело», за «свежее свиное полтевое мясо» ⁴⁴.

В «Доимочной книге приказа Большого дворца оброчным деньгам и разным запасам с разного чина людей в Москве и в других городах за 1701 г.» отмечалось, что дворцовому населению предстояло платить деньги «с живущих вытей и с оброчных угодей, и ямских, и полоняничных, и на молотьбу Богородицкого хлеба, и за столовые запасы, и за гороховское винное куренье, и за оброчное вино, и на житничную поделку, и за проданную рыбу, и рыбных припасов деньгами ж, и столовых запасов, и рыбы живой, и свежей рыбы, и икры сигаевой бочечной, и на покупку конских кормов денег, и дров, и сала, и хлебных запасов» ⁴⁵. На протяжении XVII в. прослеживалась тенденция роста денежных выплат с дворцовых посадских людей. К началу XVIII в. спектр податей и обязанностей населения царского домена был огромен. Приказ Большого дворца предпочитал за все им указанные статьи повинностей брать в денежном эквиваленте.

В приказ поступали и денежные оброки, взимаемые с дворцовых крестьян. Кроме этих сборов приказ Большого дворца заведовал отправлением личных повинностей крестьян, имевших государственный характер. Так, например, иногда сюда являлись даточные люди ⁴⁶.

В приказ Большого дворца поступали и прямые налоги, взимаемые с дворцовых сел и городов (данные и оброчные деньги). Существовали и важнейшие виды специальных налогов (стрелецкие, ямские, полоняничные, пятинные деньги, деньги ратным людям на жалование).

Деятельность приказа Большого дворца была направлена на обслуживание дворцового хозяйства. Служители приказа вели учет тяглого населения. Они направлялись писцами в домениальные села и

волости России: Домодедовскую волость близ Москвы, Калужский и Козельский, Тверской и Казанский, Переяславский и Юрьевецкий, Верейский и Ростовский уезды, в Водскую, Обонежскую и Деревскую пятины в Новгородском крае.

Приказом осуществлялась перепись, межевание, сыск беглых крестьян в дворцовых вотчинах. В 1680 г. по указу царя Фёдора Алексеевича из приказа Большого дворца в государевы села Порецкое и Семёновское Алатырского уезда был направлен писец З. Красиков. «А по наказу велено ему в тех селех и в деревнях крестьянские и бобыльские, и мордовские дворы, и во дворех людей и пашню, и санные покосы, и леса, всякие угоды описать и измерить, и от патриарших, и от властелинских, и монастырских, и бояр, и окольных, и думных дворян, и всяких чинов людей от поместных и вотчинных земель отмежевать». Писцам поручалось беглых крестьян и бобылей «сыскивать, вывозить и селить в тех ж дворцовых волостях и селех, и в деревнях, откуда кто бежал»⁴⁷.

Делопроизводственную работу в приказе выполняли подьячие. Многие из них подолгу служили в приказе Большого дворца. Например, подьячий П. Аверкиев прослужил 17 лет⁴⁸. Требовалось около 10 лет службы для перевода с должности подьячего в дьяки. За особые успехи дворцовых дьяков переводили в думные дьяки приказа Большого дворца.

Дьяки и подьячие приказа Большого дворца выполняли ответственные поручения государственного уровня как в масштабах страны, так и за ее пределами. В 1669—1670 гг. А. Ерофеев и А. Огибалов переписывали вотчину боярина Б.И. Морозова в селе Покровское Нижегородского уезда⁴⁹. В 1687 г. подьячий С. Аврамов и дьяк В. Постников выполняли дипломатическую миссию. Они были направлены в Пруссию, Англию, Голландию, Флоренцию. В 1696 г. дьяк Н.К. Климентьев участвовал в Азовском походе Петра Великого, находясь «у дворцовых запасов»⁵⁰.

Дьяки приказа Большого дворца вели делопроизводство, «вершили» дела, за это верстались достаточно высокими земельными и денежными окладами. 5 февраля 1661 г., с повеления царя Алексея Михайловича, дьяку М. Алмазову был определен годовой оклад — 700 четей земли (четь — мера земли, равная 0,5 десятины, приблизительно 0,5 га), то есть всего около 350 га⁵¹ и деньгами 80 рублей⁵². Земельные оклады дьяков приравнивались к пожалованиям служилых дворян, детей боярских, но были значительно меньше, чем у думных дворян, бояр и окольных. Денежный оклад дьяка Большого приказа был в 5—20 раз больше, чем у служилых дворян и детей боярских, но в 2—3 раза меньше, чем у думных дворян, в 3—5 раз ниже, чем у окольных, и в 6—15 раз меньше, чем у бояр.

Государево жалование «справного» подьячего составляло 200 четей земли и 22 руб. в год⁵³. Такой земельный оклад могли иметь служилые дворяне и дети боярские, но годовые денежные оклады этих социальных категорий были значительно ниже. Некоторые подьячие приказа Большого дворца имели 1—2 двора в Москве. Немногие из них обладали статусом «справный» подьячий (путный, зажиточный⁵⁴), то есть добившийся успехов на службе, имевший дворы в Москве, вотчины в других городах. В 1683 г. годовое денежное жало-

вание старшего подьячего приказа Большого дворца Я. Яковлева составляло 25 руб., а его поместный оклад — 300 четей⁵⁵. Следовательно, служители основного дворцового приказа Российского государства достаточно щедро награждались царем за выполнение своих должностных обязанностей.

Неслучайно в составе приказной администрации можно увидеть представителей политической элиты России. 25 декабря 1697 г. Пётр I указал ведать приказом Большого дворца известному политическому деятелю боярину Т.Н. Стрешневу и думному дьяку Г.Ф. Деревнину⁵⁶.

К концу XVII в. значительно увеличились размеры домениальных владений. Это требовало расширения состава приказных служителей Большого дворца. В 1701 г. в данном приказе насчитывалось 40 старших, 51 подьячий средней статьи и молодой подьячий. Старшим подьячим выплачивалось денежное жалование в размере от 5 до 40 руб., а годовой хлебный оклад из этой категории приказных служителей назначался не всем, его получали всего 12 человек. Подьячим средней статьи и молодым подьячим хлебного жалованья не выплачивалось вообще, а их денежный оклад не мог превышать 22 рублей⁵⁷.

В первой четверти XVIII в. приказ Большого дворца подвергся реформированию: в 1721 г. он был слит с Конюшенным приказом и другими дворцовыми учреждениями в единое ведомство, подчиненное Камер-коллегии, а в 1724 г. преобразованное в дворцовую канцелярию, его автономное делопроизводство сохранялось до 1728 года.

В зависимости от приказа Большого дворца находились другие, второстепенные, приказы, преследовавшие цели управления дворцовыми владениями и царским хозяйством. Таким образом, приказ Большого дворца — важнейшая структура в системе центрального управления царским доменом. Внушительными были географические форматы его деятельности. Сложной являлась структура приказа. В его ведении, в отличие от других дворцовых приказов, были Хлебный, Кормовой, Житенный, Сытенный дворы, которые обеспечивали царскую семью необходимым продовольствием. На протяжении XVII в. происходила эволюция приказа — штаты приказной администрации увеличились до нескольких десятков человек. Для работы в приказе привлекались известные политические деятели Российского государства: Б.М. Хитрово, В.В. Бутурлин, Ф.М. Ртищев, Т.Н. Стрешнев. Дьяки и подьячие приказа имели высокое годовое денежное и земельное жалование, некоторым назначались дополнительно хлебные оклады. Данное учреждение занимало ведущее место среди всех дворцовых приказов, на протяжении XVII в. его деятельность отличалась стабильностью, прибыльностью и масштабностью.

Примечания

1. Приказы. Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия. Т. 2. М. 2003, с. 201.
2. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению издаваемые II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярией. Т. 1 (1612—1628 гг.). СПб. 1850, с. XIII.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1239, оп. 2, д. 1946, л. 3.

4. ЭСКИН Ю.М. Большого дворца приказ. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Энциклопедия. Т. 1. М. 2008, с. 269.
5. Московские старинные приказы. Древняя российская вивлиофика (ДРВ), содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Н. Новиковым, членом Вольного Российского Собрания, при императорском Московском университете. М. 1791, ч. XX, с. 284.
6. БУГАНОВ В.И. Мир истории. Россия в XVII столетии. М. 1989, с. 104.
7. ЕГО ЖЕ. Дворцовые разряды первой половины XVII в. — Археографический ежегодник за 1975 г. М. 1976, с. 252.
8. ЕРОШКИН Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1983, с. 40.
9. Московские старинные приказы. ДРВ, ч. XX, с. 284.
10. МАРЖЕРЕТ Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии. Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986, с. 245.
11. КОТОШИХИН Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М. 2000, с. 110—111.
12. Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России. ДРВ, ч. XX, с. 140.
13. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII вв. М. 2006, с. 40, 42, 45.
14. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 215.
15. МАРЖЕРЕТ Ж. Ук. соч., с. 245.
16. ЗАГОСКИН Н.П. История права Московского государства. Т. 1. Казань. 1871, с. 181.
17. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 111.
18. Россия. Энциклопедический словарь. Л. 1991, с. 186.
19. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Т. 13—14. Кн. 7. М. 1962, с. 75.
20. БЕЛЯЕВ И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М. 1888, с. 399.
21. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 111.
22. УСТЮГОВ Н.В. Центральное управление. Приказы. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М. 1955, с. 376.
23. РГАДА, ф. 1239, оп. 2, л. 1946, л. 2об.
24. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 76.
25. Переписная книга документам приказа Тайных дел 1676 г. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 21. Кн. 1. СПб. 1907, с. 154.
26. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 76.
27. РГАДА, ф. 1239, оп. 2, л. 1322, л. 14—16; д. 1799, л. 55.
28. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 76.
29. РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 8, д. 280, л. 1.
30. Там же.
31. Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.). М. 1994, с. 333.
32. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 215.
33. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 75.
34. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ), ф. 440, оп. 1, д. 368.
35. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб. 1890, с. 445.
36. УСТЮГОВ Н.В. Ук. соч., с. 376.
37. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. Ук. соч., с. 448.
38. ЭСКИН Ю.М. Ук. соч., с. 269.
39. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Приказной строй управления Московского государства. Киев. 1912, с. 27.
40. ЗАГОСКИН Н.П. Ук. соч., с. 181.
41. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 111.
42. ЭСКИН Ю.М. Ук. соч., с. 269.

43. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 75.
44. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. Ук. соч., с. 446.
45. Приказ Большого дворца. Приходные и расходные книги. В кн.: ВИКТОРОВ А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613—1725 гг. М. 1883, с. 545.
46. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. Ук. соч., с. 446.
47. № 74. 1680 г., августа 13. Указная память из Большого дворца в Новгородскую четверть о посылке в Арзамасский уезд воеводе С. Ловчикову послушной грамоты в связи с назначением писца З. Красикова в алаторские дворцовые села и ясачные деревни. Акты писцового дела 60—80-х гг. XVII в. М. 1990, с. 285—286.
48. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М. 1975, с. 8.
49. Там же, с. 176.
50. Там же, с. 10, 237.
51. КАМЕНЦЕВА Е.И., УСТЮГОВ Н.В. Русская метрология. М. 1975, с. 79—80.
52. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв..., с. 19.
53. Там же, с. 34.
54. ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 11. М. 2003, с. 250.
55. ДЕМИДОВА Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700). Биографический справочник. М. 2011, с. 651.
56. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв..., с. 148—149.
57. Приказ Большого дворца. Приходные и расходные книги. ВИКТОРОВ А.Е. Ук. соч., с. 549.

Суфийские шейхи Азербайджана XI—XIII вв.

Н.А. Алиева

Аннотация. В работе приводятся сведения арабоязычных авторов средних веков Ибн Макулы, ас-Самани, Ибн Ногты, ас-Сияфи и др. о суфийских шейхах Азербайджана. Показано, что в ряде городов Азербайджана, являвшихся также духовными центрами Халифата, функционировали научные собрания, на которых шейхи из других регионов обсуждали различные вопросы вероучения и науки, обменивались мнениями со своими коллегами. Шейхи пользовались особым авторитетом среди знатных духовных лиц. Среди них особенно отмечались лица, знавшие наизусть Коран и большое количество хадисов.

Ключевые слова: Халифат, средние века, Азербайджан, источники, религиозная жизнь.

Abstract. This work provides an information of Middle Ages Arabic language authors like Ibn Makula, as-Samani, ibn Nogta, as-Silafi and etc. about Sufi sheikhs of Azerbaijan. Here has given, that in some cities of Azerbaijan, which are also spiritual centers of Caliphate, were functioning scientist assembly, where sheikhs from other regions, visiting Azerbaijan, were discussing different issues of creed and science, exchanging of minds with their colleagues. Sheikhs had a special authority among notable clerics. The persons, who know Koran and many hadises with references by heart, especially noticed among them.

Key words: Caliphate, middle ages, Azerbaijan, resources, religion life.

В последние годы азербайджанские исследователи стали уделять больше внимания комплексному изучению истории культуры. Имеются некоторые сдвиги в деле перевода и издания отдельных письменных памятников средневековья. В некотором роде это можно считать научным событием, потому что каждый новый источник является серьезной основой для будущих научных разработок. Как известно, в средние века Азербайджан входил в состав обширного Халифата. Самой главной, широко распространенной основой арабо-мусульманского общества была религиозная жизнь. Поэтому, говоря о развитии идейной и культурной жизни мусульманского мира в средние века, надо, в первую очередь, проследить процессы, протекавшие в этой

Алиева Наргиз Агасалим кызы — доктор исторических наук, зам. директора по научной части Национального музея истории Азербайджана. Баку. E-mail: nargiz.aliyeva.52@mail.ru.

Aliyeva Nargiz A. — doctor of historical sciences, deputy director of National Museum of History of Azerbaijan. Baku. E-mail: nargiz.aliyeva.52@mail.ru.

сфере жизни ¹. К сожалению до наших дней дошли лишь названия многих источников по истории Азербайджана того времени, в которых повествуется о видных деятелях стран, входивших в состав Халифата, и, в том числе, об азербайджанцах, сыгравших особую роль в культурной жизни страны. В этих сочинениях приводятся также сведения о суфийских шейхах.

Суфизм (от араб. суф — шерсть, «суфий» — «носящий шерстяную одежду», какую надевали аскеты, бедные люди) или тасаввуф, зародившийся в VIII в. в Ираке и Сирии как религиозное течение в исламе, оказывал большое влияние на духовно-нравственную жизнь Магриба и Испании в IX в., Ирана, Азербайджана и Центральной Азии в IX—X вв., а также Индии, Малакки и Суматры в XIII—XV веках. В Институте рукописей Национальной Академии наук Азербайджана хранится множество произведений религиозного содержания мусульманских авторов. Большое число сочинений суфийских шейхов, посвященных различным вопросам исламского вероучения, были сожжены в советское время, однако некоторая их часть дошла до наших дней. Эти труды еще раз свидетельствуют о том, что суфизм был довольно влиятельным и серьезным религиозным течением на протяжении многих веков и, особенно, в средневековом Азербайджане. Среди этих рукописей преобладают сообщения о разных суфийских тарикатах (от араб. «тарикат» — дорога, путь), то есть сообществах, сектах, которые, как представляется, были довольно распространены. Наличие произведений ученых суфиев еще раз подтверждает большую востребованность подобных сочинений, авторы которых по праву заслужили высокое уважение среди народа и, особенно, среди образованных мусульман. Тот факт, что такие рукописи, как «Адабу с-Суфийя» (В-2785), «Адабу с-Саликин» (В-3296), «Риссалатун фи-т-Тасаввуф» (А-827), автором которых был обладавший самобытным почерком Абдулкерим ибн Хавазин ибн Абдулмелик ал-Кушейри (ум. в 373/983 г.), были сохранены и переданы в Институт рукописей, еще раз свидетельствует о том, что люди, соприкасавшиеся с этим суфийским шейхом, а также его последователи жили и творили в Азербайджане. Рукописи произведений видного суфия Абуль-Лейса ас-Самарганди (ум. 373/983) «Рисалатун фи-з-Зикр» и «Танбиху-л-Гафилин» также хранятся в фонде института. Здесь находится и произведение знаменитого суфия XI в. Мухаммеда ибн ал-Хусейна ас-Сулами (ум. в 412/1022 г.) «Равзату-л-Муридин». Наличие в Азербайджане многочисленных молелен, как утверждают источники, также является доказательством распространения суфизма в этом регионе. Некоторые из них сохранились до наших дней: Пир Мардякан в современном селе Гекляр Шемахинского района, Пир-Хусейн на р. Пирсаатчай (XII—XIII вв.), Гыз галасы (Девичья крепость) в Исмаиллинском районе (XII в.). В нижней части террасы Бяндованского мыса имеется также храм в виде небольшого кургана, названный «Пир Бяндован» ². Некоторые молельни (ханегяхи), которые упоминаются в арабской литературе, не сохранились. Об одной из них, располагавшейся на территории Нахичевана, содержатся сведения в произведении неизвестного автора XIII в. «Аджаиб ад-Дунья» ³ и в «Талхис ал-асар» Абдаррашида ал-Бакуви ⁴. О ханегяхе суфиев в Мараге упоминается в тексте Закарии ал-Газвини ⁵.

Между различными группами населения и даже между верующими, существовали противоречия. Так, в документах Масуда ибн Намдара, находившегося на службе у ширваншаха Фарибурза ибн Саллара (ок. 505/1111), вскрываются конфликты между интересами духовных лиц и национальных групп одного города с прилегающей областью. Это были группы правоверных мусульман, нечестивцев (возможно, имелись в виду исмаилиты), христиан и иудеев ⁶. Движения суфиев (тасаввуф), ашаритов, а также шиитов, появившиеся через два столетия после возникновения ислама, стали усиливаться в период правления Буидов (середина X—XI вв.).

Стоит отметить, что суфиями называют людей, стремящихся оставить материальный мир и приобрести духовную чистоту посредством постоянного поклонения Аллаху. Первоначально группы суфиев не особенно отличались друг от друга. Но в последующем, когда суфизм стал широко распространяться, суфии стали различаться своеобразным поведением и богослужением.

По мнению Е. Бертельса, движение суфизма развилось и распространилось на персидской почве ⁷. Первый суфийский шахид (араб. «мученик за веру») Мансур Халладж (ум. в 922 г.), за слова «Я есть истина» был обвинен в ереси и казнен. Существуют некоторые предположения о связях Мансура Халладжа с Азербайджаном. Дело в том, что, как указано в произведении Низамульмулька «Сиясетнаме» («Книга о правлении») (XI в.), в Азербайджане и Табаристане распространился карматизм. Приняв это во внимание, Б.Н. Заходер, опираясь на «Фихрист» Ибн ан Надима, пишет, что первым наместником Рея, Азербайджана и Табаристана был Кардах, основатель движения карматидов под именем Абдулла ибн Маймун, носивший прозвище Халладж ал-Гутн. Заходер считает, что этим лицом являлся сам нечестивец Мансур Халладж, казненный в 921 г. в Багдаде ⁸.

Завоевавший по прибытии в Египет большой почет и уважение, великий исфаханский шейх ас-Силафи (478/1085—576/1180) во время путешествия в Ширван встречался с местным проповедником Абулхасаном Али ибн Ахмедом Али ал-Муфаддидом и сообщил в своем произведении «Муджам ас-Сафар» о том, что собрал сведения о ширванском проповеднике ал-Хусейне ибн Мансуре ал-Халладже. Еще во время пребывания в Багдаде ас-Силафи получил информацию об Абулхасане. Ас-Силафи далее пишет: «... затем во время встречи с ним в Ширване узнал от него об этих “Ахбар” (“Новостях”)». Об этом упомянуто в некоторых наших тафсирах» ⁹. Тот факт, что ширванский ученый, прибывший из Азербайджана в Багдад, сообщал о Халладже ас-Силафи и во время встречи в Ширване с местным проповедником спрашивал об этом, дает основание считать, что сведения об аль-Хусейне ибн Мансуре ал-Халладже крайне заинтересовали багдадских ученых и влиятельного шейха ас-Силафи. Хотя нельзя полностью согласиться с мнением Заходера о том, что «Халладж аль-Гутн и есть Халладж Мансур», можно говорить о связи ал-Хусейна ибн Мансура ал-Халладжа с Азербайджаном. Образ Халладжа и в последующие века имел широкую популярность в Ширване, в частности, в XIV в. он занимал особенное место в творчестве великого азербайджанского поэта Насими, для которого Халладж являлся символом смелости, приверженности своим убеждениям ¹⁰.

Хотя в X в. были написаны отдельные строки, рубаи и стихи, пропитанные суфизмом, первый полный солидный труд, отражавший все разнообразие учения, появился лишь в XI веке. Его автором был ученый, путешественник и поэт по прозвищу Баба Кухи. Путешествие, предпринятое им с целью сбора хадисов, привело его в Нишапур. Школу суфиев разных течений, возникшую здесь в начале XI в., возглавлял знаменитый шейх Абу Саид Абу-л-Хейр ал-Мейхани (ум. в 440/1048—1049)¹¹. Можно сказать, что все знаменитые суфии того времени в той или иной степени были связаны с этой школой. Произведение этого шейха о тасаввуфе стало руководством для азербайджанских суфиев. Его книга «Китаб-ат-тасаввуф» хранится в Институте рукописей Азербайджана под номером В-612.

Шейх Абу Тахир ас-Силафи, посетивший многие города Халифата и, в том числе, Азербайджана, отмечал, что был близок со своим ровесником Абул-Гасимом ал-Мейхани, внуком Абу Саида ал-Мейхани. Они встречались в Багдаде и даже вместе отправлялись в хадж к святым местам. Ас-Силафи писал: «Абул-Гасим слушал мою декламацию в Мекке, Куфе, Багдаде, Гяндже и во многих городах Азербайджана». Как видно, в ряде городов Азербайджана, являвшихся также духовными центрами Халифата, функционировали научные собрания, на которых шейхи из других регионов обсуждали различные вопросы вероучения и науки, обменивались мнениями со своими коллегами. Среди ученых Арранского региона особенно выделялся кадий Тахир ал-Джанзи (гянджинец). Ас-Силафи указывал на большие успехи, достигнутые «одним из вельмож своего города» кадием Тахиром ал-Джанзи в науках фикха и адаба¹². Тахир ал-Джанзи дает сведения об Абульгасиме Али ибн Абдуррахмане ан-Нишапури и своем соотечественнике Абульфазле Шабане ибн Али ибн Мухаммеде ал-Бардаи. Абульфазл ал-Бардаи преподавал ему фикх. В X в. некоторые ученые, отправляясь в разные религиозные центры, оставались в тех местах и продолжали свою деятельность, а другие посвящали соотечественников в тайны наук на родине. Скорее всего, Абульфазл Шабан ибн Али был в числе таких ученых.

Средневековые авторы сообщают также об азербайджанках, связанных с суфизмом. Автор произведения «Нафахату-л-Унс» приводит сведения о суфии Фатиме¹³.

В средние века множество шейхов, приезжавших из разных областей Халифата в Азербайджан, селились в самых разных уголках этого благодатного края. Местные жители называли их «Баба» (здесь — старейшина) и считали места их проживания святыми очагами — пирами. Пыры Эфенди Бабы на территории Кубинского района Азербайджана — из этого числа. Звали Эфенди Бабу — Ибрагим Эфенди. Предки этого шейха были родом из Египта, но сам он родился и вырос в селении Галагах.

Однако следует заметить, что на территории Кубинского района отношение к суфиям не было однозначным, жители некоторых сел крайне отрицательно относились к ним. По народному поверью, Баба Мухаммед был дервишем и происходил из Шама (Сирия). Вначале он обосновался в селении Сухте Келе, расположенном в 18 км от районного центра Кубинского района. Местные жители отнеслись к нему негативно. Баба Мухаммед построил себе дом и начал жить на

месте, которое сегодня называется селение Текей шыхы. Слово Текей произошло от сочетания «тек ев» («одинокий дом»). Впоследствии, однако, положение изменилось, суфиев полюбили и даже сравнивали некоторых из них с Пророком, считая, что они были его современниками. Говорят, что могила в местечке Хазрет Баба на территории Кубинского района, является могилой одного суфия, которого также звали Хазрет Баба. По народному поверью, этот шейх якобы жил в одно время с пророком Мусой (Моисеем), что, конечно же, является вымыслом. Надо отметить, что на расстоянии одного километра от этой могилы расположена другая, которая, по народному поверью, является могилой матери этого шейха ¹⁴.

В Азербайджане, как и в других уголках Халифата, шейхи имели особый авторитет среди знатных духовных лиц (слово «шейх» означает «старик, старейшина»). Такие качества шейхов, как чувство достоинства, праведность, глубокие знания, вера в Аллаха, в первую очередь являлись показателем степени их авторитета. Среди них особенно отмечались лица, знавшие наизусть Коран и много хадисов со ссылками. Шейхи часто предпринимали длительные путешествия ради отшельничества и сбора хадисов. Ас-Самани, благодаря многочисленным путешествиям, смог достичь небывалых результатов. Историк Ибн-Асир указывает на то, что число встретившихся с ним шейхов доходило до 4 тысяч ¹⁵.

Произведение «Ал-Икмал» и сведения живших и творивших в то время арабоязычных авторов показывают, что автором, близко знакомым с азербайджанскими суфиями, являлся Ибн Макула. Ибн Макула посещал мечеть Гянджи, а также библиотеку, обменивался мнениями с хранителем этой библиотеки нахичеванцем Холададом ибн Асимом. Его сведения о нахичеванских ученых, в том числе о Худададе ибн Асиме, ценны в качестве источника. Великий ученый, биограф ас-Самани, среди шейхов Ибн Макула называет также нахичеванца Холадада ибн Асима. А это, наряду с религиозно-научными связями Ибн Макулы с азербайджанскими учеными, подтверждает также авторитет самого нахичеванского ученого. В произведении Ибн Макулы «Ал-Икмал» даются сведения о некоторых азербайджанских суфийских шейхах ¹⁶.

Ибн Макула сообщает своему читателю, что наряду с Гянджой, он посетил Ардебиль и Урмию. Повествуя в произведении «Ал-Икмал» об Ахмеде ал-Ардебиле ал-Кисеи и Ахмеде ал-Ладжаме, он сообщает о своем пребывании в Ардебиле и Арране ¹⁷.

Автор называет одним из великих суфиев Абу Абдуллу Мухаммеда ибн Ахмеда ибн Бакувейха аш-Ширази ал-Бакуви ¹⁸. Он пишет, что Абу Абдулла ал-Бакуви рассказывал хадисы от Али ибн Мухаммеда ал-Хадрами, а в 355 (965) г. в Ширазе рассказал хадис от Абу Йахья Бекра ибн Ахмеда ибн Али ибн Убейдуллы ибн Мухлида. Абу Абдулла ал-Бакуви слушал хадисы, рассказанные Абулгасаном Али ибн Мухаммедом ибн Шагравейхом ал-Фарвини и другими. Трактат Мухаммеда ал-Бакуви «Бидаят хал ал-Халладж ва ни-хаятух» («Начало и конец жизни Халладжа») вместе с переводом на французский язык в 1914 г. был издан в Париже. Один из экземпляров рукописи произведения «Хекаят ас-суфийя» хранится в Стамбуле, в библиотеке Айя-София ¹⁹.

Об этом шейхе упоминается также в книге Ибн Ногты: «Абу Абдулла Мухаммед ибн Абдулла ибн Ахмед ибн Бакувейх аш-Ширази рассказывал хадисы от Мухаммеда ибн Фурджанина и Абулгасана Али ибн Мухаммеда Садравейха ал-Харави и других. Ссылаясь на него, рассказывали хадисы хафизы Абу Исмаил Абдулла ибн Мухаммед ибн Али ал-Харави ал-Ансари и Ахмед ибн Али ибн Халаф аш-Ширази. Ал-Бакуви скончался в месяце зульгаде 428 г.х./1036 года»²⁰.

Люди, стремившиеся познать тайны суфизма, стекались со всех концов Халифата к великому суфию ал-Бакуви. Посещавшие его мухаддисы рассказывали хадисы со ссылками, которые изучали и сами, а также стремились обучаться хадисам у него, чтобы при повествовании в дальнейшем сослаться и на ал-Бакуви. Поэтому, при сравнении сведений Ибн Макулы, Ибн Ногты и ас-Самани об ал-Бакуви становится ясно, что они не повторяются, и каждый из них обладает дополнительными сведениями. А это еще раз подтверждает широкий круг общения и влияния ал-Бакуви.

Таким образом, сведения арабоязычных источников показывают, что суфийских шейхи играли большую роль в культурной жизни Азербайджана.

Примечания

1. ГАЗАЛИ. Трактат Газали «Воскрешение наук о вере». М. 1980, с. 22.
2. КВАЧИДЗЕ В. К итогам подводных археологических работ 1969 г. на Каспийском море. Материалы по истории Азербайджана. Баку. 1973, с. 32.
3. МИКЛУХО-МАКЛАЙ Н.Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Ученые записки Института востоковедения АН СССР. 1954, т. 9, с. 208.
4. АЛ-БАКУВИ АБУ АР-РАШИД. Китаб талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар. М. 1971, с. 9.
5. ЗАКАРИЯ КАЗВИНИ. Асару-билад ва ахбару-л-`ибад. Бейрут. 1960, с. 242.
6. АЛ-БАКУВИ АБУ АР-РАШИД. Ук. соч.
7. БЕРТЕЛЬС Е.Э. Очерки по истории персидской литературы. Л. 1928, с. 50.
8. ЗАХОДЕР Б.Н. История восточного средневековья. Халифат и Ближний Восток. М. 1944, с. 155.
9. ИБН САБУНИ. Китаб такмилат-ал-икмал. Ирак. 1957, с. 317.
10. КУЛИ-ЗАДЕ З. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. Баку. 1970, с. 69.
11. БЕРТЕЛЬС Е. Э. Очерк истории персидской литературы. Л. 1928, с. 54.
12. В сочинении адаба очерчен круг знаний, необходимых и достаточных для просвещения ума и сердца, для воспитания полезного члена иерархически организованного общества. См.: ХАЛИДОВ А.Б. Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М. 1982, с. 228. Адаб также — стиль поведения, предписанный нормами шариата, включающий в себя хорошие манеры, нормы приличия, порядочность, человечность.
13. ABDURRAHMAN CAMI. Nefahatü-l-Üns. Evliya menkıbeleri.Tercüme ve şerh: Lamii Çelebi. Marifet yayınları. İstanbul. 1998, s. 851.
14. ЧЕЛЕБИЗАДЕ АХМЕД ЭФЕНДИ. Губа-обычай и традиции. Баку. 2009.
15. Там же, с. 340—342.
16. АС-САМАНИ АБДУЛКЕРИМ. Китаб ал-Ансаб. Т. III. Бейрут. 1998, с. 27.
17. ИБН МАКУЛА. Ал-Икмал... Т. VI. Бейрут. 1990, с.151.
18. Там же, т. I, с.166.
19. МАМЕДОВ З. История философии Азербайджана. Баку. 1994, с. 64.
20. ИБН МАКУЛА. Ук. соч., т. I, с. 533.

Мужская одежда азербайджанцев в XIX — начале XX в.

П.Э. Исмаилзаде

Аннотация. Традиции в одежде долго сохранялись на территории Азербайджана благодаря большому разнообразию естественно-географических условий и исторически обусловленной неравномерности в развитии социально-экономической жизни и культуры. В силу этого обстоятельства изучение традиционной национальной одежды и разнообразных форм украшений имеет большое значение для анализа и понимания уровня материальной культуры народа, его быта и образа жизни. При этом следует учитывать, что национальная одежда формировалась в результате очень длительных и исторически сложных процессов.

Ключевые слова: этнографические зоны, традиции, одежда, культура, быт.

Abstract. Traditions of clothing have remained in the territory of Azerbaijan for a long time due to the large variety of natural-geographical conditions and due to the historically different development of the socio-economic life and culture. For this reason, the study of the traditional national dress and the various forms of jewelry used by them is of great importance for the analysis and understanding of the level of material culture of the people, their life and lifestyle. At the same time, it should be borne in mind that national clothes were formed as the result of very long and historically complex processes.

Key words: ethnographic zones, traditions, clothes, culture, everyday life.

Экономическая, культурная и социальная эволюция во все времена приводила к изменениям в одежде людей сообразно естественно-географическим и климатическим условиям их проживания. «Введенная человеком данной местности одежда совершенствовалась или приходила в упадок в зависимости от разнообразных условий. Если человек в окружающей его природе находил необходимый для своей одежды материал, то он пользовался им для этой цели в широкой степени»¹.

Истоки появления ткани, а значит и ткачества в Азербайджане уходят в глубокую древность, о чем говорят многочисленные археологические находки, датируемые VI—V тыс. до н.э.²

Исмаилзаде Пирага Эюб оглы — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана. Баку. E-mail: aziz963@mail.ru.

Ismailzadeh Piraga E. — PhD (History), leading researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography. National Academy of Sciences of Azerbaijan. Baku. E-mail: aziz963@mail.ru.

Керамические пряслицы биконической формы, найденные в древних оседло-земледельческих поселениях Гаджи-Фируз в районе оз. Урмия, упоминания в памятнике Кюль-тепе о деталях старинных приспособлений для ткачества, обнаруженных в поселениях Али-комектепе на Мугани, а также в курганах и в некоторых кувшинных погребениях Мингечаура, Харабагилана, Шамахи, Сальяна и Ордубада, свидетельствуют о производстве тканей на территории Азербайджана. Среди этих археологических находок были фрагменты шерстяных и грубых льняных материй, изготовленных местными мастерами. Есть предположение, что в древнем Азербайджане изначально ткани делали из льна, а начиная со II—I вв. до н.э. — из конопли. Археологические раскопки показали, что первые бронзовые шила и иглы датируются III тыс. до н.э. Это подтверждает тот факт, что местные мастера умели шить и шили одежду. Глиняные статуэтки из Кюльтепе, изображения на перстнях-печатках из Мингечаура (I тыс. до н.э.) дают достаточно ясное представление об одеяниях тех далеких времен. Ежегодно археологи находят многочисленные украшения (бусины, диадемы, кольца и прочее), сделанные из различных материалов³.

В эпосе «Китаби Деде Горгуд» при упоминании некоторых видов одежды азербайджанского народа используется термин «*don*». Здесь говорится о рубашках, брюках, головных уборах, своеобразных тапочках, сапогах и женских сапожках на каблуках⁴.

Одежда, обувь, головные уборы азербайджанцев, в частности бакинцев, упоминаются в работах С.Г. Гмелина, П. Зубова, Н.Ф. Дубровина, И.Н. Березина и других русских исследователей. Одной из первых русских книг, в которой приводятся краткие сведения по этой теме, была работа С.Д. Бурнашева⁵.

В исследованиях подобного рода содержатся сведения, охватывающие широкий круг вопросов, которые могли заинтересовать русского читателя, незнакомого с новыми владениями Российской империи на Кавказе: состояние хозяйства, естественные богатства и их практическое использование, а также предметы торговли. В этот специальный круг интересов входило ознакомление с достопримечательностями страны, ее городами, обычаями народов, техникой изготовления украшений, как например плетение поясов в технике ажурной накладной филигранны с позолотой и инкрустацией из бирюзы, рубинов и изумрудов. К началу XX в. цены на такие изделия были заоблачными. Малодоступны для большинства женщин были и серебряные с позолотой и тремя-четырьмя камнями или цветным стеклом браслеты «*güllata*». Названные ювелирные изделия с конца XIX в. приобретали на рынках Тифлиса, Баку, Сальяны, Астрахани, Москвы. Кроме того азербайджанцы покупали модные европейские поделки — брошки, цепочки и прочее. Все эти дорогие вещи надевали в особых торжественных случаях. Если у женщины не было ничего из украшений, ее называли «*bigouz*» — нищенка.

Пожилые женщины и незамужние девушки носили намного меньше украшений, чем молодые женщины и невесты, которые стремились выделиться числом драгоценностей и роскошью платья. В дни траура украшения не надевали. Традиционные мужские костюмы азербайджанцев XIX — начала XX в. по покрою и технике изготовления носили ярко выраженный национальный характер. Мужская одежда включала в себя нижнее белье, верхнюю одежду, головные уборы. Обращая внимание на удобный крой, не стеснявший движений, неко-

торые исследователи полагают, что широкие шаровары впервые появились среди тех, кто вел кочевой образ жизни ⁶. Верхняя одежда и головные уборы зависели от общественного положения мужчин, и часто в повседневной жизни именно эта часть костюма больше всего демонстрировала род занятий и занимаемое мужчиной место в обществе.

«Кюпэк» — это рубаха простейшего покроя, с прямыми длинными рукавами, плечевыми швами, прямым разрезом от горловины до линии талии. Для пошива использовали широкую хлопчатобумажную ткань, а если она оказывалась узкой, то по бокам рубахи вшивали расширяющиеся к низу клинья. Рукава таких рубашек могли быть без манжет, но воротники-стойки были обязательным элементом. Полы рубахи доходили до колен.

Штаны — «şalvar» — были длинными и относительно широкими. Верхний край подшивался в рубец, в который продевалась вздержка с кистями на концах. Если рубаху шили из хлопчатобумажной материи кустарного производства, то штаны чаще всего — из плотного сукна, крашеной бязи, сатина и т.д.

Нижнее белье мужчин шилось из дешевого и простого материала, а верхняя одежда — из дорогих тканей. Изрядно поношенные верхние рубашки и штаны несостоятельные люди использовали как нижнее белье. Поясные шнуры плелись из шелковых ниток и их можно было растягивать более чем на 20—40 см. По обоим концам шнура из этих же ниток делали кисти. Следует отметить, что в отличие от женской одежды, где шнуры скрывались, мужчины любили их показывать, демонстрируя таким образом искусство рукоделья женщин его семьи.

Следующую часть мужского костюма составлял архалук, который одновременно называли «дон» и надевали на рубашку. Его шили из темно-синей или темных тонов полушерстяной ткани. Подкладка кроилась из хлопчатобумажного материала темного цвета. Рукава вшивались в округленную пройму. В целом мужской архалук состоял из девяти частей: двух полков, длинной до талии, двух треугольных клиньев между полками и спиной, двух рукавов, воротника-стойки с округленными краями и состоявшей из четырех прямых полотен отрезной бейки, которая шла вниз от талии. Приблизительная длина архалука от плеч до талии, в зависимости от роста мужчины, составляла 40—60 см, а от талии вниз — приблизительно 50 см. Рукава застегивались на 3 пуговицы. Воротник вместе с подкладкой, подшитой на внутреннюю сторону, простегивался частым швом. На архалук надевали длиннополую одежду (чуху), которая шилась из шерстяной ткани, сукна, обычно на шелковой или хлопчатобумажной подкладке ⁷.

До конца XIX в. все детали как мужского, так и женского одеяния, изготовлялись вручную в домашних условиях. Архалук в разных регионах назывался по-разному. В Прикаспийской части Азербайджана — «дон», а в других регионах Азербайджана, а также в странах Передней и Средней Азии, Поволжья и на Кавказе, он именовался «arxalıq», «bəzətəq», «şaran».

Архалук-дон, по описанию русских исследователей, выглядел следующим образом: «Дон — это полукафтаны, длиной по колени, с узкими рукавами, сборками сзади на талии и открытой грудью, застегиваемый в талии и выше нее на несколько пуговиц: рукава, как и у женских архалуков, выкроены у кисти острым мысом, разрезаны и застегиваются на пуговку». Дон шили из полупелюшковых материй или из «гедаку» — бумажной ткани темного цвета, перепоясывали куша-

ком, за которым у богатых беков красовались великолепные пистолеты или кинжалы ⁸.

С начала XX столетия отдельные жители Баку, в том числе интеллигенция, торговцы, служащие административно-управленческого аппарата города стали одевать короткие архалуки. Этот более «модный» «arxalıq» был однобортным или двубортным, приталенным с цельными (передними) полами. Некоторые из них имели откидные, суженные к низу рукава. Поверх такого архалука иногда надевали широкий и длинный пояс, который обматывался несколько раз вокруг талии.

Мужской кафтан — чуху — шили из сукна разных цветов. Передние полы чухи были цельными, с горизонтальным разрезом сбоку. Рукава вшивались почти в прямую пройму, но обязательно с подмышечным вырезом. По всей длине рукав был распашным. Локоть рукавов украшали декоративными петлями из пестрого цветного шнура. Таким же шнуром обшивали края рукавов, полок, ворот и подол. Сверху до талии и в рукава вшивалась серая коленкорая подкладка. Застежек на чухе не было. Воротник-стойка, сшитый из того же сукна, что и вся чуха, и снаружи, и изнутри, был украшен строчкой и по форме напоминал воротник архалука. Архалук и чуху мужчины одевали, когда выходили из дома. Отделка чухи была достаточно богатой.

Зимой мужчины надевали полушубки с полурукавами и открытой грудью. Более состоятельные носили шубу иного фасона — с длинными ложными рукавами шерстью внутрь. Ее так же, как и чуху местами украшали вышивкой из шелковых ниток. Такие типы шуб были широко распространены в конце XIX — начале XX века ⁹.

Головные уборы в XIX—XX вв. шились из меха или плотных тканей. Зажиточные слои населения носили папахи из каракуля, привезенного из Крыма или Средней Азии, в том числе из Бухары. Для азербайджанцев до недавних времен мужской головной убор был показателем социального положения, чести и достоинства. Самым тяжелым оскорблением считалось сорвать папаху с головы мужчины. Каждый азербайджанец стремился иметь как минимум два головных убора: повседневный — недорогой и на выход.

Исследователи кустарных промыслов Южного Кавказа еще в конце XIX в. отмечали, что папаху из бухарского каракуля стоила от 8 до 14 руб., а из местного меха — от 50 коп. до 1 руб. 50 копеек ¹⁰.

Мастер, изготавливавший папахи, считался человеком сравнительно обеспеченным. При существовавшем в те времена большом спросе на этот головной убор он зарабатывал в день 40—50 копеек. Так оплачивался только мастер высшей квалификации. Беглый подсчет говорил о том, что цена папахи из отборного меха равнялась месячному заработку мастера. Естественно, что приобрести ее мог не каждый ¹¹.

Мужчины, как и женщины, ночью надевали специальный головной убор, похожий на колпак. Известен был также головной убор под названием «külah», имевший распространение в XIX — начале XX в. в ряде регионов Средней Азии, где его шили из четырех треугольников. В Иране до недавнего прошлого термин «külah» употребляли для обозначения мужского головного убора ¹². Принятый в Мугане конический «külah» в Иране носили исключительно средние и высшие слои населения. Кроме них, по этнографическим данным, высокий, остроконечный «külah» можно было видеть на головах служителей религии — дервишей, мулл и газы.

По рисункам Г.Г. Гагарина, П. Роттера, А. Азимзаде и по имеющимся фотографиям из книг XX в. становится ясно, что мужчины носили высокий меховой остроконечный головной убор в виде вмятого с одной стороны конуса. Такие же головные уборы одевали и люди духовного звания и местные богачи. Приблизительно со второй половины XIX в. бакинцы среднего достатка предпочитали папаху цилиндрической формы с круглым матерчатым дном¹³.

У В. Легкобытова существует следующее описание папахи: «Высокий меховой папах из бараньей шкуры, несколько загнутый назад, составляющий головной убор, имел вид усеченного конуса. Папах у бедных бывает белый или рыжий, а у богатых — черный. Впрочем, в летнее время и богатые, в защиту от солнечных лучей, носят также белые папахи, которые туземцы никогда не снимают»¹⁴.

Папахи можно разделить на несколько типов: в виде конуса и усеченного конуса; круглой формы с плоским матерчатым суконным донышком; имеющих вмятину с одной стороны конуса.

Как было отмечено выше, по форме головного убора определяли не только род занятий, материальное положение, но также характер и увлечения мужчин. Такие нюансы лучше всего можно проследить по художественной литературе того времени, среди которой особое место занимают рассказы Джафара Джаббарлы и прекрасные портреты-персонажи художников журнала «Молла Насреддин». Но в целом, верхняя одежда и головные уборы больше зависели от общественного положения мужчин, и показывали род их занятий¹⁵.

В Азербайджане шили «qоґу рараq», которые кроились из каракуля и шкурок ягненка. Это были дорогие мужские головные уборы, по цене почти равные «bихага рараq» и доступные лишь состоятельным людям. «Qоґу рараq» состояла из основы, донышка и подкладки. Донышко делали из сафьяна или дубленой шкуры. 2 раза в год подкладка менялась — зимой она была шерстяной, а летом — хлопчатобумажной. Самые лучшие шапки такого рода приобретали на базарах Гянджи, Шамахи, Сальяны и Тифлиса. В XIX в. в моде были также головные уборы в форме усеченного конуса, называемые «черкези папах». В них щеголяли молодые люди из богатых семей. Бедняки в основном одевали шапки из меха низкого класса. Эти папахи имели вид усеченного конуса, но с плоским верхом темного сукна. Такую шапку делали и на подкладке. Подобные головные уборы шили из куса овечьей шерсти с клиньями в верхней части. Под нее можно было надеть вязанную тубетейку.

В конце XIX — начале XX в. извозчики фаэтонов, фургонов и других транспортных средств из-за частых и сильных бакинских ветров поверх прочих головных уборов надевали бушлат, который шился из плотной, однотонной шерстяной ткани. Большие конусообразные башлыки изготавливались из верблюжьей шерсти. Они имели длинные, закругленные концы, которые возницы завязывали в узел и перебрасывали за спину. Сукно для бушлата было местного производства¹⁶. Для русских исследователей головные уборы были не более, чем шапки-папахи, поэтому они отмечали, что в Баку в то время и старики носили конусообразные, длинные, тяжелые папахи, чуть не весом в 8 фунтов. Молодежь и дети носили легкие, круглые папахи карабахского покроя. Мужчины, имевшие духовный сан, при официальных церемониях обматывали голову специальной тканью. Согласно мусульманской религии, ее можно было использовать не только как голов-

ной убор, но и в качестве савана — «kafan», а во время паломничества по мере надобности — как дорожную скатерть или ремень. Религиозные лидеры в Шемахе, носили на головах зеленые тюрбаны ¹⁷.

С конца XIX в. рабочие, прибывавшие из разных стран, привозили с собой новые модные шапки. Так в обиходе появились кепки. На начальном этапе под влиянием иностранцев — русских (молакан), украинцев и др. — азербайджанцы переняли рабочую одежду из недорогой материи. В заключение остается отметить, что в крупных городах Азербайджана в предреволюционные годы мужчины стали надевать европейский или европеизированный костюм. В настоящее время все мужское население сельских местностей носит нижнюю и верхнюю одежду городского типа. Из национального мужского костюма сохраняются лишь папаха и изредка архалук и шуба, надеваемые иногда престарелыми мужчинами. Мужская одежда населения Азербайджанской Республики благодаря росту материального благосостояния народа становится все более нарядной.

Примечания

1. АДЛЕР Б.Ф. Возникновение одежды. СПб. 1903, с. 71.
2. NƏRİMANOV İ.N. Sənətəbə yaşayış yerindəki arxeoloji qazıntılar (1956—1957 — ci illər). — Azərbaycan EA “Xəbərləri”, İctimai elmlər seriyası. Bakı. 1959, № 2, s. 23—31.
3. ИСМИЗАДЕ О.Ш., ИБРАГИМОВ Ф.А., МИНКЕВИЧ-МУСТАФАЕВА Н.В., ФОМЕНКО В.П. Исследования средневекового Баку. Баку. 1974, с. 17; КАЗИЕВ С.М. Археологические раскопки в Мингечауре. Общее собрание АН СССР, посвященное 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л. 1948, с. 10.
4. Kitabı-Dədə Qorqud. Bakı. 1962, s. 44.
5. ГМЕЛИН С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб. 1785; ЗУБОВ П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, этнографическом, статистическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. IV. СПб. 1835; ДУБРОВИН Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 2. СПб. 1871; БЕРЕЗИН И.Н. Поездка на Апшеронский полуостров (из путевого журнала). Казань. 1847; БУРНАШЕВ С.Д. Описание областей Азербайджанских в Персии и их политического состояния. Курск. 1773.
6. ГАГЕН-ТОРН Н.И. К методике изучения одежды в этнографии. — С.Э. 1934, № 3—4, с. 122.
7. МУСТАФАЕВ А.Н. Материальная культура Ширвана. Баку. 1977, с. 76.
8. ТОРЧИНСКАЯ Э.Г. Мужская одежда азербайджанцев XIX — начала XX вв. по собранию Государственного Музея Этнографии Народов СССР. В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М. 1971.
9. ЛЕГКОБЫТОВ В. Провинция Ширван. — Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч. III. СПб. 1836, с. 150.
10. ПИРАЛОВ А. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. В кн.: Кустарная промышленность в России. Т. II. СПб. 1913, с. 53.
11. ЛЕГКОБЫТОВ В. Ук. соч., с. 150.
12. ЛУКОНИН В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М. 1969, с. 28, 198.
13. БОГДАНОВ Л.Ф. Персия. СПб. 1909, с. 75.
14. ЛЕГКОБЫТОВ В. Ук. соч., с. 367.
15. АБАСОВА Л.И. Материальная культура Баку XIX — начало XX вв. (историко-этнографическое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку. 2008, с. 202.
16. ПИРАЛОВ А. Ук. соч., т. II, с. 27.
17. МУСТАФАЕВ А.Н. Ук. соч., с. 81.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Россия и Италия. Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней. М. ЛЕНАНД. 2015. 464 с.

В Институте всеобщей истории РАН недавно была издана книга из серии «Россия и Италия», посвященная пребыванию итальянцев в нашей стране. В сборнике опубликованы исследования, воспоминания, обзоры архивных документов, посвященные широкому, но малоизученному итальянскому присутствию в России в разные периоды: от Руси времен раздробленности до конца XX века. В книге рассматривается самый широкий спектр тем, включающий политические, социальные, культурные, религиозные вопросы. В ней подчеркивается, что тема «Итальянцы в России» гораздо менее исследована, чем ее «зеркальное отражение» — «Русские в Италии» (с. 9), и совсем мало написано о деятельности итальянских подданных в Древнерусском государстве (с. 13).

Участие итальянцев в различных сферах жизни России, как подчеркивается, оказывается если не слишком широким по объему, то весьма значительным по степени воздействия. Это, прежде всего, влияние на культуру России итальянских архитекторов, скульпторов, живописцев, музыкантов, поэтов, актеров, религиозных деятелей. Особенно заметным присутствие итальянцев в России стало в период правления Петра I, и его рост продолжался на протяжении всего XVIII столетия. Отдельной темой в книге представлены исследования деятельности итальянских путешественников, по той или иной причине оказывавшихся в России и оставивших свой след в истории раскрытия «Великой северной державы» не только в родной Италии, но и в Европе в целом. Важной темой выступает вопрос о дипломатии итальянцев в России. Другим предметом пристального внимания исследователей становится итальянская эмиграция в России — как трудовая (наиболее характерная для конца XIX — начала XX в.), так и политическая (связанная с установлением фашистского режима и преследованиями представителей оппози-

ционных партий в 20-е — 30-е гг. XX века). Еще одним аспектом, получившим освещение в статьях книги, стало участие итальянской армии АРМИР в военных действиях на территории Советского Союза во время Великой Отечественной войны. Примечательно, что столь важная для отношений двух стран в XX в. проблема репатриации итальянских военнопленных на родину в нашей стране почти не изучалась. В работе указывается, что данный вопрос в настоящее время остается прерогативой разработки исключительно итальянских ученых (с. 16).

В первом разделе книги приведены истории путешествий итальянцев, связанные с пребыванием или проездом по территории Русского государства. В статье Г.А. Баутдинова «Итальянцы в Тартарии» рассматривается миссия прелата Джованни да Пиан дель Карпино — «пионера» миссионерства XII в. на Востоке. Автор отмечает, что уже в тот период одним из главных интересов для европейцев стала торговля, способствовавшая продвижению на Восток, которая быстро приобрела постоянный и массовый характер (с. 36, 41). Исследователь также уделяет внимание путешествию знаменитого итальянца Марко Поло, путь которого пролегал и через монгольские земли, в связи с чем он оставил свидетельства о «России — большой стране на севере» (с. 40), которая постепенно включалась в товарообмен между Востоком и Западом (с. 42). Новым этапом отношений Москвы с итальянскими государствами называется середина XV в. — начало эпохи дипломатических контактов (с. 45). Главными участниками в данном процессе с итальянской стороны выступали Венецианская Республика, Миланское герцогство и Папское государство.

Среди работ, посвященных итальянскому присутствию в России, особенно интересна статья С.О. Андросова об итальянцах при Петре I. Именно в данный исторический пери-

од двусторонние межгосударственные контакты заметно интенсифицировались, и в России появилось много представителей различных профессий из итальянских стран. Ключевым моментом стало приглашение из Италии военных и военно-морских специалистов для службы (с. 69). Появились и первые строители и архитекторы-итальянцы, приехавшие для реализации масштабных градостроительных планов первого российского императора. Историк подчеркивает, что особенно заметным итальянское присутствие оказалось именно в новой столице и было гораздо более широким, чем это традиционно считается (с. 77).

Отдельной темой выступает статья М. Клементи об итальянской эмиграции с середины XIX в. до периода гражданской войны в России. Ученый приводит подробную характеристику социального состава, условий жизни и областей расселения мигрантов и указывает на высокую степень интегрированности итальянской общины в столице (с. 97). Он выделяет также Украину, Кавказ и Сибирь. Клементи подробно прослеживает судьбы итальянских подданных и этнических итальянцев в период революции и гражданской войны в России (с. 104—114).

Статья Э. Дундович повествует о появлении и развитии такого знаменательного явления, как итальянская политическая эмиграция в СССР, начавшаяся в 20-е гг. XX века. Историк указывает, что основную часть эмигрантов составляли члены Коммунистической и Социалистической партий Италии или убежденные антифашисты. Она пишет, что небольшая их часть прибывала в Советский Союз не с целью найти убежище, а по идеологическим причинам, связанным со стремлением интеграции в социалистическое общество, а еще менее значительная руководствовалась экономическими мотивами (с. 119). Исследователь не только рассматривает систему приема и распределения мигрантов, но и дает оценку общественно-политической ситуации в СССР в указанный период.

Остановимся также на статье М.Г. Талалая и М.Т. Джусты, посвященной восточной кампании Муссолини времен второй мировой войны. Ученые проводят подробный анализ причин и мотивов фашистского руководства, повлиявших на создание итальянской армии

в России, а также дают пространную характеристику ситуации на Восточном фронте с участием итальянского контингента. Внимание уделяется и проблеме пленных итальянцев и вопросу их репатриации (с. 139—143), а также корпусу изданных в Италии мемуаров и воспоминаний итальянских ветеранов. В следующей за совместной публикацией отдельной статье М.Т. Джусты рассматривается тема политической работы среди итальянских пленных в СССР.

Второй раздел сборника посвящен итальянцам, связавшим свою судьбу с нашей страной, их профессиональной деятельности в тот период жизни, который они провели в России. В статьях данного раздела представлены истории как частных, так и состоявших на государственной службе лиц итальянского происхождения. Пишется об их роли в государственной, общественной и культурной жизни России. Особый акцент сделан на XVIII столетии, богатом на приглашенных в нашу страну итальянцев. В данном контексте можно говорить о значительном, хотя и не всегда заметном, влиянии итальянских деятелей искусства на формирующуюся национальную культуру России Нового времени. Существенный вклад итальянских архитекторов, скульпторов, живописцев, музыкантов, литераторов в русское искусство трудно переоценить. Авторы статей неизменно подчеркивают значительную «итальянскую» составляющую в искусстве XVIII в. в России и активное участие итальянцев в культурной жизни Санкт-Петербурга того времени.

Большое внимание ученые уделяют итальянским дипломатам и путешественникам, побывавшим в России. Так, в статье Н.Г. Тереховой рассказывается о миссии священника Арчелли при дворе Петра I, связанной с планами матримониального союза России и Испании через брак дочери русского царя с сыном испанского монарха. Исследователь указывает на особую роль герцогства Пармского, откуда происходил посланец, в реализации столь амбициозного проекта (с. 170). Истории работы итальянского дипломата Карло Андреа Фаббрикотти при царском дворе в Петербурге посвящено исследование М. Дати (с. 290). Отправленные им на Родину письма содержали пространное описание Петербурга конца XIX в., а также интересный анализ внешней

политики Российской империи. Статья Г.Е. Гиголаева повествует о деятельности итальянского диплома Луки Пьетромарки в России уже в XX веке. Автор дает оценку непростым советско-итальянским отношениям в 1958—1961 гг. и подробно рассматривает начальный этап процесса их «потепления» (с. 358).

Отдельной темой раздела выступают представления итальянцев о России. Так, в работе М. ди Сальво говорится о «Московитских письмах» Франческо Локателли (с. 223). Это литературное произведение, опубликованное в 1735 г., стало одним из самых ранних итальянских «обзоров» России, оказавшем значительное влияние на представления европейских обществ о нашей стране. В статье Л. Тави освещается путешествие в Россию маркиза Федерико Фаньяни, оставившего интересные записки об увиденном. Его «Письма из Петербурга», написанные в форме эпистолярного романа, представляют собой значительный исторический интерес и предлагают читателю широкий анализ политической и административной жизни России начала XIX века (с. 246). Любопытны и записки профессора Джузеппе Баруффи о поездках в Петербург и Москву, которые описываются в работе Д. Базелики (с. 256). Итальянский ученый подробно повествует о русских городах, отмечает ряд особенностей городского быта и приводит много ярких деталей своего путешествия.

В разделе есть и ряд исследований, посвященных послереволюционным годам. Это, прежде всего, работы А.Г. Нестерова о миссии итальянского полковника Габба в Закавказье в 1919—1920 гг., в которой освещаются попытки Италии установить отношения с возникшими в регионе государствами, и дается оценка перспектив принятия Закавказья под мандат Италии (с. 308); а также Е.С. Токаревой о жизни итальянского политика и общественного деятеля Гуидо Мильоли, в том числе — о его поездках по молодому Советскому государству и изданных по их итогам трудах (с. 315). Отметим и исследование Г. Маццителли о пребывании в России в годы первой пятилетки писателя и слависта Этторе Ло Гато, оставившего целый ряд книг, посвященных его визитам в Советскую Россию (с. 340). Эти работы представляют значительный интерес в плане изучения представлений иностранцев

о социальной и политической действительности начального этапа существования власти Советов.

В третьем разделе книги опубликованы исследования российских ученых о жизни и деятельности в нашей стране итальянских подданных, основанные на впервые введенных в научный оборот архивных материалах. Они представляют собой яркую иллюстрацию активной вовлеченности итальянцев в общественную и культурную жизнь России на рубеже XIX—XX веков.

Важный раздел книги — воспоминания о живших в России видных общественных и религиозных деятелях. Прежде всего, речь идет о Франческо Мизиано, итальянском коммунисте, эмигрировавшем в Россию в 20-е гг. XX в., и членах его семьи, оставшихся жить в Советском Союзе и внесших заметный вклад в культурную, научную и общественную жизнь нашей страны. Кроме того в книге опубликованы воспоминания профессора Папского Восточного института в Риме Стефано Каприо о его миссии в России и работе здесь дона Бернардо Антонини в непростой период конца 1980-х — 1990-х годов. В раздел также включен автобиографический очерк профессора Витторио Страда о его первом посещении Советского Союза в 1957 году.

В книге также присутствует раздел, посвященный памяти выдающегося ученого-итальяниста Нелли Павловны Камоловой, бессменного редактора всех изданий из серии «Россия и Италия», составленный из воспоминаний коллег, учеников, друзей исследовательницы. Завершает обширный коллективный труд российских историков и их итальянских коллег ряд рецензий на книги о российско-итальянских отношениях, взаимопроникновении двух культур и русском присутствии в Италии.

Рецензируемое издание, несомненно, вносит широкий вклад как в современную отечественную итальянистику, так и в мировую историческую науку. Уникальные исследования российских и итальянских ученых обогащают историю двусторонних научных контактов и расширяют рамки исторического знания в области взаимопредставления двух культур и моментов общей истории России и Италии.

С.М. ГАВРИЛОВА

Contents

Articles: **V.V. Kulikov**. The process of development of the Local Self-Government (zemsky) Regulations of 1890. Historical profiles: **V.V. Dolgov**. Mstislav the Great. Historical publicistic: **A.A. Naryshkin**. Historical aspects of Northern European welfare state formation. Contributions: **S.Yu. Krasnov**. Peculiarities of punishment on customary law of Don Cossacks in the second half of the XIX century; **V.N. Dryakhlov**. Women in the “Lex Salica”; **F. Ahmedova**. Conflicts in the Bolshevik elite of Azerbaijan SSR in 20-ies XX century. Diplomacy in history: **V.S. Dudarev**. Foreign policy of Germany and political receptions of diplomacy of Otto von Bismarck. Debatable issues: **A.H. Borov**. Caucasian war: the problem of an overall interpretation. International scientific cooperation: **P.A. Iskenderov**. The Role of Diplomacy in the History of the Balkans. History and fates: **M.A. Uvarova**. The idea of freedom and order in the political philosophy of Emil Olivier. People. Events. Facts: **B.G. Aliev, A.O. Murtazayev**. Major I.-G. Gerber about Dargins of Akusha-Dargo; **L.Yu. Varentsova**. The order of Great Palace in the Russian state in the XVII century; **N.A. Aliyeva**. Sufi Sheikhs of Azerbaijan in XI—XIII; **P.E. Ismailzadeh**. Men’s clothes of azerbaijanis in the XIX — early XX centuries. Historiography. **Reviews on books**: Russia and Italy. Italians in Russia from Ancient Rus to our days (by S.M. Gavrilova).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 4, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.03.2018. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 850. Заказ 211-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**